

Санкт-Петербургский государственный политехнический университет

На правах рукописи

Лебедев Александр Сергеевич

**Концепция социального государства в шведской политической науке.
Генезис и эволюция.**

Специальность 23.00.01 – Теория и философия политики, история и методология политической науки

Диссертация на соискание ученой степени кандидата
политических наук

Научный руководитель:
д.филос.н., профессор Осипов И.Д.

Санкт-Петербург - 2014

Содержание.

Введение.....	3
1. Феномен социального государства в европейской политической науке	13
§ 1 Генезис и развитие концепции социального государства.	13
§ 2 Полемика о социальном государстве в современной науке.	19
2. Концептуальные характеристики «шведской модели».....	36
§ 1. Культурно-исторические предпосылки концепции социального государства в Швеции.	36
§ 2 Теоретические основания «шведской модели» в довоенный период.	57
§ 3 Сущностные характеристики «шведской модели» в послевоенный период.	75
3. Концепция социального государства в современной политологии Швеции.	93
§ 1 Концепции кризиса «шведской модели».	93
§ 2 Теория «нового общественного управления» в Швеции.	111
Заключение.	138
Список литературы	142

Введение.

Актуальность темы исследования. В настоящее время вопросы проведения продуманной социальной политики, определения её основных принципов и направлений являются одной из важнейших задач российского государства. Председатель Конституционного суда РФ В.Д. Зорькин подчеркнул: «Российская Федерация – это правовое, демократическое, социальное государство, гарантирующее соблюдение прав и свобод человека в социальной сфере».¹ Для России важен опыт других стран, где уже имеется опыт проведения такой политики, и социальное государство в Швеции, «шведская модель» для многих выступает примером успешной социальной политики. Под «шведской моделью» обычно имеется в виду государство, «успешно сочетающее экономический рост с высоким уровнем социального обеспечения на фоне политической стабильности и относительной бесконфликтности в обществе»². На протяжении ряда лет Швеция по данным ООН лидирует в рейтинге стран мира по уровню жизни (в 2013 г. она заняла седьмое место). При определении рейтинга учитываются следующие факторы: продолжительность жизни, уровень здравоохранения и образования, социальная защищенность, экология, уровень преступности, соблюдение прав человека и размер валового национального дохода на душу населения. Отличительными чертами Швеции являются развитые демократические формы и методы государственного управления обществом, экономическая и политическая стабильность, высокий уровень социального обеспечения.

Следует отметить, что в работах российских учёных во многом акцентируется внимание на экономических аспектах социального

---

¹ Доктрины правового государства и верховенство права в современном мире. Под ред. В.Д. Зорькина, П.Д. Баренбойма. М., Лум. 2013.с. 60.

² Борзова Е.П. , Бурдукова И.И. Политические и избирательные системы государств мирового сообщества. СПб, Изд-во СПбГУКИ, 2004. С.429

государства в Швеции,³ или на его социокультурных особенностях,⁴ но меньше внимания уделяется историко-политологическому анализу шведской концепции социального государства, генезису «шведской модели» как комплексной социальной программы создания «Дома для народа», призванной преодолеть сложные политические и экономические кризисы 1920-30-х гг. О.К. Павлова и С.Н.Погодин пишут: «Следуя цели общественного равенства, социал-демократы построили систему всеобщего благосостояния, которая заключается в том, что общество отвечает за предоставление государственных услуг хорошего качества всем гражданам в ряде важных областей: образования, здравоохранения, социальных услуг».⁵ Политической платформой такого государства и социального партнерства выступило Сальтшёбаденское соглашение 1938 года – первое в мире соглашение профсоюзов и работодателей; «в области социального диалога и социального партнерства Швеция является первопроходцем и основоположником»⁶ и «шведская модель» по существу стала основой Североевропейской модели социального государства. «Именно шведский опыт, и это признается самими скандинавами, считается наиболее полным выражением существа социального эксперимента социал-демократов северных стран».⁷

Необходимо также принять во внимание, что сами теоретические основания социального государства в Швеции, «шведской модели» претерпевали трансформацию и включали различные социально-политические идеи. Но при этом сохранялся и концептуальный инвариант, в котором присутствуют как универсальные характеристики

---

³ См. Гришин И. В. Шведская модель общественного развития // Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 10. С. 76 – 87, № 11 – с. 86 – 95; Северная Европа. Регион нового развития. Под. ред. Ю.С.Дерябина, Н.М. Антюшиной. М., Весь Мир. 2008. с. 233-312.

⁴ См.: Плевако Н. С. Государство благосостояния в Швеции // Северная Европа: Проблемы истории, М.: Наука, 2005, С. 154 – 166; Мысливченко А.Г. Шведская модель общественного развития // Западная социал-демократия: поиск обновления в условиях кризиса, М.: Ифран. 1998. С. 70 - 79

⁵ См. Павлова О. К., Погодин С. Н. Страны Северной Европы (Региональный аспект). СПб.: Нестор, 2006, С. 47

⁶ Северная Европа. Регион нового развития. Под ред. Ю.С.Дерябина, Н.М. Антюшиной. М., Весь мир. 2008. С. 265.

⁷ Исаев М.А., Чеканский А.Н., Шишкин В.Н. Политическая система стран Скандинавии и Финляндии. М., РОССПЭН. 2001. с. 126-127.

демократического, правового и социального государства, так и его национальные, социокультурные особенности. В диалектике универсального и национального заключаются теоретическое содержание и политическая практика шведского социального государства.

Степень научной разработанности проблемы. Несмотря на наличие значительной литературы о шведском социальном государстве, в настоящее время испытывается недостаток политологических исследований по проблеме идейных истоков и эволюции данного государства. В работах отечественных исследователей А.М. Волкова, Н. М. Антюшиной,⁸ В. А. Борисова,⁹ А. И. Евдокимова и Ю. Кхаледа,¹⁰ преимущественно рассматриваются экономические аспекты социального государства в Швеции. Имеются также интересные исследования С.Н.Погодина, А.С. Матвеевской, О.К. Павловой,¹¹ И. Н. Новиковой и Е. В. Толстовой,¹² Н. С. Плевако, В. И. Мусаева¹³ в которых анализируются исторические и региональные аспекты деятельности шведского государства. Некоторые российские учёные останавливают своё внимание на изучении отдельных направлений социальной политики Швеции: Е.А. Сорокина,¹⁴ А. В. Рябиченко¹⁵ А. Н. Павлова.¹⁶ Следует назвать и авторов, работы которых посвящены анализу социального государства в Швеции в контексте

⁸ См. Волков А.М. Швеция: социально-экономическая модель. М., 1991; Антюшина Н.М. Шведская модель: из прошлого в будущее, М.: Рус. сувенир, 2008, 132 с.

⁹ См. Борисов В.А. Социально-экономические и геополитические аспекты «шведской модели» экономики: Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. Краснодар: 2002. 19 с.

¹⁰ См. Евдокимов А. И., Кхалед Ю. Швеция в системе мирового хозяйства: Структура и тенденции развития национальной экономики, модернизация модели "всеобщего благосостояния" и внешние экономические связи, СПб.: 2007, 133 с

¹¹ Павлова О.К. Погодин С.Н. Страны Северной Европы (Региональный аспект). СПб., Изд-во СПбГПУ, 2006. 192 с.; Матвеевская А.С., Погодин С.Н. Социальная адаптация иммигрантов в Швеции: региональная специфика. СПб., Изд-во СПбГПУ, 2012. 176 с.

¹² См. Новикова И. Н., Толстова Е. В. Партийная система Швеции в свете парламентских выборов 2010 года // ПОЛИТЭК: Политическая экспертиза. 2011. Т. 7. № 3. С. 165 – 181

¹³ См. Плевако Н. С. Швеция: реформизм против реформы? К проблемам «экономической демократии» в 60-80 гг., М.: Наука, 1990. 109 с.; Мусаев В.И. Религия и церковь в странах Северной Европы, СПб., Изд-во СПбГПУ, 2012. 288 с.

¹⁴ См. Сорокина Е. А. Современное шведское общество и семья: векторы движения // Северная Европа. Проблемы истории, М.: Наука 2007. С. 237 – 254

¹⁵ См. Рябиченко А. В. Исторический обзор развития пенсионной системы Швеции // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Вып. 12. 2011. С. 63 – 66.

¹⁶ См. Павлова А. Н. Семейная политика Швеции в 1960-70-е годы // Северная Европа. Проблемы истории, М.: Наука, № 4, 2003. С. 150 – 170

проблемы развития государств стран Северной Европы: М. А. Исаев, А. Н. Чеканский, В. Н. Шишкин «Политическая система стран Скандинавии и Финляндии» М., РОССПЭН. 2001; Северная Европа. Регион нового развития. Под ред. Ю.С. Дерябина, Н.М. Антюшиной. М., Весь Мир. 2008; М.А. Могунова. Скандинавский парламентаризм. Теория и практика. М., РГГУ, 2001. Административная система стран Северной Европы рассматривается Н. В. Кузнецовым в учебнике «Государственная политика и управление. Уровни, технологии, зарубежный опыт государственной политики и управления». Учебник в 2-х частях. Часть 2. Под ред. Л.В. Сморгунова. М., РОССПЭН, 2007. Однако проблемы идейной эволюции социального государства в Швеции в этих работах специально не исследовались.

В самой Швеции концепции социального государства посвящена значительная исследовательская литература. Так Б. Ротштайн¹⁷ исследует концепцию социального государства в контексте понятий доверия и социальной дилеммы, и в соавторстве с профессором Лундского университета Й. Линдваллем¹⁸ им была издана работа, в которой вскрывались причины кризиса «шведской модели». Й. Пальме¹⁹ анализирует государство всеобщего благосостояния в связи с проблемой перераспределения доходов. М. Рокас,²⁰ М. Рюнер²¹ и А. Берг²² в значительной степени исходят из экономических особенностей «шведской модели». Исследования П. Г. Эдебалька²³ концентрируются на изучении идей социальной политики Г. Мёллера, положивших начало принципу

¹⁷ См. Rothstein B. The Universal Welfare State as a Social Dilemma, Göteborg, 1998, 23 p.

¹⁸ См. Lindvall J., Rothstein B. Sweden: The Fall of the Strong State // Scandinavian Political Studies. 2006. Vol. 29. № 1. P. 47-63

¹⁹ См. Palme J. Income distribution in Sweden // The Japanese Journal of Social Security Policy. 2006. Vol.5. No.1. P. 16 – 26

²⁰ См. Rojas M. Beyond the Welfare State. Sweden and the Quest for a Post-Industrial Welfare Model, Stockholm: Timbro, 2001. 135 p

²¹ См. Ryner M. Neoliberal Globalization and the Crisis of Swedish Social Democracy // Economic and Industrial Democracy. 1999. Vol. 20. P. 39-79

²² См. Bergh A. The Universal Welfare State: Theory and the Case of Sweden // Political studies. 2004. vol. 52. P. 745-766

²³ См. Edebalk P.G. Möllersmodellen. Svensk socialförsäkring 1944-51 // Socialvetenskaplig tidskrift. 1994. № 1. S. 21-44

универсализма в «шведской модели». С. Монтин²⁴ и П. Блумквист²⁵ останавливают своё внимание на анализе идеи «нового общественного управления» применительно к трансформации «шведской модели», а Т. Свенссон ставит целью анализ маркетизации современного шведского социального государства.²⁶ К. У. Шируп уделяет пристальное внимание проблеме социальной изоляции в Швеции в эпоху глобализации.²⁷

За последние годы также осуществлен перевод ряда работ шведских авторов по теме диссертации: А. Карлсона²⁸, О. Петерсона²⁹, А. Линдбека³⁰, К. Эклунда,³¹ Б. Густафссона,³² Г. Лассинантти³³, А.Л. Юханссона и И. Хирдман,³⁴ С. О. Литторина.³⁵ В переведённом сборнике «Создавая социальную демократию. Сто лет Социал-демократической рабочей партии Швеции»³⁶ под редакцией К. Мисгельда и К. Молина присутствуют статьи Ё. Эспинг-Андерсена и некоторых других исследователей, рассматривающих различные аспекты «шведской модели».

Помимо этих работ в диссертации анализируются также классические труды о шведском социальном государстве. В их числе известная работа

²⁴ См. Montin S., Eländer I. Citizenship, Consumerism and Local Government in Sweden // *Scandinavian Political Studies*. 1995. Vol. 18. № 1. P. 25 – 48

²⁵ См. Blomqvist P. The Turn to Privatization in Swedish Welfare Services: A Matter of Ideas? Uppsala, 2005. 24 p.

²⁶ См. Svensson T. Globalisation, Marketization and Power -the Swedish case of Institutional Change // *Scandinavian Political Studies*. 2002. Vol. 25. Issue 3. P. 197-229

²⁷ См. Schierup C.-U. "Diversity" and Social Exclusion in Third Way Sweden. The "Swedish Model" in Transition, 1975 – 2005, Norrköping: Isv-Remeso, 2010. 48 p.

²⁸ См. Карлсон А. Шведский эксперимент в демографической политике. Гуннар и Альва Мюрдали и межвоенный кризис народонаселения. М.: ИРИСЭН, 2009. 312 с.

²⁹ См. Петерсон О. Шведская система правления и политика, М.: Московская школа политических исследований, 2008. 208 с.

³⁰ См. Линдбек А. Шведский эксперимент // *Очерки о мировой экономике* / под ред. Осунда А., Малевой Т. – М.: Гендальф, 2002. С. 69 - 145

³¹ См. Эклунд К. Наша экономика. Введение в макроэкономику. М.: Школа политических исследований, 2004. 528 с

³² См. напр. Густафссон Б. Современный опыт Швеции в области международной миграции: проблемы и исследования // *Журнал исследований социальной политики*. 2003. Т. 1. № 2. С. 185-211

³³ См. Лассинантти Г. Шведская модель – третий путь? // *Северная Европа: Проблемы истории*, М.: Наука, 2003. С. 126 – 141

³⁴ См. Юханссон А.Л. Анализ шведской модели; Хирдман И. Женщины – от возможности к проблеме? Конфликт полов в «государстве всеобщего благоденствия»-шведская модель // *Северная Европа. Проблемы истории*, М.: Прогресс-Академия, 1995. С. 310-348 и С. 217-248

³⁵ См. Литторин С. О. Крушение социалистического мифа. Расцвет и упадок государства благосостояния в Швеции. М.: Фонд «Референдум», 1991. 78 с.

³⁶ См. *Создавая социальную демократию. Сто лет Социал-демократической рабочей партии Швеции* / под ред. К. Мисгельда, К. Молина, К. Омарка. – М.: Весь мир, 2001. 592 с.

Альвы и Гуннара Мюрдалей «Кризис в вопросе народонаселения»,³⁷ которая по существу легла в основу демографической и гендерной политики в Швеции. Экономическая политика государства всеобщего благосостояния в Швеции опиралась на исследования экономистов Центрального объединения профсоюзов Швеции (ЦОПШ) – Ё. Рена и Р. Мейднера. Модель Рена-Мейднера представлена книгой Р. Мейднера «Фонды наёмных работников. Подход к коллективному капиталообразованию»,³⁸ а также сборником статей о Ё. Рене и «шведской модели».³⁹ Социальная политика шведского правительства длительное время находилась под воздействием идей Г. Мёллера, и его работа также рассматривалась в диссертации.⁴⁰ В диссертации также исследуются статьи и выступления премьер-министра Швеции У. Пальме, чья активная теоретическая и политическая деятельность определяла развитие «шведской модели» в последние десятилетия её существования.⁴¹

Объект исследования – сущность и особенности развития концепция социального государства в шведской политической науке XX века.

Предмет исследования – историко-политологические и теоретико-политологические концепции и предпосылки «шведской модели» социального государства.

Цель исследования – анализ генезиса и эволюции концепции шведского социального государства в XX веке.

Задачи исследования:

1. Рассмотреть идейно-типологические формы социального государства;
2. Исследовать концептуальные предпосылки социального государства и социальной политики в Швеции;

³⁷ См. Myrdal G., Myrdal A. Kris i befolkningsfrågan, Falun: Bokförlaget nya doxa, 1997. 332 s.

³⁸ См. Meidner R. Employee Investment Funds. An Approach to Collective Capital Formation, London: George Allen & Unwin, 1978. 132 p.

³⁹ См. Gösta Rehn, the Swedish Model and Labour Market Policies. International and national perspectives / edited by Henry Milner, Eskil Wadensjö, Aldershot: Ashgate Publishing, 2001. 331 p.

⁴⁰ См. Möller G. Socialiseringsproblemen. Föredrag av Gustav Möller vid Skandinaviska arbetarekongressen i Köpenhamn den 21 januari 1920 // Tiden. 1920. № 3. S. 97 – 105

⁴¹ См. Palme O. Democratic socialism means solidarity // Socialism, Peace and Solidarity. Selected Speeches of Olof Palme, New Delhi, 1990. P. 14 - 28

3. Проанализировать теоретико-концептуальные и политологические основания «шведской модели»;
4. Изучить историко-культурную специфику «шведской модели»;
5. Раскрыть содержание понятия социал-демократического государства всеобщего благосостояния;
6. Выявить предпосылки и особенности кризиса концепции социального государства в Швеции на рубеже XX – XXI веков;
7. Исследовать современную концепцию социального государства в Швеции.

Теоретико-методологическая основа исследования.

Теоретической основой диссертационного исследования являются концепции шведских политологов по проблеме социального государства, а также работы отечественных учёных по данной проблематике. Автором в ходе анализа используются системный и междисциплинарный подходы, позволяющие адекватно отразить содержание концепции шведского социального государства. В процессе исследования концепции социального государства также использованы методы типологизации, сравнительно-исторического анализа.

Научная новизна исследования определяется недостаточностью изученности в отечественной науке политологических предпосылок генезиса и формирования концепции социального государства в Швеции. В процессе исследования:

1. Выявлены культурно-исторические истоки «шведской модели» и раскрыто её содержание;
2. Конкретно исследована полемика по проблеме социального государства в шведской политологии (Ё. Эспинг-Андерсен, А. Хемерийк, Дж. Вейт-Уилсон);
3. Проанализированы концепции социал-демократического государства всеобщего благосостояния: модель Рена-Мейднера, «демократический социализм» У. Пальме, концепция Альвы и Гуннара Мюрдалей и др.;

4. Изучена концептуальная специфика социал-демократической модели универсалистского государства всеобщего благосостояния и неолиберальной концепции социального государства в Швеции;
5. Обосновано, что в основе современного кризиса «шведской модели» находятся, с одной стороны, процессы глобализации, развития информационных технологий и изменения экономических условий, а, с другой стороны – политика либерализации социального государства в Швеции

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Шведское государство всеобщего благосостояния, «шведская модель» является социально-политическим феноменом, тесно связанным в своём генезисе с социал-демократической политической идеологией и историческими особенностями шведского уклада жизни;
2. Политическая идеология шведской социал-демократии представляет собой пример соединения национального и универсального в понимании содержания и формы социальной политики;
3. «Шведская модель» идейно эволюционировала от обоснования универсалистского типа социального государства к принципам социал-либерализма;
4. К концу XX века программные положения социал-демократического и либерального политических партий в интерпретации шведского социального государства получили выражение в концепции «нового общественного управления»;
5. Современный кризис «шведской модели» во многом связан с политикой социал-демократов (чрезмерным увеличением затрат на регулирование рынка труда, появлением фондов наёмных работников). В свою очередь это вызвало переход к политике «нового общественного управления»;
6. В своей социальной политике Швеция эволюционировала от идеологии корпоративизма, характеризующегося компромиссом между государством,

профсоюзами и работодателями, к политике более тесного межпартийного сотрудничества;

7. В XXI в. в «шведской модели» произошли значительные институционально-политические изменения: осуществилась смена приоритетов с политики гарантии полной занятости на политику обеспечения низкого уровня инфляции в экономике;

Теоретическая и практическая значимость диссертационной работы определяется тем, что на основе конкретного анализа генезиса и эволюции концепции социального государства в шведской политической науке раскрываются идейные предпосылки трансформации «шведской модели» рубежа XX-XXI вв. Это позволяет уточнить основные концептуальные формы социального государства в Швеции и выявить различные этапы его развития. Диссертационное исследование также на примере шведского социального государства раскрывает общие и конкретные особенности различных модификаций социального государства и выявляет предпосылки кризиса данного типа государства.

Результаты диссертационной работы могут быть использованы органами муниципальной и государственной власти Российской Федерации при разработке программ социальной политики. Основные положения и выводы из диссертационного исследования могут также быть применены при чтении курсов лекций и проведении семинарских занятий по политологии, истории политических учений, мировой политике и международным отношениям.

Апробация работы. Положения и выводы диссертационной работы нашли своё отражение в публикациях диссертанта, в том числе в трёх статьях в научных журналах, рекомендованных ВАК для публикации основных результатов диссертации на соискание учёной степени кандидата политических наук. Апробация положений диссертации состоялась на конференциях «Международные отношения и диалог культур» в Санкт-Петербургском государственном политехническом университете (май 2010

г.), «Современные проблемы высшей школы» в Санкт-Петербургском государственном аграрном университете (июнь 2010 г.), а также на конференциях в Санкт-Петербургском государственном университете: «Аксиология российского конституционализма: единство в многообразии» (ноябрь 2011 г.) и «Философия российской государственности: история и современность» (ноябрь 2012 г.).

1. Феномен социального государства в европейской политической науке

§ 1 Генезис и развитие концепции социального государства.

История развития концепции социального государства насчитывает более 100 лет, однако до сих пор зарубежные и отечественные ученые расходятся во взглядах на характеристики данного социально-политического феномена. В научной литературе для его описания можно встретить различные синонимы: социальное государство, государство всеобщего благоденствия, государство благосостояния, социально–правовое государство. Т. Х. Маршалл употребляет для его описания термин «дефисное общество», а Р. Кроссман предложил именовать государство на широкой социальной платформе «welfare – капитализмом».⁴² Во всех этих определениях существенным признаком таких государств является понятие социального; поэтому принципиально важно для анализа «шведской модели» определить теоретическое содержание социального государства. В своём генезисе оно во многом связано с политикой шведских социал-демократов, однако при этом стоит принять во внимание то, что сами они во многом адаптировали представления о нём к традиционным для шведского общества ценностям свободы, социального равенства и взаимопомощи.

Рассматривая теоретические истоки социального государства, следует подчеркнуть, что уже в XVIII веке в философии Просвещения возникают идеи организации государством социального призрения. Немецкий философ И. Кант писал в 1797 г.: «У верховного повелителя есть *косвенное право*, т.е. принадлежащее ему как лицу, которое принимает на себя обязанности народа, облагать народ налогами для его собственного (народа) содержания: для призрения *бедных*, для *воспитательных домов и церковных учреждений*, называемых иначе *благотворительными*, или *богоугодными заведениями*».⁴³

⁴² См. Маршалл Т. Х. Ценностные проблемы welfare-капитализма // Журнал исследований социальной политики. 2010. Т. 8. № 4. С. 439

⁴³ Кант И. Метафизика нравов. Соч. в шести томах. Т.4. Ч. 2. М., «Мысль», 1965. С. 249.

Немецкий философ отмечал, что правительство имеет право принуждать состоятельных граждан «доставлять средства для содержания тех, кто не в состоянии обеспечивать удовлетворение своих, даже самых необходимых естественных потребностей»,⁴⁴ и объяснял это тем, что существование таких лиц есть «акт отдачи себя по защиту общества». И осуществлять данное право можно, по его мнению, «облагая налогами собственность граждан или их торговый оборот, либо выпуская процентные бумаги, проценты которых идут не в пользу государства (ибо оно богато), а в пользу народа»⁴⁵. Кант писал также о том, что существует единственный, соответствующий праву государства, способ социального обеспечения: «за счет текущих взносов так, чтобы каждое поколение кормило своих бедняков». «От этого способа не может уклониться тот, у кого есть чем жить, ибо текущие взносы, если их сумма возрастает вместе с числом бедных, не превращают состояние бедности в средство существования для ленивых людей (а этого можно опасаться в результате деятельности благотворительных организаций) и поэтому не могут стать *несправедливым* бременем, налагаемым на народ правительством».⁴⁶ В этот же период на Севере Европы впервые появляются законодательство о бедных, о запрещении нищенствовать; под воздействием философии Просвещения возникают законы о школьном образовании.

В европейской политической философии XIX века под влиянием идеологии коммунизма и социализма «появляется четкое понимание социального дела».⁴⁷ В середине XIX века немецкие консерваторы Л. Штейн, Ю. Оффнер, Ф. Науманн и А. Вагнер предложили создать систему государственного попечительства, социальную политику за условиями существования индивидов, которая была связана с категорией благоденствия (Welfare). «Будучи государством благоденствия, оно стремится превратить свою основу-общество в хорошее общество, определить сколь много

---

⁴⁴ Там же. С. 249.

⁴⁵ Там же. С. 250.

⁴⁶ Там же. С. 250.

⁴⁷ Исаев М.А., Чеканский А.Н. Щишкин В.Н. Политическая система стран Скандинавии и Финляндии. М., РОССПЭН, 2001. С.176.

государство тратит на социальные нужды и каков качественный уровень жизни в таком государстве».⁴⁸ Одно из лучших определений социальной политики принадлежит Л. Штейну, который, исходя из учения о душе государства и понимая под этим народ, поставил задачу для государства заботиться о своей душе. Его концепция при этом выступала альтернативой, как коммунизму, так и социал-демократии, которые подвергаются им критике за эгалитаризм, противоречащий принципу совершенствования индивида. Сущность взглядов Л. Штейна на государство сводится к тезису о выполнении им утилитарных задач, то есть государство «обязано поддерживать абсолютное равенство прав общественных классов и отдельной личности. Благодаря своей власти оно призвано способствовать экономическому и общественному прогрессу всех граждан, ибо, в конечном счете, развитие одного выступает условием развития другого».⁴⁹ «Внутреннее управление, – пишет Штейн, – по своему формальному понятию представляет собой совокупность тех сторон государственной деятельности, которая доставляет отдельному человеку условия для его индивидуального развития, недостижимые его собственной энергией и усилиями».⁵⁰ По этой причине ученый усиливает значение гражданского общества относительно государственного аппарата; по его мнению, только общение людей способно восполнять недостатки силы индивида для достижения общей пользы.

При этом согласно Штейну, общество не может в своей организации исходить из принципа социального равенства, и государство, обладающее возможностью влияния на процесс формирования общества, обязано создавать условия перехода человека в более высокий социальный класс.⁵¹ Духовное, физическое и социальное развитие во многом зависит от усилий

---

⁴⁸ Там же. С. 177.

⁴⁹ См.: Кочеткова Л.Н. Социальное государство: консервативный проект Лоренца фон Штейна // Россия: путь к социальному государству / Материалы Всероссийской научной конференции, М.: Научный эксперт, 2008. С. 355

⁵⁰ Штейн Л. Учение об управлении и право управления со сравнением литературы и законодательств Франции, Англии и Германии, СПб.: Издание А. С. Гиероглифова, 1874. С. 49

⁵¹ См.: указ соч. С. 525

человека, и сферы государственного управления должны включать три направления: развитие личности, экономическое и общественное развитие общества. Применительно к личной жизни государству надлежит создавать условия для нормальной жизнедеятельности индивида. В регулировании государством общественных отношений предполагается уничтожение той исключительности положения, которая создает для некоторых сословий преимущества в сравнении с остальными членами общества. То есть, необходима замена права сословного общества общегосударственным правом. «Когда же государство не в силах выполнить свою высшую социальную функцию, - пишет Штейн, - которая заключается не в подчинении одного интереса другому, а в гармоничном разрешении их противоречий, тогда его место занимает элементарная власть физических сил и гражданская война».⁵² Практическую реализацию взгляды Штейна получили в Конституции Бисмарка 1871 г. и в немецкой модели пенсионного страхования 1889 г. «Социальное законодательство канцлера Германии Бисмарка преследовало цель уменьшить власть политических лидеров рабочего класса».⁵³ Задачей государства «в рейнской традиции является обеспечение государством, по крайней мере, минимального уровня социальной безопасности».⁵⁴ В последующем в юридических кодексах Дании и Швеции появилось пенсионное страхование, система страхования от несчастных случаев на производстве, политика поддержки семьи и материнства.

Идеи социального либерализма присутствуют в концепции Д. С. Милля. Он известен своей активной деятельностью по защите прав рабочих за представительство в парламенте, выступал против различных форм дискриминации женщин. По его мнению: «Государство должно уважать свободу каждого индивидуума во всём, что касается исключительно самого

---

⁵² Там же.

⁵³ Тофалль Н.Ф. Дискуссия по докладу Х. Вартина «Социальная рыночная экономика-основные идеи и их влияние на экономическую политику» // Социальное рыночное хозяйство. Теория и практика экономического порядка в России и Германии. Пер. с нем. В.С.Автономова и П. Козловски. СПб., 1999. С.33.

⁵⁴ Там же. С. 12.

этого индивидуума, но при этом оно обязано иметь самый бдительный надзор над тем, как индивидуум пользуется этой властью, которой оно позволяет ему иметь над другими людьми».⁵⁵ И если в стране сложилась неблагоприятная социальная и экономическая ситуация, то государство может изменить её посредством правовых реформ. В начале XX столетия идеи социальной политики получили распространение в Австрии, Франции, Англии и Италии. Право на «достойное человеческое существование», на труд и на социальное страхование были выражены в русской либеральной политической мысли, в трудах П.И. Новгородцева, Б.А. Кистяковского, И.А.Покровского.⁵⁶

Во второй половине 30-х годов XX в. Дж. М. Кейнс и группа экономистов из Стокгольмского университета независимо друг от друга создают теорию, обосновывающую необходимость государственного вмешательства в процесс реализации закона спроса-предложения. Кейнс выразил её суть следующим образом: «Государство должно будет оказывать своё руководящее влияние на склонность к потреблению частично путём создания соответствующей системы налогообложения, частично фиксированием нормы процента и, возможно, другими способами».⁵⁷ Целью учёных было предотвращение экономических кризисов подобных Великой депрессии в США, и новый взгляд на экономику подчёркивал важность создания государства на широкой социальной основе для преодоления таких кризисов. «Формирование социального государства было бы невозможным без кейнсианской теории активного воздействия государства на общественный спрос, включая как потребительский, так и инвестиционный спрос».⁵⁸ Важным в кейнсианстве была и концепция государства, которое «есть лишь приспособление, с помощью которого люди влияют на свою судьбу». В

⁵⁵ Милль Д.С. О свободе. Антология западно-европейской классической либеральной мысли. Под ред. М.А.Абрамова. М., Наука, 1995. С. 383.

⁵⁶ См.: Новгородцев П.И. Покровский И.А. О праве на существование. СПб., 1911. С. 3-13; Кистяковский Б.А. Государство правовое и социалистическое // Вопросы философии. 1990. № 6.; Струве П.Б. Марксовская теория социального развития. Киев. 1905.

⁵⁷ Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег, М.: Гелиос АРВ, 2002. С. 345

⁵⁸ Северная Европа. Регион нового развития. Под ред. Ю.С.Дерябина, Н. М. Антюшиной. М.: Весь Мир, 2008. С. 239

относительно короткий период идеи Кейнса были поддержаны политиками: Ф. Рузвельтом в США, У. Бевериджем в Великобритании, Э. Вигфорсом в Швеции, Л. Эрхардом в Германии. В целом, как пишет Т. Х. Маршалл, начиная с 1930-х гг. социальные системы Европы, если только они не были коммунистическими, фашистскими и «нацистскими», стали безнадежно дефисными.⁵⁹ При этом эпоха расцвета государств благосостояния относится к послевоенному времени, что и вызвало ряд научных дискуссий о сути данного типа государства. Среди ученых того периода, исследующих предпосылки развития социальных государств и уровень их расходов на социальные программы, можно выделить Гарольда Виленски, Ричарда Титмуса и Ёсту (Гёсту) Эспинг-Андерсена.

Формирование концепции социального государства в Швеции происходило также под воздействием социал-демократической идеологии. Между тем, с момента появления концепции Л. Штейна и до появления кейнсианской модели макроэкономического равновесия, оказавшей большое влияние на распространение разнообразных типов социальных государств, систематических научных исследований о сущности социального государства не проводилось. И только после Второй мировой войны многие учёные заинтересовались феноменом социального государства в связи с появлением его институтов в ряде стран, а также высокими экономическими показателями и политической стабильностью.

---

⁵⁹ См.: Маршалл Т. Х. Ценностные проблемы welfare-капитализма // Журнал исследований социальной политики. 2010. Т. 8. № 4. С. 440

§ 2 Полемика о социальном государстве в современной науке.

Проблема определения сущности и специфики социального государства занимает важное место в современной политологической литературе⁶⁰. Важную роль в этой полемике играет концепция американского политолога Гарольда Виленски. Социальное государство он понимает как гарантированные правительством минимальные стандарты доходов, питания, здоровья, жилья и образования, предоставляемые каждому гражданину как его право, но не в качестве жеста благотворительности. Его формированию, по мнению учёного, предшествовал экономический рост в государстве, опосредованный демографическими изменениями. Увеличение продолжительности жизни, результатом которого стало появление большого числа людей преклонного возраста, потребовало от государства выделять значительные денежные средства на их содержание.⁶¹

Концепция английского политолога Р. Титмуса отличается тем, что он первым осуществил дифференциацию социальных государств, выделив три идеальных типа: маргинальный (англо-саксонские страны); промышленного достижения (Центральная Европа) и институциональный (Великобритания и страны Скандинавии).

Исследование датчанина Ё. Эспинг-Андерсена, изложенное в книге «Три мира благоденствия капитализма» (1990), строилось на рассмотрении восемнадцати наиболее развитых по состоянию на 1980-е гг. демократий. Их анализ и последующая классификация производились по трём критериям: наличие универсалистского статуса гражданина, наличие соглашений между институтами семьи, государства и рынка и степень декоммодификации. Под последним Ё. Эспинг-Андерсен понимал не просто замещение принципа рыночного распределения товаров, а отделение жизненных возможностей человека от его способности оплатить их продажей своего труда на рынке

---

⁶⁰ См.: А.В.Сергачев. Новые подходы к изучению концепции государства всеобщего благосостояния в конце XX века // Россия в глобальном мире. Альманах. -2013. № 1.(24). С. 147-155.

⁶¹ О концепции Г. Виленски см.: Myles J., Quadagno J. Political Theories of the Welfare State // Social Service Review. 2002. Vol. 76. № 1. p. 36.

или, иначе говоря, появления у него социальных прав, данных по наличию гражданства страны, а не по оценке его деятельности.⁶² С учётом изложенных позиций, исследователь группирует социальные государства следующим образом: либеральные (рыночно ориентированные); консервативно-корпоративистские и социально-демократические.

Либеральные государства благосостояния, которыми в основном являются англо-американские страны, рассматривают своих граждан как субъектов рынка. Поэтому именно там они получают свои социальные блага, например, через обращение в частные страховые компании. Такая социальная политика основана на проверке людей на нуждаемость и скромных по своему объёму социальных пособиях.

Консервативно-корпоративистский тип социального государства, называемый также христианско-демократическим, восходит к идеям Л. Штейна. Такое государство по своему смыслу антилиберально и заинтересовано в поддержке иерархического общественного порядка. Социальные права граждан обширны, однако их права и привилегии опираются на класс и социальный статус, а перераспределение социальных благ незначительно. Роль христианских демократов в развитии данного типа социального государства сводится к отказу от примата рынка и отстаиванию принципа субсидиарности, в ходе которого именно семья приобретает преимущество в социальном обеспечении. Основной акцент в политике делается на перераспределение средств, достаточных для покрытия недостатка доходов мужчины-кормильца. Социальные услуги, способствующие женской занятости и обеспечению рабочих мест для женщин, весьма скромны. Типичным представителем данного типа государства благосостояния является Германия и ряд других стран континентальной Европы (Австрия, Франция, Нидерланды, Бельгия).

---

⁶² См. Esping-Andersen G. The Three Worlds of Welfare Capitalism. Cambridge: PRINCETON University Press, 1990. p. 37

Социал-демократическое государство благосостояния представляет собой модель общества, характеризующуюся экстенсивными социальными правами и второстепенной ролью частного социального обеспечения. Здесь социальные права более универсальны, нежели корпоративны. Они подчёркивают равенство гражданства, а не сохранение статусных различий, как в консервативно-корпоративистском типе. Социальной поддержкой государства охвачены все граждане независимо от своего пола и возраста. Книга датского ученого представляет собой фундаментальное исследование государства благосостояния, которая стала предпосылкой других классификаций социальных государств. Из них можно выделить концепции таких авторов, как О. Кангас (1994), Ч. Раджин (1994), С. Петруцелло (1999).

Из наиболее интересных последних работ следует назвать концепцию Антона Хемерийка. В статье «Самотрансформация европейских социальных моделей» (2002) он предлагает классифицировать государства благосостояния по показателям занятости, интенсивности услуг, уровню доходного неравенства и, наконец, по структурам налогообложения. Согласно этим категориям, существует три разновидности государства благосостояния: «нордическая» (северная), англосаксонская и континентально-европейская модели.⁶³ Для первой, «нордической» характерны: наличие, основанных на гражданстве универсальных прав; щедрые коэффициенты замещения в трансфертных программах; общее финансирование доходов; щедрое снабжение социальными услугами, не ограничивающееся здравоохранением и образованием; активная семейная политика, поощряющая гендерное равенство и вхождение женщин на рынок труда; от низкого (Дания) до высокого (Швеция) уровень охраны труда с акцентом на активную политику и создание учебных программ на рынке труда; корпоративные трудовые отношения с централизованным уровнем ведения переговоров и сильными профсоюзами.

---

⁶³ См. Hemerijck A. The self-transformation of the European social models // International Politik und Gesellschaft, Bonn. 2002. № 2. p. 41

В англосаксонской модели социального государства, по его мнению, существует уклон в сторону основанных на социальных потребностях прав, низкого коэффициента замещения в трансфертных программах, общего финансирования доходов, неразвитости общественных (государственных) социальных услуг за пределами здравоохранения и образования, недостаточной семейной политики, низкого уровня охраны труда с отсутствием активной политики на рынке труда, несогласованных трудовых отношений с умеренно сильными профсоюзами, ведения децентрализованных переговоров по вопросам установления заработной платы.

Наконец, существует континентально-европейская модель, сложившаяся под влиянием этатистской, корпоративистской и семейной традиций. В государствах данного типа страхование привязано к занятости и является профессионально дифференцированным. Здесь также наблюдается крайне неравномерный уровень замещения в трансфертных программах, объединяющий высокие пенсии с порой очень умеренной поддержкой в остальных видах социального страхования (например, пособие по безработице); скромный уровень общественных социальных услуг за пределами здравоохранения и образования, зачастую зависимый от частных пожертвований; пассивная семейная политика с акцентом на наличие мужчины-кормильца; высокий уровень охраны труда, который защищает мужчину-кормильца, в сочетании с пассивной политикой на рынке труда, но комплексной системой профессионального образования и обучения; сильное социальное партнёрство и скоординированные индустриальные отношения с преобладанием отраслевых переговоров о заработной плате.

Может показаться, что изучение феномена социального государства зарубежными учёными сводится только к определению и анализу его различных видов, а вся полемика основана на противостоянии конкурирующих типологизаций. В действительности отношение к социальному государству менялось соответственно обстановке в мире. В

конце XX столетия, например, учёные распространили свои интересы и на изучение других его аспектов, перейдя от вопросов расширения социального государства также к проблеме его регресса в условиях открытой экономики и глобализации⁶⁴. Известный канадский политолог, доктор Джон Майлз, выделяет следующие направления научной дискуссии о социальном государстве: политические партии и институты; эластичность государств благосостояния; глобализация, постиндустриализм и гендерный вопрос.⁶⁵ Пол Пирсон, американский политолог из Калифорнийского университета, - один из тех исследователей, которые занимаются современным состоянием социального государства.

Своё понимание текущих изменений социального государства Пирсон оценивает с точки зрения разграничения расширения его социальных программ и их сокращения. Исследователь говорит о том, что это два разных процесса, не поддающихся одним и тем же правилам. Тому есть, утверждает Пирсон, следующие объяснения. Во-первых, политические цели создателей политики разнятся, а во-вторых, произошли заметные изменения в самой социальной политике. В исследовании «Новая политика государства благосостояния» он раскрывает эти суждения.

Таким образом, по поводу первого аргумента он заключает, что экспансия государства всеобщего благосостояния основывалась на принятии популярных решений и законов, в то время как сокращение, напротив, требовало непопулярных среди избирателей мер. При этом политические шаги в условиях свёртывания социальных программ подстраиваются политиками под электорально привлекательные предложения. В этом смысле правительства должны быть убеждены в отсутствии рисков после реализации непопулярных политических мер. «Радикальные сокращения, – пишет П. Пирсон, – могут облегчаться, когда правительства убеждены, что они имеют

---

⁶⁴ См.: по этой проблеме также: Сергачев В.А. Новые подходы к изучению концепции государства всеобщего благосостояния в конце XX века // Россия в глобальном мире. Альманах. 2013. (24).

⁶⁵ См. Myles J., Quadagno J. Political Theories of the Welfare State // Social Service Review. 2002. Vol. 7. № 1, p. 36

сильные позиции, чтобы поглотить электоральные последствия непопулярных решений».⁶⁶

Что касается второго аргумента Пирсона, то здесь автор настаивает на том, что созревание государства благосостояния фундаментально трансформировало политику заинтересованных групп. «Группы бенефициариев социальных программ, – замечает Пирсон, – не строили социальное государство, но социальное государство сильно повлияло на развитие этих групп».⁶⁷ Если на ранних этапах практической реализации социального государства их деятельность ассоциировалась с политическими партиями, то в настоящем они являются самостоятельными политическими акторами. Пирсон в данном случае хочет подчеркнуть возрастающую роль различных общественных движений, некоммерческих организаций в формировании социальной политики.

Несмотря на то, что современное социальное государство испытывает давление со стороны замедленных темпов производительности, расширения правительственных обязательств, демографических сдвигов и трансформации домохозяйственных структур, оно, тем не менее, не исчезло как политический феномен. Напротив, для американского политолога оно вышло на новый этап развития – «вызрело». И в этом новом облике его характеристики связываются автором с смещением акцентов со стороны значительных государственных трат на социальные услуги в пользу более широкого участия групп интересов, некоммерческих общественных организаций в предоставлении населению соответствующих услуг.

Хотя очевидно разнообразие иностранных исследовательских работ, однако зарубежные авторы обращают внимание преимущественно на практическую сторону функционирования социального государства, а не на разработку его общей теории. Примером этого может служить, в частности, исследование Ё. Эспинг-Андерсена и А. Хемерийка, которые определяли

---

⁶⁶ Pierson P. The New Politics of The Welfare State // World Politic 48.2, 1996, p. 176

⁶⁷ Ibid, p. 151

государство благосостояния по уровню общественно-экономического развития в той или иной стране. У П. Пирсона также прослеживается данная тенденция, но в связи с анализом причин регресса социального государства. Примечательна в этом смысле статья Дж. Вейт-Уилсона «Государство благосостояния: проблема в самом понятии» (2000), где её автор открывает дискуссию о специфике государства благоденствия и ответить на вопрос «правильно ли называть государством благосостояния государство, не гарантирующее достаточный уровень благосостояния бедным?». ⁶⁸ При этом он не стремился дать точное определение социального государства, но хотел выделить общие основания его идентификации. «Тот факт, - пишет Вейт-Уилсон, - что не были выявлены существенные различия между государствами благосостояния и неблагосостояния, - не просто банальная детская болезнь науки, а серьёзная научная и нравственная провинность, а также семантическая проблема...». ⁶⁹ В этой связи Вейт-Уилсон акцентирует внимание на отсутствие в науке общепринятого определения государства благосостояния, и указывает на наличие целой «индустрии реализации государства благосостояния». Однако вся эта «индустрия» характеризуется, по его мнению, поверхностным отношением к государству благосостояния и к определению его природы и размытостью содержания данного термина. Из-за чего невозможно провести дифференциацию: между всеми современными индустриальными государствами и государствами благосостояния; между государствами благосостояния, проявляющими себя лучше или хуже в вопросах благотворительности; между государствами, обеспечивающими определённый уровень благосостояния для всех своих жителей, и теми государствами, которые делают это только по отношению к отдельным категориям своих граждан и, наконец, существует «различие между государственными институтами, коренящимися в национальной культуре, ценностях и процедурах и эфемерной активностью недолговечных

---

⁶⁸ Вейт-Уилсон Дж. Государство благосостояния: проблема в самом понятии // Pro et Contra. М., 2001. Т. 6. № 3. С. 128.

⁶⁹ Там же. С. 137

и сменяющихся правительств».⁷⁰ Вейт-Уилсон также пишет о злоупотреблении данным термином, и, в частности, недоумение у него вызывает, что Ё. Эспинг-Андерсен, хотя и призывает к идентификации государства благосостояния, но сам при этом её не осуществляет.

Следует отметить, что дискуссия о социальном государстве затрагивает две принципиальные дискуссионные проблемы. Во-первых, проблему определения субъекта, ответственного за реализацию социального обеспечения, в данном случае выбор происходит между государством и правительством. Во-вторых, существует также и проблема определения самого содержания понятия социального государства. «Часть проблем возникает,—пишет Дж. Вейт-Уилсон,—из-за того, что некоторые авторы не объясняют, какой проект имеют ввиду, занимаясь концепцией “государства благосостояния.”... Противоречия авторов во многом объясняется их, по-видимому, бессознательной реализацией несопоставимых проектов в рамках несовместимых дискурсов».⁷¹

Но, возможен ли подход, позволяющий определить общий смысл государства благосостояния? Отвечая на вопрос, политолог обращается к трудам Р. Титмусса, Дороти Уэддерберн и Эйса Бриггса. Ему близки «консенсусные» взгляды двух последних авторов, которые сходятся в том, что в социальном государстве благосостояние обеспечено каждому лишь на минимальном реальном уровне—как превентивными, так и корректирующими мерами. Их «консенсусный» подход отталкивается от широты охвата обеспечения социальными благами в виде либо минимальных реальных доходов, либо высокого стандарта обеспечения для всех.

Вейт-Уилсон даёт своё понимание феномена социального государства в связи с анализом критерия «включённости бедных», их интегрированности в общество и требования облегчения страданий именно этих категорий граждан. Этот аргумент дополняется также пониманием элементарной

---

⁷⁰ Там же. С. 130

⁷¹ Там же. С. 135

необходимости в определении того, как и насколько граждане выигрывают от смягчения социального неравенства в государстве. Вейт-Уилсон характеризует роль государства в данном процессе: «...в целом верным критерием государства благосостояния могли бы стать взятые на себя государствами обязательства соблюдать MIS (минимальный уровень доходов), который построен на принципах социальной интегрированности жителей и их участия в общественной жизни, и который воплощается в жизнь посредством комплекса социальных программ».⁷² Но следует признать, что исследование ученого скорее ставят проблему, но её во многом не решают, и в статье Вейт-Уилсона присутствуют противоречия по проблеме социального государства.

Интерес вызывает анализ английским исследователем А. Хамлин термина «велферизм» в связи с понятием государства благосостояния.⁷³ По его мнению, данный термин возник в концепции утилитаризма И. Бентама, Дж. С. Милля и Г. Сиджвика и отражает понимание справедливости как достижения наибольшего счастья наибольшего числа людей; утилитаризм опирается на три ценности: польза, счастье и гедонизм. Однако изначально речь шла о благополучии отдельной личности, и только с появлением кейнсианства понятие благосостояние-квинтэссенции утилитаризма начало использоваться при характеристике положения всего общества. А. Хамлин замечает, что «велферизм», делая упор на этику благополучия всех индивидов, идейно близок концепции социального государства. Взаимосвязанные дебаты о понятии благосостояния и обсуждение концепции государства благосостояния ставят несколько вопросов. Во-первых, вопрос о том, насколько та или иная идея благосостояния соответствует идеалу социального государства. Во-вторых, какова роль идеи благосостояния для обоснования социального государства. Наконец, какова взаимосвязь между

---

⁷² Там же. С. 148

⁷³ См. Hamlin A. The Idea of Welfare and the Welfare State // Public Finance and Management. 2008. Vol. 8. № 2. P. 108 - 140

идеей благосостояния и идеей социального равенства в дебатах о социальном государстве.⁷⁴

И здесь возникают трудности с ответами на данные вопросы. С одной стороны, понятие «велферизма» крайне размыто и в значительной степени зависит от интерпретации понятия индивидуального благосостояния. С другой стороны, эта тема, подобно дискурсу о социальном государстве, требует доработок, прежде чем её можно связать с обсуждением определения государства благосостояния. «Я подозреваю, - пишет А. Хамлин, - что в этом есть значительный недостаток дебатов сторонников и противников государства благосостояния по вопросу «велферизма»». ⁷⁵ Таким образом, можно утверждать, что до сих пор у зарубежных исследователей нет ясного понимания самого феномена социального государства.

Наконец, несомненно, важной в контексте обсуждаемой темы является статья Андерса Юханссона «Анализ шведской модели», переведённая на русский язык в 1995 г. Он рассматривает шведскую модель в связи с политикой шведского правительства, деятельностью шведских профсоюзов и экономической ситуацией в стране и в мире. И различает два этапа формирования шведской модели: с конца XIX до конца второй мировой войны (период силы и легитимизации) и второй: после второй мировой войны (период политики результатов и распределения). А. Юханссон подчеркивает, что на первом этапе «Швеция была далека от динамичной и ориентированной на экономический рост политики компромисса. Основные политико-силовые и политико-распределительные силы для этого отсутствовали, и в отличие от других стран Швеция оставалась страной забастовок и локаутов». ⁷⁶ Противостояние рабочего класса и работодателей, сопровождающееся потерями для обеих сторон, а также к угрозе дестабилизации государства, привело к осознанию совпадающих интересов: «Эти совпадающие интересы не то же самое, что «дух взаимопонимания» и

⁷⁴ См. Ibid. p. 108

⁷⁵ Ibid, p. 137

⁷⁶ Юханссон А. Л. Анализ шведской модели // Северная Европа Проблемы истории. М., «Прогресс-Академия», 1995. С.318

«консенсус»...Все три сферы власти исходили, прежде всего, из своих собственных интересов».⁷⁷ Эта политика компромисса не была безоговорочной, но базировалась на «молчаливом соглашении» между правительством, профсоюзами и работодателями. По его мнению, шведская модель содержит типичные системные черты:

1. Регулирование и разделение власти на рынке труда;
2. Совпадающие интересы и молчаливое соглашение;
3. Нейтрализация проблемы безработицы и противоречий между «инсайдерами» и «аутсайдерами» на рынке труда и в обществе⁷⁸;

Из приведённого заметно, что концепция шведского ученого тяготеет к экономическому пониманию сути шведской модели, а идейно-политологические исторические аспекты её формирования им рассмотрены значительно меньше.

Отечественные учёные также анализировали феномен социального государства. Так согласно Л. Н. Кочетковой сложность понимания социального государства обусловлена как ошибочным отождествлением такого государства с системой социального обеспечения, так и преимущественным вниманием к нормативно-правовой стороне социальных прав и гарантий. «Только социально-философский подход, – пишет она, – позволяет на высоком уровне абстракции и обобщения, не ограничиваясь феноменологическими описаниями отдельных проявлений, выявить истоки, смысл и перспективы социального государства».⁷⁹ Она делает следующие выводы.

Во-первых, государство, если оно хочет избежать классовых конфликтов, само заинтересовано в обеспечении достойных условий жизни для низших классов, и поэтому берёт на себя именно обязательство в отношении социального обеспечения. Именно обязанность государства заботиться о человеке, а не сама забота составляет главное, принципиальное

⁷⁷ Там же. С. 323.

⁷⁸ Там же. С. 344-346

⁷⁹ Кочеткова Л. Н. Философский дискурс о социальном государстве // Ценности и смыслы. 2009. № 3. С. 7

отличие социального государства от всякого другого.⁸⁰ Из нормативно-обязательственной характеристики вырастает юридическая форма такого государства, поскольку все его обязательства имеют правовой вид и гарантируют решение социальных проблем отдельного человека. При этом такое государство не уничтожает классовую структуру, а лишь расширяет социальную мобильность, тем самым, снимая остроту классовых противоречий. Во-вторых, социальное государство стремится к обеспечению социальной стабильности. В итоге исследователь даёт определение государства благосостояния как исторической демократической инновации эпохи индустриального капитализма, ставящей своей целью сохранение политической стабильности и поэтому признающей всевозможные социальные права с одновременным обеспечением социальной мобильности для разрешения классовых противоречий.

С. В. Калашников рассматривает этапы развития социального государства.⁸¹ И выделяет четыре этапа социальной политики в государстве, предвосхищающих появление государства всеобщего благосостояния.

Первый этап – стихийной благотворительности – характеризуется множественностью субъектов социальной политики.

Второй этап – борьбы общества против нищеты, который сопровождается серьезными социальными конфликтами. В это время с одной стороны, происходит развитие общественной благотворительности, расширение её сфер приложения, а, с другой, государственный аппарат, используя административные рычаги, начинает бороться с нищетой и социальным неблагополучием.

На третьем этапе государство берёт на себя определённую ответственность за социальную политику, но при этом во многом лишь содействует в проведении социальной политики институтам личной и

---

⁸⁰Там же. С. 11

⁸¹См.: Калашников С. В. Природа социального государства и его исторический генезис // Социальное государство: концепция и сущность, М.: Огни, 2004, С.18-32

общественной благотворительности, местным властям, обществам взаимопомощи.

Наконец, на последнем этапе государство берёт на себя всю ответственность за создание достойных условий жизни людей. Это и есть социальное государство, которое по С. В. Калашникову имеет следующие признаки.⁸²

- доступность социальной поддержки для всех членов общества;
- правовая природа социальной политики;
- наличие системы бюджетных выплат на цели социальной политики;
- наличие государственных структур социальной защиты, социального обеспечения и занятости;
- принятие государством ответственности за обеспечения достойного уровня благосостояния своих граждан.

В развитии современного социального государства российский учёный выделяет следующие этапы:

1. Социалистический (с 70-х годов XIX века до 30-х годов XX века) период, когда социальная поддержка распространялась на членов общества.
2. Правовое социальное государство (с 30-х до 40-х годов XX века). На данном этапе происходило формирование социальной нормативно-правовой базы вместе с переходом выполнения базовых социальных функций от общественных институтов к государству
3. Государство социальных услуг (1940 – 1960-е гг. XX века). Для него характерно осуществление государством своих социальных программ. Государство переходит от пассивной к активной социальной политике.
4. Государство всеобщего благосостояния с начала 1960-х до середины 1980-х гг. Социальное государство, имеющее патерналистский характер, достигло высшей стадии своего развития

---

⁸² Там же. С. 22

5. Кризис классической модели социального государства в Швеции 1980-1990 гг. Время упадка государства благосостояния в связи с новой экономической реальностью и глобализацией.
6. Либеральное социальное государство (с середины 1990-х годов и по настоящее время). На данном этапе происходит отказ от патерналистской роли государства и осуществляется переориентация на политику экономии в социальной сфере, усиливается социальная ответственность бизнеса.

С.В. Калашников различает четыре сменяющие друг друга государства: первичное социальное государство; государство социальных услуг; государство всеобщего благоденствия и либеральное социальное государство.

Очевидно, что данный подход во многом противоречит взглядам Эспинг-Андерсена, у которого либеральный тип социального государства развивается вместе с государством всеобщего благосостояния.

Представляется обоснованной точка зрения авторов книги «Политическая система стран Скандинавии и Финляндии» о специфике скандинавской, шведской модели. «Степень институционализации социального дела государства, его заботы о широких слоях населения является, таким образом, решающим, главным критерием при определении особенностей скандинавского общества и экономики, всего государства в целом».⁸³ В этой концепции представлены институциональные стороны формирования социального государства в Швеции: изменения в государственном управлении экономикой, система планирования, изменения в социальном законодательстве, корпоративизм и др.

Е.П. Борзова и И.И. Бурдукова отмечают, что сам термин «шведская модель» появляется в 1965 г. после принятия жилищной программы, осуществленной за десять лет и решившей проблему дефицита жилья, «с

---

⁸³ Исаев М.А., Чеканов А.Н., Шишкин В.Н. Политическая система стран Скандинавии и Финляндии. М., РОССПЭН, 2001. С.128.

этого времени стали говорить о шведском государстве, заботящемся о своих гражданах».⁸⁴ Принимая во внимание высказанную точку зрения, необходимо отметить, что существуют также социокультурные и идейные предпосылки шведской модели как стадии формирования социального государства. Без их учета трудно понять происхождение шведской модели.

Н.В. Кузнецов отмечает, что в Северной Европе «понятие «человек» употребимо именно в качестве абстрактной категории, которая является критерием эффективности управления социально-экономическим процессом. Политическая ситуация не только прогнозируема, но и управляема при знании предпочтений и готовности к определённым действиям людей»⁸⁵. При этом главным элементом политической системы в странах Северной Европы считается государство. Человек как гражданин является объектом властвования государства, но и само государство может предстать объектом властных действий гражданина. Согласно Н.В. Кузнецову основными характеристиками политической культуры скандинавского корпоративного человека являются рационализм и прагматизм, коренящиеся в протестантизме; подчиненность нормам и предписаниям; сплоченность и чувство единения, подкрепленные этническим единством Северной Европы; уверенность каждого в достижимость собственных целей благодаря включенности в какую-либо корпорацию; склонность к общению и поиску компромиссных решений социально-экономических и политических проблем; традиционная ориентированность на социал-демократические ценности.⁸⁶

В заключение можно заметить, что в понимании социального государства выражены различные черты: идеология социального государства эволюционировала от социал-консервативной концепции Л. Штейна до современной концепции нелиберального социального государства. При

---

⁸⁴ Борзова Е.П., Бурдукова И.И. Политические и избирательные системы государств мирового сообщества. СПб., СПбГУКИ. 20014. С. 414.

⁸⁵ Государственная политика и управление. Уровни, технологии, зарубежный опыт государственной политики и управления. Учебник в 2-х частях. Ч. II. Под ред. Л.В.Сморгунова. М., РОССПЭН, 2007. С.270.

⁸⁶ См.: Там же. С. 270.

этом большинство исследований зарубежных авторов посвящено проблеме типологизации государства благосостояния (Р. Титмусс, Ё. Эспинг-Андерсен, А. Хемерийк, С.В. Калашников). Большое внимание в этих трудах уделяется и анализу конкретной социальной политики таких государств, а также кризису социального государства в условиях глобализации. Вместе с тем в меньшей степени обращается внимание на идейно-теоретические основания генезиса и формирования данного типа государства.

Следует отметить, что в двадцатом веке появились два главных типа социальных государств: консервативно-бисмарковский и либеральный. Для первого характерна жесткая регламентация государством взаимоотношений между рабочими и работодателями, где работодатели принимают обязательную форму страхования рабочих по болезни, увечья на рабочем месте и безработице, и по старости. Для либерального же типа социального государства характерно то, что все социальные меры по защите рабочих не являлись обязательными. Социальное государство в Швеции, восприняв идеи консервативного социального государства Л.Штейна, Бисмарка, а также некоторые элементы либерального государства, включила в эту концепцию и социал-демократические идеи. В этой связи указываются следующие характеристики либерального социал-демократического государства благосостояния: проведение политики стабилизации экономики, перераспределение доходов, проведение антимонопольной политики, осуществление действенных мер по созданию общественных услуг. Политика Швеции, её экономические достижения и социальная стабильность во многом связаны с деятельностью Социал-демократической рабочей партии. Разработанная ею и реализованная на практике программа «Дома для народа», «шведская модель» или государство всеобщего благосостояния, трансформировала аграрное в прошлом шведское общество в высокотехнологичное государство, где благополучие человека поддерживается «от колыбели и до старости». Этот процесс трансформации не был простым, а власть социал-демократов никогда не была бесспорной, и

им приходилось искать поддержки у либералов и аграриев, противодействовать экономическим кризисам. В конце 1970-х годов они уступили руководство либеральным партиям. Тем не менее, в период более чем пятидесятилетнего социал-демократического правления можно наблюдать устойчивое развитие модели «Дома для народа». Идеи социального переустройства, изменившие мышление и образ жизни шведов, не были отброшены и после того, как Швеция вступила на путь неолиберализма. Таким образом, социальное государство в Швеции является целостной системой, которое создавалось на основе творческой и практической переработки целого комплекса политических идей, приспособленного к социокультурным условиям развития Швеции. Во многом данные черты представлены именно в «шведской модели», рассмотрению которой и посвящена следующая глава работы.

2. Концептуальные характеристики «шведской модели»

§ 1. Культурно-исторические предпосылки концепции социального государства в Швеции.

Рассматривая особенности и закономерности формирования «шведской модели» историк Хенрик Берггрен писал: «Либералам и консерваторам потребовалось более пятидесяти лет, чтобы понять, что шведы сами выбрали эту модель, шведы хотят жить в обществе всеобщего благосостояния».⁸⁷ Рассматривая генезис шведского социального государства, необходимо исходить из его предпосылок в истории и образе жизни шведов. Х. Берггрен, Сванте Вайлер,⁸⁸ Димитрос Тсарухас,⁸⁹ Маурисио Рохас,⁹⁰ Матти Алесталу,⁹¹ Эрик Орьян Эмилссон⁹² также указывают на важные историко-культурные особенности формирования шведского государства всеобщего благосостояния, берущие своё начало в сложившемся за ряд столетий общественном укладе и менталитете шведского народа. По их мнению, нужно учесть, что Швеция располагается на периферии Европы, и это привело к её удалённости от основных европейских политических событий. В то время как современные западноевропейские страны выросли из феодальной системы с теократической идеологией и Реформации, шведское социально-политическое мировоззрение строилось на иных социокультурных основаниях. Существующая в Швеции первичная социальная демократия была основана на свободолобивом характере

⁸⁷ Цит.: по А. Долгошева. Просто нормальная страна [Электронный ресурс] // Санкт-Петербургские Ведомости. 2013. № 17. URL: http://www.spbvedomosti.ru/article.htm?id=195974@SV_Articles (дата обращения: 4.02.2013))

⁸⁸ См. там же. URL: http://www.spbvedomosti.ru/article.htm?id=10295974@SV_Articles (дата обращения: 4.02.2013)

⁸⁹ См. Tsarouhas D. Social Democracy in Sweden. The Threat from a Globalized World, London: Tauris Academic Studies, 2008. 288 p.

⁹⁰ См. Rojas M. Sweden after the Swedish Model. From Tutorial State to Enabling State, Stockholm: Timbro, 2005. 93 p.

⁹¹ См. Alestalo M., Hort S., Kuhnle S. The Nordic Model: Conditions, Origins, Outcomes, Lessons // The Nordic Welfare State - a Basic reader. Shanghai: Fudan University Press, 2010. P. 74-129

⁹² См. Emilsson E. Ö. Before 'the European Miracles'. Four Essays on Swedish Preconditions for Conquest, Growth and Voice, Kungälv: Grafikerna Livréna, 2005. 299 p.

шведов. Быт и вольный образ жизни бондов воспевался шведскими литераторами и поэтами. Эрик Густав Гейер, например, в «Svea rikens natur» констатировал, что «хотя Скандинавия – суровая и прохладная мать, она создала особенно крепких и независимых людей».⁹³ В шведском социуме преобладало относительное равенство при практически незаметных классовых противоречиях, и зачастую крестьянские общины в Швеции имели не меньше влияния на принятие социальных решений, нежели духовенство или дворянство.

К историко-культурным особенностям Швеции следует отнести и религиозную специфику. Положение церкви в Швеции, Дании и Норвегии значительно отличается от положения в других странах, свыше 90 % населения данных стран принадлежит к протестантской церкви. Христианская церковь утвердилась в Швеции на протяжении XI в. В ранний период своего существования она не была чисто католической «Активные связи шведских викингов с Восточной Европой способствовали проникновению в страну православного влияния».⁹⁴ Это привело к тому, что приходские священники еще в течение долго времени не соблюдался католический обряд celibата и продолжали вступать в брак. К концу XIII-началу XIV в. можно говорить о завершении процесса христианизации Северной Европы. Католическая церковь с XI века была значительно стеснена в своей деятельности рамками норм права шведских областей. Долгое время у неё не было своего епископства на этих землях, что препятствовало свободному распространению католицизма. основополагающие идеи христианства о божественном провидении, любви, смирении и терпении, милосердии и наказании за грехи, о загробной жизни и подготовке к ней в жизни земной – не вошли в мировоззрение простых верующих людей. В повседневной жизни шведов христианство долгое время сочеталось с языческими представлениями, а многие церковные обряды были

⁹³Цит. по Berggren H., Trägårdh L. Är svensken människa? Gemenskap och oberoende i det moderna Sverige, Stockholm: Norstedts, 2006. s. 79

⁹⁴ Мусаев В.И. Религия и церковь в странах Северной Европы. СПбГПУ, 2012. С.17.

встроены в существующий общественный порядок. Например, назначение приходских священников и пономарей происходило вопреки папским указаниям на основе выдвинутых бондами кандидатур. Крестьяне уплачивали церковную десятину и соблюдали церковные каноны, но священнослужитель нёс ответственность перед ними. Распространение среди населения протестантских идей Олауса Петри нашло отклик и понимание на социально-бытовом и государственном уровне. В результате завершения Реформации в конце XVI-начале XVII вв. сформировалась национальная Шведская церковь, основные черты которой сохранились до начала нынешнего столетия

Протестантская церковь в Швеции была теснейшим образом связана с политической, культурной и общественной жизнью. «Духовенство имело собственное представительство в четырёхсословном Риксдаге, в его ведении находились школы и вся система образования, оно несло ответственность не только за общественное мировоззрение, но за социальное призрение. Церковный приход был общественной ячейкой, в которой человек оказывался автоматически с момента рождения».⁹⁵ Несмотря на все последующие реформы, школа и социальное обеспечение еще долгое время находились в ведении церкви. В XIX веке появляются идеи социального христианства, связанные с именем архиепископа Натана Сёдерблума, который еще в 1890-е годы обратился к социальным проблемам. Он сыграл огромную роль в обращении Шведской церкви к социальным проблемам, в первую очередь к рабочему движению. «Его основной тезис состоял в том, что религия и социальное развитие—два самостоятельных явления, оказывающих непосредственное влияние друг на друга».⁹⁶ В 1958 г. после длительной дискуссии о равноправии полов, женщины получили право на посвящение в сан. Следует также отметить, что в годы Второй мировой

---

⁹⁵ Там же. С. 85.

⁹⁶ Там же. С. 114

войны приходы Шведской церкви в Берлине и Осло служили тайными убежищами для людей, преследуемых нацистами.

В настоящее время Шведская церковь первой из лютеранских церквей северных стран была отделена от государств и свою главную задачу видит в в укреплении влияния церкви в обществе. Церковь всесторонне изучает современное шведское общество и разрабатывает основные направления своей деятельности в связи с теми изменениями, которые в нём происходят. Руководство церкви уделяет постоянное внимание социальным проблемам, положению безработных, открывает свои предприятия и рекомендует трудоустраивать туда в первую очередь молодежь, работает с пенсионерами, организуя различные кружки. Церковь проводит пропаганду здорового образа жизни, участвует в спортивном движении. Можно утверждать, что Шведская церковь занимает важное место в системе социального государства, хотя в целом социальная помощь, начиная с 1930-х годов, всё больше становилась функцией государственных и коммунальных органов.

К культурным особенностям Швеции следует отнести то, что исторически позиции дворянства и духовенства в шведском обществе, были слабыми, так как феодальная система в Швеции начала складываться только в XII веке. По мере укрепления власти монарха, менялась и структура общественных отношений, отдельные регионы со своим законодательством были объединены Ландслагом Магнуса Эрикссона (ок. 1350 г.). На смену старой системе формирования военных отрядов, когда каждый херад поставлял новобранцев из числа бондов, пришло рыцарство. Всё население, таким образом, разделилось на фрельсовых, способных по финансовым возможностям нести службу, и скаттовых, облагавшихся налогом взамен участия в военных походах. Это деление не имело чётких границ, и, потому, при определённых обстоятельствах пропорциональное соотношение свободных и податных крестьян могло меняться. Появилась также такая категория крестьян как ландбу. Как правило, это были люди, бравшие в найм землю у крупных собственников, которые не находились в личной и

поземельной зависимости от них как во многих странах феодальной Европы, но были юридически свободными. Отношение между ландбу и землевладельцами сводилось к оплате оброка и других платежей. Но, ни они, ни остальное податное крестьянское население не ощущали феодальной зависимости. «Досовременная Швеция – пишет профессор Лундского университета, М. Рожас, - характеризовалась свободой крестьянства и отсутствием крепостничества и феодальной традиции. Это была страна, испытывающая недостаток сильного дворянства, доминирования городов и буржуазного среднего класса; аграрная нация, основанная на бедном, но свободном крестьянстве».⁹⁷ На протяжении веков, предшествовавших современному шведскому государству, именно крестьянство было краеугольным камнем шведского общества. Традиционная крестьянская семья как единица экономического производства была довольно самостоятельной, хотя и неизменно балансировавшей на грани голода и исчезновения из-за плохого урожая, высокого налогообложения или войны. Следует отметить, что еще в начале XX века Швеция была слабо урбанизирована, сельское население не общинного, а хуторского типа составляло большинство населения региона.

Во времена викингов бонды формировали тинг и избирали лагмана, участвовали в военных кампаниях. Во многом это были люди независимые от церкви и от дворянства, а их формы самоуправления функционировали и после образования феодальной системы, поддерживая закон и порядок, разрешая экономические конфликты. Помимо этого, они занимались вопросами налогообложения и взносов и осуществляли выборы доверенных лиц или местных чиновников. «В Швеции существует многовековая традиция решать вопросы локального значения на местах. Уже в 9-ом веке главы семейств собирались для разрешения споров и осуществления правосудия. В Средние века как в сельской коммуне, так и в городах существовала развитая система местного самоуправления. Первая шведская

---

⁹⁷ Rojas M. Sweden after the Swedish Model. From Tutorial State to Enabling State, Stockholm: Timbro, 2005. p. 9

конституция, провозглашенная королём Магнусом Эрикссоном в начале XIV века, гарантировала личную и экономическую свободу крестьян».⁹⁸ В 18-ом веке местное самоуправление распространилось и на церковные вопросы, жители, составляющие сельскую общину, имели право принимать решение относительно строительства церкви и её экономического обеспечения. Аналогичная картина наблюдалась и в городах.

Государство признавало местные органы, но посредством установления контроля за ними превращало их в свой послушный инструмент. Бондам, в свою очередь, удалось усовершенствовать власть хёвдингов и центральных органов власти выдвижением своих пожеланий и петиций. Постепенно в политической структуре Швеции произошло слияние государственных и местных институтов власти в единую сеть от местного уровня до Риксдага и Королевского совета. На её основе появились институты, ответственные за такие жизненно важные вопросы как медицина, образование, социальное благосостояние. Уже в 1763 г. в Швеции была принята система социальной помощи, ориентированная на так называемых «достойных нуждающихся» (неможных, инвалидов, стариков). «На города и сельские общины была возложена ответственность за оказание помощи бедным».⁹⁹

Согласно Я. У. Сунделю к особенностям шведского правосознания следует отнести и «стремление как народа, так и власть имущих полагаться на законы и право, что часто выражалось старой средневековой сентенцией «Страна должна строиться законом. Это положение стало играть важную роль в национальном самосознании шведов».¹⁰⁰ В определённой мере объясняется это тем, что «в Швеции не допускалась продажа в рабство и в крепостную зависимость за долги, уголовная ответственность ограничивалась штрафными санкциями, в то время как чужеземцев могли наказывать даже смертной казнью. Естественно, что такое право уважалось и

---

⁹⁸ Хэггрут С., Крунваль К., Рибердаль К., Рюдебек К. Местное самоуправление в Швеции. Шведский институт, Стокгольм, 1999. С. 7.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Цит. по книге: Мелин Я., Юханссон А.В., Хеденборг С. История Швеции. М., Весь Мир, 2002. С. 196.

соблюдалось почти всеми шведами».¹⁰¹ При этом влияние низов общества на формирование правовой сферы-характерная черта шведского государства. Всё население со времен образования единого государства вовлекалось в решение общих дел через систему общинного и государственного самоуправления, через общегосударственные органы. Подтверждением этому является существование комитетов в органах местного самоуправления, в которых, начиная с позднего Средневековья вплоть до XIX века, заседали двенадцать человек из крестьян, имевших право судить наравне с председателем суда. «Пуританская этика шведов характеризуется такими чертами как трудолюбие, усердие, воздержание, бережливость, законопослушание».¹⁰² Конечно, пуританская этика исчезает у современного поколения: «Швед с удовольствием подчиняется правилам, какие бы бессмысленные они ни были. И не задает вопросов. Но только до того момента, пока они не начинают ему мешать».¹⁰³ Тем не менее, до сих пор социальное государство в Швеции исходит как из безукоснительного соблюдения законов всеми, так и из их открытости для ознакомления. В XVIII веке в Швеции, первой из европейских стран был принят принцип, согласно которому государственная документация становилась доступной общественности-так называемый принцип гласности.

Особенности правосознания шведов играли важную роль в формировании социального государства. «Право в Скандинавии является социальной ценностью, не такой, конечно, как у англосаксов или как у немцев,-выражением объективности Разума, или его духа, но право согласно учению школы скандинавского правового реализма, есть одно из составляющих обществе его функциональная основа, назначение, которой в

---

¹⁰¹ Могунова М.А. Воплощение шведской толерантности в национально правовой системе // Шведы. Сущность и метаморфозы национальной идентичности. М., 2008. С. 251.

¹⁰² Плевако Н.С. Политика иммиграции в Швеции как часть шведской идентичности и составляющая шведской модели // Шведы. Сущность и метаморфозы идентичности. Под ред. Т.А.Гоштендаль-Салычевой. М., РГГУ, 2008.С.203.

¹⁰³ Стенвалль К. Швеция и шведы. М., 2013. С.277.

поддержании в обществе порядка».¹⁰⁴ Идея социальной солидарности как основа социального государства в Швеции базируется на представлении о единстве юридических норм, обеспечивающих достижение социальной гармонии и примирение интересов. Это и есть скандинавский юридический корпоративизм.

Исторически сложившийся общественный порядок, в котором государство поддерживалось «эффективным, но бессильным служивым дворянством и крестьянством, избежавшим крепостного права», просуществовал вплоть до начала XX века. В то время, когда передовые страны Западной Европы были охвачены техническим прогрессом и урбанизацией, шведы вели патриархальный образ жизни при малочисленности городов и их тесной взаимосвязью с деревней. Этот порядок в книге «Новые тоталитаристы» подверг критике Р. Хантфорд. Анализируя исторический фон, предшествовавший становлению модели «государства всеобщего благосостояния», он приходит к выводу, что швед слаб перед государственным аппаратом: «изоляция, игнорирование и любовь к иерархии сделали шведов податливыми в управлении, а отождествление церкви и государства подарило политикам выгоду».¹⁰⁵ Отсутствие многих процессов, через которые прошли западноевропейские страны: реформация, эпоха Возрождения сказались, – полагает Хантфорд, – негативно на развитии свободного общества в этой стране. Вместо этого здесь усилился деспотизм при «уникальном превосходстве» бюрократии, что в дальнейшем нашло отражение в концепции «Дома для народа». Сам же швед никогда не выделялся из группы, но был частью чего-то большего, например – сообщества или партии. Он сохранил нетронутой преданность иерархическому порядку и корпоративной организации. Не стоит, поэтому, по его мнению, удивляться тому, что Швеция второй половины XIX века была страной в теории и на практике «средневековой».

¹⁰⁴ Исаев М.А., Чеканский А.Н., Шишкин В.Н. Политическая система стран Скандинавии и Финляндии. М., Росспэн, 2001. С. 130-131.

¹⁰⁵ Huntford R. The New Totalitarians, London: Allen Lane, 1971. p. 24

К ментальным предпосылкам социального государства следует отнести и такую черту шведов как стремление к поиску согласия, социальным компромиссам, толерантность. «Квинтэссенция шведской модели – рационализм в соединении с культурой консенсуса, которая вырабатывалась столетиями».¹⁰⁶ М.А. Могунова пишет, что «важной чертой шведской толерантности, нашедшей своё отражение не только в реальной жизни, но и в законодательстве является склонность к социальным и политическим компромиссам».¹⁰⁷ Шведское общество было избавлено от острых классовых конфликтов, на чём акцентируют внимание Х. Берггрен и Л. Трэгорд.¹⁰⁸ Как пишет Ё. Эспинг-Андерсен, «принципы благосостояния и солидарности уже были заложены в особой социальной структуре Швеции».¹⁰⁹ Иными словами, швед, по его мнению, исторически восприимчив к основным социал-демократическим ценностям – свободе, равенству и солидарности, то есть к социальному государству. На эти же особенности шведского характера обращает внимание О.В.Чернышева: «Здесь надо отметить, что почти полное отсутствие резких форм классовой борьбы хотя и связано с национальным характером, но не прямым, а опосредованным путём. Поиск путей обоюдного удовлетворения интересов спорящих сторон. Это свойство шведов неоднократно проявлялось в политической жизни, в истории рабочего движения. Может быть, именно поэтому идея «Дома для народа», всеобщего согласия и взаимодействия, высказанная лидером социал-демократов в 1920-е годы, так хорошо прижилась на шведской почве».¹¹⁰

Вместе с тем, следует подчеркнуть, что на формирование социального государства в Швеции оказало влияние не только способность шведов к достижению компромиссов, но и развитое у них чувство собственного достоинства. История социального государства в Швеции – это не только

¹⁰⁶ Плевако Н.С. Указ соч. С. 203.

¹⁰⁷ Могунова М.А. Указ соч. С. 262.

¹⁰⁸ См. Berggren H., Trägårdh L. Är svensken människa? Gemenskap och oberoende i det moderna Sverige, Stockholm: Norstedts, 2006. s. 42

¹⁰⁹ Эспинг-Андерсен Ё. Создание социал-демократического государства благосостояния // Создавая социальную демократию. Сто лет Социал-демократической рабочей партии Швеции / Под ред. К. Мисгельда, К. Молина, К. Омарка. М.: Весь Мир, 2001. С. 74

¹¹⁰ Чернышева О.В. Шведы и русские. Образ соседа. М., Наука, 2004. С. 47

история компромиссов разных социальных сил, но и история борьбы (хотя и не антагонистической) за свои социальные права рабочих, женщин, служащих.

Промышленный переворот с последующей урбанизацией, когда значительная часть населения устремилась в города и в Соединённые Штаты Америки, породил множество проблем. Прежде всего, пострадал институт семьи. Последствия революции в промышленном и сельскохозяйственном производстве стали разрушать натуральное хозяйство шведской семьи, объединявшей несколько поколений.¹¹¹ В итоге серьезно выросла бедность населения, а рождаемость начала стремительно падать. К этому следует прибавить то, что увеличение городского населения за счёт приезжих из сельской местности, пополнивших рабочие ряды, существенно обострило классовые противоречия. Эти конфликты выростали непосредственно из положения, в котором оказалось трудовое население Швеции. Доход рабочего не позволял ему поддерживать достойный уровень жизни, тяжёлые условия труда на производстве создали основу для конфликта между капиталистами и рабочими. «Технический прогресс и связанный с ним рост объёма промышленной продукции, – замечают И. Карлссон и А.-М. Линдгрэн, – создавали огромные материальные богатства, но распределялись они крайне неравномерно. Социальная несправедливость бросалась в глаза, нужда всегда была рядом: чуть более длительная болезнь оказывалась опустошительной для скудного семейного бюджета работников. Промышленный спад или кризис означали немедленные массовые увольнения. Те же, кто по возрасту не в состоянии были продолжать работу, доживали свои дни в работных домах».¹¹² Кроме того, большая часть трудового населения не имела права голоса. В таких обстоятельствах со второй половины XIX века в Швеции зарождается рабочее движение. Оно было частью целой волны народных движений (движения евангелистских

---

¹¹¹ См. Карлсон А. Шведский эксперимент в демографической политике. Гуннар и Альва Мюрдали и межвоенный кризис народонаселения. М.: Мысль, 2009. С. 30

¹¹² Carlsson I., Lindgren A-M. What is Social Democracy?, Stockholm: Sjuhäradsbygdens Tryckeri AB, 2007. p. 7

церквей, ордена правоверных тамплиеров или движения борьбы за трезвость). Все они стремились организовать и обучить население. Ярким подтверждением этому может служить первая независимая рабочая организация – «Типографское объединение» (1846 г.), утверждавшая, что её цель – польза, удовольствие и образование. Однако со временем шведское рабочее движение превратилось в единую мощную силу. Это стало возможным, как утверждает профессор кафедры международных отношений университета Билькента, Д. Тсарухас, по двум причинам. Во-первых, как нигде в Западной Европе одни и те же люди создавали в Швеции как партию, так и профсоюзы. Во-вторых, СДРПШ и ЦОПШ (Центральная организация профсоюзов Швеции) выросли снизу и потому способствовали развитию движения с организационными ячейками по всей стране.¹¹³

Одновременно с подъёмом рабочего движения в Швеции активно распространялись социалистические идеи. «Важнейший момент эволюции утопической мысли этой эпохи заключался в том, что её наиболее выдающиеся представители, полностью воспринявшие концепцию прогресса, рационалистически обосновывая принципы нового общественного строя, стремились вывести их из экономической действительности, а не путем иллюзорного восстановления существовавших в далёком прошлом идеальных порядков».¹¹⁴ Значительное место в популяризации этих идей отводится Перу Ётреку, Акселю Даниельссону, Августу Пальму и Яльмару Брантингу. Благодаря переводам работ А. Сен-Симона, Ш. Фурье и Э. Кабе, а затем «Манифеста Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса (1848) массы рабочих смогли ознакомиться с этой идеологией. Появившись, как своеобразная революционная утопия, она изначально ставила своей целью замену общества, основанного на принципах частной собственности и рыночной экономики, принципиально иным, опирающимся на коллективную

¹¹³ См. Tsarouhas D. *Social Democracy in Sweden. The Threat from a Globalized World*, London: Tauris Academic Studies, 2008. p. 35

¹¹⁴ Гуторов В.А. *Экономические эксперименты в истории утопической социалистической мысли // Консерватизм: социально-экономические учения*. Под ред. А.Н. Бабаджаняна. Научный редактор И.Д.Осипов. СПб. СПбГУ, 2009. С. 66.

собственность. Со временем внутри неё произошёл раскол на два течения: революционное и реформистское. Первое направление исходило из идеи революционного перехода от капитализма к коммунизму, на принципах национализации средств производства и коллективизации, гегемонии пролетариата. В Швеции данное направление появилось в 1917 г, когда левые социалисты, вдохновленные событиями русской революции и идеями Ленина, выделились из Социал-демократической рабочей партии Швеции. Её идейным вдохновителем в годы становления был Ц. Хёглунд.

Другое направление, восходящее к работам К. Каутского и Э. Бернштейна, придерживалось реформистского и демократического пути в достижении социалистических целей. «Демократия,—писал Каутский,—есть необходимое условие создания социалистического способа производства. И только при её влиянии пролетариат достигает той зрелости, которая необходима ему для введения социализма».¹¹⁵ Согласно социал-демократам коллективная собственность должна быть организована с помощью профсоюзных организаций, такой подход называется «синдикализмом». Рабочие кооперативы должны были стать одним из вариантов создания данной формы собственности. Идейная платформа социал-демократов также сочеталась со стремлением к построению такого государства, которое позволило бы реализовать принципы универсализма, равенства, защиты социальных и гражданских прав, экономической эффективности.

Как уже отмечалось, идея социального государства содержалась и в концепции Л. Штейна. Он использовал это понятие для обозначения государства, которое могло бы гарантировать социальную стабильность путём организации системы социального обеспечения. Такое государство строилось на основе требования содействия человеку труда: «Как безкапитальный труд может достигнуть хозяйственной самостоятельности посредством приобретения капитала...».¹¹⁶ В Швеции консервативный

¹¹⁵ Каутский К. Диктатура пролетариата. От демократии к государственному рабству. Большевизм в тупике, М.: Антидор, 2002. С. 55

¹¹⁶ Штейн Л. Учение об управлении и право управления. СПб., 1874. С. 572.

подход в оценке социального государства отразился в трудах классика шведской политологии Р. Челлена. Ссылаясь на Л. Штейна, он пишет: «Общество, таким образом, представляет собой реальное множество взаимно противоречащих интересов, тогда как однопациональный народ представляет собой естественное единство однообразных элементов».¹¹⁷ По его мнению, экономическая и социальная политика связаны друг с другом, экономические интересы выделяют соперничающие группы в пределах государства, придавая им социальный характер. При этом социальная политика обладает и своей особой сферой, которая касается общественных классов, и особенностью либерального общества является слабое чувство социальности, которое проявлено в конкурентных отношениях. «Классы всё более осознают, что государство представляет собой своего рода приз победителю в борьбе за достижение собственных эгоистических интересов при посредстве силы того же государства».¹¹⁸ Данная ситуация опасна для государства и должна быть преодолена. Челлен пишет: «Непосредственной моральной предпосылкой для счастливого разрешения данного конфликта является то, что государство заранее не может солидаризоваться с определёнными борющимися классовыми интересами, за исключением тех, которые объективно необходимы для реализации его окончательной цели».¹¹⁹ Для разрешения конфликта возможен путь Бисмарка: разработка социального законодательства, различного рода страхования рабочих, ограничения времени труда рабочих на вредных производствах и др. возможен также терапевтический метод, куда входит деятельность третейских судов по разрешению трудовых конфликтов. То и другое должно происходить под строгим контролем юридической регламентации. Принципиальным является мнение Челлена о том, что если обществу угрожает анархия, то в этом случае государство обязано «показать, что оно не напрасно носит свой меч» для защиты безопасности. Точка зрения

---

¹¹⁷ Челлен Р. Государство как форма жизни. М., РОССПЭН, 2008. С.227.

¹¹⁸ Там же С. 237.

¹¹⁹ Там же. С. 238.

шведского ученого продолжает линию социального консерватизма Л. Штейна и Р. Моля: понятия общества и государства им противопоставляются, но вместе с тем и приравниваются, «сквозь общество с определённой точки зрения всегда проглядывает государство».

Однако важнейшим теоретическим источником шведской концепции социального государства является идеология социал-демократии. У идейных истоков «шведской модели» общества всеобщего благосостояния находится Яльмар Брантинг (1860-1925). Он всемерно способствовал созданию в 1889 г. Социал-демократической партии Швеции, через несколько лет был избран её лидером и оставался им до самой смерти. В период с 1920 по 1924 гг. Я. Брантинг возглавлял три социал-демократических правительства. «Социализм, согласно Я. Брантингу, - не что иное, как открытие глаз для социального процесса. Важно понять в каком направлении он идёт и, отталкиваясь от этого, изменить социальные учреждения».¹²⁰ Брантинг полагал, что рабочие могут изменить существующее несправедливое общество мирным путём демократических реформ. Для этого социал-демократическая партия должна была сотрудничать с профсоюзным движением, которое с 1896 г. было организовано в Центральное объединение профсоюзов Швеции. «Принципиальной целью Яльмара Брантинга и социал-демократии было завоевание политической демократии, избирательного права».¹²¹ На основе принятых законов трудящиеся должны были получить доступ к образованию и приобрести знания для осуществления будущей руководящей деятельности. Данная деятельность должна была учесть шведскую правовую традицию сотрудничества всех здоровых сил общества. Именно Брантингу принадлежит мысль об объединении с либералами, которая в итоге привела к созданию в 1917 году коалиционного правительства социал-демократов и либералов. Он утверждал: «Можно

¹²⁰ Branting H. Hållet första gången på inbjudan af gefle arbetareklubb den 24 okt. 1886 [Электронный ресурс] / Marxists Internet Archive. URL: <http://www.marxists.org/archive/branting/1886/workers-movement.htm> (дата обращения 11.05.2012)

¹²¹ Норман Турбьерн Яльмар Брантинг // Я.Мелин, А.В. Юханссон, С. Хеденборг. Истории Швеции. М., Весь Мир. 2008. С. 230.

избегать классовой борьбы, заменяя её сотрудничеством, а политического противника надо побеждать, используя метод убеждения. Будущее государство под руководством социал-демократов должно стать «домом для всех».¹²² В 1918 г. в Швеции было принято всеобщее избирательное право, ставшее юридической основой для создания этого дома. Видный деятель шведской социал-демократии А. Пальм также для изменения тяжёлой жизни рабочего обходится без призывов к революционной борьбе, но с осознанием необходимости социальных реформ.¹²³

Период активной социалистической агитации закончился созданием не только Социал-демократической рабочей партии, но также и организацией социалистического молодежного движения и Стокгольмского общественного женского клуба (Stockholms allmänna kvinno klubb), предшественника женской социал-демократической федерации. Создание Рабочей образовательной организации в 1912 г. способствовало повышению знаний рабочих в области экономики, политической науки и новейшей истории. «Посредством обучения, курсов и конференций они (рабочие) приобрели ценные знания о шведском обществе и об организации социальной помощи. И страсть, которая всегда лежала за помыслами непрерывного социального прогресса сама получила конкретное направление».¹²⁴ При этом зарождающееся шведское рабочее движение не имело чёткого плана проведения социальной политики.

Принципиальной предпосылкой формирования социального государства в Швеции является и то, что «индустриализация в ней проводилась государством, причём не только на начальной стадии, как это происходило, в большинстве других стран, но и в последующем, особенно после прихода к власти социал-демократов. Индустриализация сопровождалась мерами государства по целенаправленному формированию физически здорового

---

¹²² Там же.

¹²³ См. Palm A. Speech at Hotel Stockholm, Malmö, 6 November 1881 [Электронный ресурс] / Marxists Internet Archive Library. URL: <http://www.marxists.org/archive/palm-august/1881/speech.htm> (дата обращения 11.05.2012)

¹²⁴ Gårdlund T. Kriget och de sociala reformerna // Tiden. 1940. № 1. s. 1

рабочего».¹²⁵ При этом задачи по контролю над обществом облегчались «относительным конформизмом небольшого и однородного по этническому и религиозному и другим признакам населения».¹²⁶ И первой областью, на которую власть обратила внимание, стала политика на рынке труда. В начале двадцатого столетия в ответ на один из множества экономических кризисов появились муниципальные офисы по трудоустройству, получавшие государственную поддержку. В дальнейшем было принято решение организовать общественные работы для тех, кто оказался безработным. Все меры в политике на рынке труда сводились к обеспечению занятости, а тот факт, что человек оставался без средств существования учитывался в меньшей степени. Эскил Ваденшё, профессор Шведского института социальных исследований, пишет, что данная мера использовалась в качестве теста на готовность безработных к труду.¹²⁷ Нет ничего удивительного, что такая политика не нашла понимания, а сами безработные при наличии альтернативного варианта едва ли соблазнились бы участием в общественных работах.

Неудовлетворительным оказалось и решение вопроса о пенсионном страховании. Ещё в доиндустриальной Швеции было обычным делом проживание людей преклонного возраста вместе со своими детьми. По законодательству и согласно сложившейся традиции они несли ответственность за своих престарелых родителей и близких родственников-инвалидов. Одинокие старики помещались в муниципальные богадельни, рассредоточенные по коммуна, деятельность которых регламентировалась посредством постановления о богадельнях от 1878 г. Однако в 1884 г. началось серьёзное обсуждение ситуации с пенсиями по старости, которое инициировал парламентарий Риксдага от либеральной партии С.А. Хедин. Суть его предложения сводилась к введению страхования по старости и

---

¹²⁵ Исаев М.А., Чеканский А.Н. Шишкин В.Н. Политическая система стран Скандинавии и Северной Европы. М, РОССПЭН, 2001. С.125

¹²⁶ Введение в шведское право //Под ред. С. Стрёмхольма. М., 1986. С. 31.

¹²⁷ См. Wadensjö E. The Labour Market Policy – Rehn or Rubbestad // Gösta Rehn, the Swedish Model and Labour Market Policies. International and national perspectives, Aldershot: Ashgate Publishing, 2001. p. 4

инвалидности для трудящегося населения. И только в 1913 г. был принят закон о всеобщих народных пенсиях при активном участии Я. Брантинга. Согласно этому закону основное пенсионное страхование охватывало всё население, и пособия выплачивались каждому пострадавшему на производстве или достигшему 67-летнего возраста. Страхование состояло из двух частей:

1. Пенсия по вкладам, финансируемая страховыми взносами соответственно налогооблагаемому доходу.
2. Финансируемая налогами и проверенная на необходимость её выплат дополнительная пенсия, выплачивалась людям с малыми доходами и без пенсии по вкладам. Целью данного вида страхования было отступление от существовавшей на тот момент политики «помощи бедным».

В ходе дискуссий о пенсионной реформе рассматривались и иные проекты. Один из них представлял собой финансируемое государством добровольное страхование по образцу Бельгии, Франции и Италии тех времён. Однако опыт этих стран показал, что выплаты по данному виду пенсионного страхования были ограниченными и охватывали лишь тех, кто имел возможность отчислять денежные средства в достаточном размере. Другим проектом было введение финансируемой налогами универсальной пенсии по твёрдой ставке, но в этом случае появлялась проблема недостатка необходимого финансирования.

В качестве наиболее реалистичных обсуждались две модели:

1. Немецкая модель 1889 г. О. фон Бисмарка, которая была частью системы страхования на производстве. Страхование охватывало рабочих и финансировалось за счёт вкладов работодателей и представителей рабочих. Их взносы привязывались к заработной плате, а пенсия соответствовала объёму данных взносов.
2. Датская модель 1891 г. была системой со стандартными выплатами, не носившими характера оказания «помощи бедным». Система управлялась муниципалитетами и финансировалась частично государством, а частично

местными самоуправлениями. Пенсия выплачивалась людям преклонного возраста, после проверки их материального положения.

Между тем, именно сложная социально-экономическая ситуация в Швеции и то обстоятельство, что большая часть населения проживала и работала в деревне, заставили власти, в особенности, депутатов-аграриев второй палаты Риксдага, приспособить эти пенсионные системы к реальности, сочетая с финансированием на основе подоходного налога. В итоге, желание государства и профсоюзов избавиться от формулы «помощи бедным» не было преодолено, но благодаря универсальному характеру законодательства пенсионным обеспечением была охвачена значительная часть населения, несмотря на то, что оно и заставляло пожилых людей обращаться к тогда функционировавшей «помощи бедным».

Нерешенной осталась и демографическая проблема. Хотя население страны увеличивалось и к 1930-м гг. оно даже удвоилось, низкая рождаемость и возросшая бедность послужили толчком для острой дискуссии в среде шведских политических и научных кругов. Популярность приобрела концепция мальтузианства, представленная в работах шведского учёного Кнута Вихсея. По мнению Мальтуса, рождаемость людей имеет биологическую природу: «Рассматривая различные периоды существования общества, не трудно убедиться, с одной стороны, в том, что человечеству присуще постоянное стремление к размножению, превышающему средства существования, с другой стороны, что эти средства существования являются препятствием к чрезмерному размножению».¹²⁸ Мальтусом также было выявлено наличие предупредительных (добровольное ограничение рождаемости ввиду понимания «отдалённости последствий») и разрушительных (вредные привычки, тяжкий труд, война, эпидемии) барьеров для неконтролируемого роста рождаемости. К. Вихсель использовал теорию народонаселения Мальтуса, соединив её с либеральной политологией Джона Стюарта Милля и идеями Дж. Драйсдейла и А. Безант.

---

¹²⁸ Мальтус Т.-Р. Опыт закона о народонаселении. М.: Директмедиа Паблишинг, 2008. С. 4

В результате появилось понятие «оптимальной численности населения», и, несмотря на то, что в 1910-1911 гг. консервативным правительством были введены две поправки, направленные против регулирования рождаемости, всё же неомальтузианство было популярно в общественном мнении Швеции, в том числе, и среди социал-демократов.

Другое решение проблемы регулирования рождаемости было предложено марксистами и консерваторами. Первые пытались увязать данную проблематику с концепцией борьбы классов, полагая, что именно угнетённое положение рабочего класса приводит к ухудшению их материального положения и никак не связано с рождаемостью. Вторые же отзывались о неомальтузианстве как о национальном самоубийстве и полагали, что суть проблемы кроется в падении общественной нравственности и христианской морали. Отчасти в этом с ними соглашались также и «сторонники расовой гигиены». По их мнению, промышленная революция, быстрый рост городов, возрастающая свобода женщин, индивидуализм, плохие привычки – причина разрушения семьи и отсутствия желания иметь детей. Поэтому, необходимо, прежде всего, усилить внимание государства к поддержке традиционного крестьянского уклада жизни. Консерваторы и «сторонники расовой гигиены» при этом одобряли аборты и использование мер ограничения рождаемости по евгеническим соображениям. Они считали недопустимым наличие в обществе людей с врождёнными психическими или физическими отклонениями.

Важную роль в создании социального государства в Швеции сыграли идеи феминизма, связанные с социал-демократией. В 1886 г. Ассоциация Фредерики Бремер, названная в честь знаменитой шведской писательницы и феминистки, жившей в 1801-1865 гг, была основана как организация, борющаяся за права женщин и открытая как для женщин, так и для мужчин. Несколько социалистических клубов появилось в 1890-е годы, а в 1903 г. была основана Национальная Ассоциация за предоставление женщинам избирательного права. Женское движение выступало за отмену поправок

против регулирования рождаемости. Для некоторых его представительниц, например, Керстин Хассельгрэн отмена регулирования рождаемости не прививало семейным парам чувства ответственности за рождение и надлежащее воспитание ребёнка. Главной целью феминисток стало расширение помощи семьям с детьми, матерям-одиночкам и женщинам, испытывающим двойную нагрузку: дома и на работе. «Борьба за право женщин-матерей на независимость и помощь их семьям со стороны отцов постоянно находилась в фокусе политической деятельности социал-демократок» - пишет А.- С. Уландер.¹²⁹ Феминисткам уже на ранних этапах своей деятельности удалось достичь важных результатов в своей политической борьбе.

Во-первых, в начале XX века, не без влияния женских движений, вступил в силу закон об охране труда, включавший положений о женщинах, имевших детей. По нему предусматривался четырёхнедельный отпуск по уходу за новорожденным. В 1912 г. этот срок был увеличен до шести недель.

Во-вторых, феминисткам удалось склонить правительство и парламент к расширению помощи семьям. Если на рубеже столетий основные меры сводились к организации кухонь для обеспечения детей доброкачественной пищей в школах и летних лагерей отдыха, то к концу 1920-х речь шла о строительстве родильных домов, дородовом и послеродовом содержании, обязательном медицинском обслуживании всех детей в первые годы жизни. Не остались вне социальной помощи и матери-одиночки. Им при поддержке государства начала выплачиваться финансовая поддержка от отцов детей, а также был введён институт детского социального обеспечения.

В-третьих, шведские женщины завоевали в 1921 г. право избираться и баллотироваться в парламент, а в 1935 г добились равной основной пенсии для женщин и мужчин, а в 1937 г. государственного пособия по материнству. В целом в «шведской модели» выражена идея равноправия полов,

---

¹²⁹ Уландер А.-С. Незаметное дитя? Борьба вокруг политики социал-демократии в области семьи // Создавая социальную демократию. Сто лет Социал-демократической рабочей партии Швеции / Под ред. К. Мисгельда, К. Молина, К. Омарка. М.: Весь мир, 2001. С. 284

реализованная в социальном государстве и получающая политическое оформление.¹³⁰ Шведское правительство подчеркивает, что работа в этой области должна стать неотъемлемой частью всей политической работы. «Работа в области равноправия направлена на изменение тех структур, которые выравнивают неравномерное распределение власти между женщинами и мужчинами».¹³¹ Шведские женщины активно участвовали во всех политических партиях, но довольно рано осознали, что им нужны свои собственные политические организации для того, чтобы необходимое внимание было уделено всем проблемам женщин. Сегодня крупнейшие политические партии Швеции всё еще имеют женские федерации. Они выполняют двухстороннюю задачу: подготавливать женщин к политической работе и заниматься вопросами, представляющими особый интерес для женщин.¹³²

Подводя некоторые итоги, следует отметить наличие культурно-исторических предпосылок формирования социального государства в Швеции. Они включают религиозные, нравственные, юридические и политические предпосылки, организацию местного самоуправления, традиции взаимопомощи. Понятия равенства и солидарности в Швеции исходили из особой её общественной структуры, где ни один класс не имел ощутимого преимущества в отношении другого. Интересы всех социальных групп населения были представлены в Рискдаге, хотя во времена Великодержавия и были попытки дворянства усилить своё социально-политическое положение в государстве. Процесс индустриализации изменил её облик, обусловил продвижение Швеции к социальному государству на фоне эрозии традиционной сословной культуры, в связи с возникновением рабочего движения.

---

¹³⁰ См.: по этой проблеме. Якобсон Р., Альфрдсон К. Равноценные. Положение мужчин и женщин в Швеции. Шведский институт. Стокгольм, 1997.

¹³¹ Там же. С. 14.

¹³² См.: Ивонн Хирдман. Женщины-от возможности к проблеме? Конфликт полов в «государстве всеобщего благоденствия»-шведская модель // Северная Европа. Проблемы истории. М., «Прогресс-Академия». 1995.

§ 2 Теоретические основания «шведской модели» в довоенный период.

В зарубежной и отечественной научной литературе при характеристике современного социально-политического строя Швеции можно встретить ряд определений: «государство всеобщего благосостояния», «третий путь», «дом для народа», «шведская модель». При этом особое внимание вызывает термин «шведская модель», который, по мнению, как шведских (А. Берг), так и российских (Н. С. Плевако) исследователей не имеет точного смыслового содержания.¹³³ В этой связи необходимо раскрыть суть данного термина и при этом принять во внимание политические концепции, разрабатываемые за весь период пребывания социал-демократов у власти. Начало разработки классической «шведской модели» было положено Социал-демократической рабочей партией Швеции (СДРПШ) в 1930-х годах. В это время в стране наблюдались демографический кризис, низкая рождаемость, высокая смертность и массовая эмиграция шведского населения.¹³⁴ Положение усугублялось негативными последствиями мировой экономической рецессии. В 1932 г. безработица выросла почти до 25 %. Объём экспорта сократился, а ряд предприятий обанкротился.¹³⁵ Поэтому идея «Дома для народа», которая призвана была преодолеть данные трудности, получила поддержку в обществе. Следующие из неё принципы солидарности, социального равенства и отсутствия классовых барьеров были выдвинуты будущим премьер-министром Швеции П. А. Ханссоном на выступлении в Риксдаге в 1928 г.: «Основой любого дома является общность и чувство родства. В хорошем доме нет ни привилегированных, ни униженных, нет баловней и пасынков. Там никто ни на кого не смотрит свысока, никто не пытается добыть себе преимуществ за счёт других, там сильный не притесняет слабого

¹³³ См. Плевако Н. С. Российский интерес к шведской модели // Северная Европа. Проблемы истории, М.: Наука, 2003, С. 278-284 или же Bergh A. The Universal Welfare State: Theory and the Case of Sweden // Political studies. 2004. vol. 52. P. 745–766

¹³⁴ См. Карлсон А. Шведский эксперимент в демографической политике. Гуннар и Альва Мюрдали и межвоенный кризис народонаселения, М.: Мысль, 2009. 312 С.

¹³⁵ См. Эклунд К. Наша экономика. Введение в макроэкономику. М.: Школа политических исследований, 2004. С. 382

и не издевается над ним. В хорошем доме царят равенство, забота, сотрудничество. Применительно к нашему большому народному дому, дому для всех граждан, это означает, что все социальные и экономические барьеры, которые сейчас делят общество на привилегированных и униженных, правящих и зависимых, богатых и бедных, имущих и неимущих, грабителей и ограбленных, будут уничтожены».¹³⁶ С приходом социал-демократов к власти в начале 1930-х гг., этот концепт постепенно получает практическое применение. Реализуются меры по предотвращению безработицы и улучшению положения в обществе, выдвинутые Э. Линдалем, Г. Мюрдалем, Б. Улином и Э. Лундбергом. Анализируя причины рецессии в Швеции, они пришли к тем же выводам, что и Дж. М. Кейнс. По их мнению, так называемая, экспансионистская политика расширения экономики может рассматриваться в качестве наиболее эффективного способа повышения совокупного спроса. Государство должно воздействовать на общую величину спроса, так как, расширяя его объём, можно существенно снизить уровень безработицы, а, сокращая спрос, можно уменьшить инфляцию. В этом случае главный упор делался на увеличение расходов в государственном секторе, на повышение размеров пенсий, пособий на детей и стипендий на обучение. С другой стороны, предлагалось снизить налоги и тем самым повысить покупательную способность населения. «Новое было то, что государство отказалось от своей *старой пассивной и нейтральной позиции*, а именно – от доктрины, которая еще со времен Адама Смита преобладала в общем и целом в экономических теориях и утверждала, что государство не должно вмешиваться в отношения сторон на рынке труда, в том числе и в вопрос о безработице».¹³⁷ То есть, согласно А. Юханссону, экономическая теория должна была подчиниться экономико-политическому мышлению. Данное мышление стало важной предпосылкой шведской модели в сочетании с последовательной практикой проведения коренных социальных реформ.

---

¹³⁶ Цит. по: Carlsson I., Lindgren A-M. What is Social Democracy?, Stockholm: Sjuhäradsbygdens Tryckeri AB, 2007. p. 31

¹³⁷ Юханссон А. Анализ шведской модели // Северная Европа. Проблемы истории. М., 1995. С.338.

«Если имеется, допустим, набор каких-либо целей, которые, в свою очередь, снабжены определёнными ресурсами, и находятся индивиды, которые идентифицируют себя с такими целями, то есть выбирают их в качестве образца своего действия, тогда тот, кто формирует эти цели, тот и управляет обществом. Но если эти занимается государство, оно записывает указанные цели в свою конституцию и институционализирует их в своей правовой системе... Вот фундамент скандинавской модели и скандинавского экономического человека, как, впрочем, и скандинавского корпоративного человека»¹³⁸.

Успех политической программы СДРПШ был немислим без Сальтшёбаденского соглашения. В 1935 г. Объединение работодателей Швеции (ОРШ) выступило с предложением к ЦОПШ о двухстороннем урегулировании конфликтов и спорных моментов на рынке труда. Государство поддержало данную инициативу, однако уже в следующем году оно выдвинуло идею трёхстороннего участия в формировании трудового законодательства. В шведской модели происходит отчетливое разделение имущества и ответственности между тремя действующими лицами: предпринимателями, рабочими и государством.¹³⁹ Среди представителей ОРШ, предпочитавших самостоятельный диалог с трудовыми коллективами, правительственный замысел не получил должного понимания. Профсоюзы колебались, но скоро согласились с тем, что лучше совместно с работодателями разрешать спорные моменты на рынке труда, чем быть в альянсе с правительством социал-демократического меньшинства и, таким образом, получить законодательство, продиктованное парламентским большинством. В 1938 г. обе стороны признали необходимость коллективных переговоров для разрешения трудовых конфликтов, создания комитета по занятости на паритетных началах. Данный договор создал систему переговорного процесса в стране, которая стала важной

---

¹³⁸ Исаев М.А., Чеканский А.Н., Шишкин В.Н. Политическая система стран Скандинавии и Финляндии. М., РОССПЭН, 2001. С.131.

¹³⁹ Там же. С. 346

предпосылкой для дальнейшего социально-экономического развития Швеции.

Установив деловые отношения с предпринимателями и трудовыми коллективами, социал-демократическое правительство получило пространство для маневра в социальной сфере, то есть для проведения социальной политики. Под социальной политикой в практическом смысле можно понимать «деятельность государства, направленную на включение индивидов в некоторое сообщество или общество как равных, и которое делает их равными».¹⁴⁰ В Швеции эта политика во многом определялась идеями Густава Мёллера, Альвы и Гуннара Мюрдалей, Ёсты Рена и Рудольфа Мейднера, а также Улофа Пальме. Именно на основе разработанных и внедрённых с их участием программ по отдельным направлениям социальной политики «шведская модель» приобретает свои уникальные черты.

Первым шагом правительства Ханссона в социальной политике стало планирование и внедрение программы всеобщего социального страхования. Она началась с пересмотра пенсионного обеспечения для людей преклонного возраста. Хотя в 1913 г. законодательно закреплялось базовое и дополнительное пенсионное страхование, тем не менее, представителей СДРПШ не устраивало многое в реформе и, в первую очередь, то, что по своему смыслу она стала напоминать, использовавшуюся в XIX веке форму «помощи бедным». По существу, отмечает П. Г. Эдебальк, «работала только проверенная на нуждаемость дополнительная пенсия, выплаты по которой были низкими и вынуждали многих обращаться за дополнительным пособием».¹⁴¹ Ещё в 1928 г., выступая за ревизию пенсионной политики, социал-демократы инициировали её расследование, и отчёт по нему лёг в основу двух поправок. Обе они не произвели масштабных изменений, кроме

---

¹⁴⁰ Стребков А.И. Социальная политика: теория и практика, СПб.: Издательство Санкт-Петербургского философского общества, 2000. С. 46

¹⁴¹ Edebalk P.G. From poor relief to universal rights – On the development of Swedish old-age care 1900-1950, Lund, 2009. p. 7

того, что процент страхового взноса для базовой пенсии по вкладам был снижен, а дополнительная пенсия стала начисляться согласно местному прожиточному минимуму. В 1938 г. начал работу Комитет по социальному уходу во главе с Бернхардом Эрикссоном. Его целью, как и десятилетие ранее, стало обсуждение пенсионного вопроса. В директиве министра социальных дел Густава Мёллера также подчёркивалось, что ревизия не должна ограничиваться одним только поиском возможностей для создания единообразной пенсионной системы, но должна предусматривать и рассмотрение материального положения трудящихся.¹⁴²

В 1945 г. был представлен доклад, акцентировавший внимание на трёх возможных вариантах пенсионного страхования. Все они отталкивались не от накопительного принципа за время трудовой деятельности, а от достаточно высокого в финансовом отношении минимального стандарта. Разница была лишь в том, что первые две альтернативы могли выплачиваться только после проверки материального положения. Третий же вариант представлял собой обычную пенсию твёрдой тарифной ставки, которая хотя и обходилась дороже государству, но значительно упрощала административные процедуры. Последняя версия и воплотилась на практике в пенсионной реформе 1946 г., получив название всеобщей народной пенсии (Allmän Folkpension – AMF). Её сторонником был лично Густав Мёллер, для которого, согласно П. Г. Эдебальку, «решение пенсионного вопроса особо выделялось на фоне всех остальных дел».¹⁴³ Именно этому политику суждено было стать не только архитектором новой пенсионной системы, но и отцом всеобщего социального страхования в современной Швеции. «Густав Мёллер был создателем социальной Швеции. Он очень сильно чувствовал общество с бедными, безработными и старыми, одинокими матерями, с отвергнутыми людьми. Собственный горький опыт детских лет стал решающим в его изображении классового общества. Он отказался принимать это общество» -

---

¹⁴² См. Edebalk P.G. Gustav Möller och åldringarna, Lund, 2011. s. 15

¹⁴³ Ibid, s. 16

так позже отзывался о министре социальных дел Т. Эрландер (премьер-министр Швеции с 1946 по 1969 гг).¹⁴⁴

Тот факт, что Мёллер происходил из бедной семьи, определил не только его отношение к социальной несправедливости, но и повлиял на его политические принципы. В скором времени Мёллер становится членом Риксдага, а затем, в 1926 г. получает пост министра социальных дел, который с незначительными перерывами занимает вплоть до своей отставки. Его главным политическим достижением за время службы стало планирование и осуществление большой социальной программы, содержащей множество реформ, которые должны были привести к государству всеобщего благосостояния наиболее универсального типа. В проведении социальной политики Мёллер исходил, прежде всего, из необходимости проведения реформ, направленных на реализацию идей социализма. Будучи знатоком марксизма, он положительно относился к идее национализации промышленности, и по этому поводу опубликовал ряд статей в журнале «Tiden».¹⁴⁵ Определённым итогом изложения сути его политической философии станет выступление Мёллера на Скандинавском конгрессе рабочих в Копенгагене в 1920 г., где он подчёркивал необходимость национализации промышленности, однако она не может, по его мнению, ограничиться только отменой экономической эксплуатации. Важно чтобы результаты этого процесса дали положительный эффект для всей страны, и здесь всё, по его мнению, зависит от методов социальной политики. При этом Мёллер подверг резкой критике большевистскую социально-экономическую политику за пропаганду классового противостояния богатых и бедных и утверждал, что «конечная цель национализации заключается в использовании производственного аппарата с большей пользой для

---

¹⁴⁴ Från anföranden, som Tage Erlander och Olof Palme höll vid Möllers begravning ”Till minnet av Gustav Möller” // Tiden. 1970. № 8. s. 455

¹⁴⁵ См. напр. Möller G. Den stora socialiseringsmotionen. // Tiden. 1917. № 2. s. 50 – 61; Möller G. I socialiserings frågan // Tiden. 1919. № 4. s. 188 - 192

населения и, прежде всего, для рабочего класса».¹⁴⁶ Он повторял старый социалистический аргумент о том, что производство может быть организовано и использовано более рационально, а капитализм должен превратиться в слугу рядового гражданина. Но перед тем как пойти по такому пути национализации «необходимо начать уничтожение тех заблуждений, которые широко засели в разных группах шведского рабочего класса». И здесь недостаточно одной лишь политического просвещения рабочего класса, но нужно также развить производительные силы человека в ходе социальных преобразований.

В последующем Мёллер, «ознакомившись с программой датских социал-демократов К. В. Брамснэса и К. К. Штайнке, сумел создать свою модель социального страхования, избежав авторитарной и антисоциалистической риторики О. фон Бисмарка и благотворительной линии либеральной социальной политики».¹⁴⁷ Реализация социальной политики рассматривалась Мёллером в качестве единого процесса, когда осуществляются изменения не отдельных направлений в политике, а происходит реформа всей политической системы. Он полагал, что у шведов должно существовать гражданское право на льготы и пособия, финансируемые за счёт налогообложения, а социальное страхование должно быть равноправным и универсальным и не зависеть от финансовых вкладов граждан. Ярким подтверждением этой идеи может служить, предложенная программа выплаты детских пособий, которые выплачивались каждой семье независимо от её материального положения. На этом же принципе базировались и пенсионная система и медицинское страхование. При этом, хотя Мёллер и говорил о равенстве в социальной сфере, но его модель была скоординирована с уровнем жизни регионов и подразумевала некоторые вспомогательные выплаты для населения различных регионов. Народная пенсия, например, дополнялась жилищным пособием, а медицинское

---

¹⁴⁶ Möller G. Socialiseringsproblemen. Föredrag av Gustav Möller vid Skandinaviska arbetarekongressen i Köpenhamn den 21 januari 1920 // Tiden. 1920. № 3. s. 7

¹⁴⁷ Rothstein B. Managing the Welfare State: Lessons from Gustav Möller // Scandinavian Political Studies. 1985. Vol. 8. № 3. p. 156

страхование предусматривало наличие добровольного страхования сверх предлагаемой поддержки. Принцип равнодоступного для всех категорий населения социального страхования также серьёзно упрощал процесс администрирования.

Мёллер развил далее принципы данной политики применительно к реформе всего государства. Он полагал, что реформы требуют изменения подхода к управлению обществом, так как централизованный бюрократический аппарат не отвечал новым требованиям: его стиль управления устарел и в нём, как правило, находились некомпетентные лица, далёкие от знания проблем каждого отдельного лена (территориальной единицы) страны. Мёллер пытался по возможности реформировать уже существующие органы власти и учреждать новые, а всю нагрузку в осуществлении социальной политики переводить на органы местного самоуправления. При этом предложенный им административный механизм предусматривал новый подход к найму и карьере служащих. Рекрутинг производился на основе учёта индивидуальных качеств человека, а не его формальных достоинств, что позволяло руководству нанимать компетентных людей на те или иные должности. Так, например, административная ответственность за осуществление всеобщего страхования по безработице возлагалась на профсоюзные фонды. Подобное управление было введено также и в системе медицинского страхования и в программе дополнительного пенсионного обеспечения.

Важно то, что Г. Мёллер, проводя социальные реформы, уменьшил влияние существующей правовой системы. В его системе высшей апелляционной инстанцией в вопросах социального законодательства стал непосредственно министр социальных дел. Мёллер утверждал, что он хотел лично удостовериться в правильности реализации законодательства. В целом, политику социального страхования Г. Мёллера следует признать продуманной, так как она придала шведскому социальному государству до некоторой степени «универсальный» вид. Стремясь создать сильное

солидарное общество, он пытался распространить свои идеи на все области социального страхования, зачастую вступая в конфликт с соратниками по партии. Практика показала, что сознательная дистанцированность Г. Мёллера от проблемы влияния инфляции на экономику уже после Второй мировой войны поставила под сомнение некоторые его теории. Более резонным было бы сочетание выплаты пособия общей тарифной ставки с компенсационными выплатами на основании взносов гражданами, что и было сделано при одновременной децентрализации системы управления в стране, но уже без участия самого Мёллера.

Идеи Мёллера были не единственными, которые формировали социальную политику Швеции на протяжении XX века. Значительное влияние на «шведскую модель» социального государства оказали новая концепция политики семьи и материнства в связи с преодолением низкого уровня рождаемости. Проходившая научная дискуссия по этим проблемам демографии не дала адекватных решений. Её участники – от неомальтузианцев до феминистского движения – повторяли одни и те же аргументы, в то время как в государстве действовали законы, направленные против регулирования рождаемости, а среди социал-демократов распространилась идея обеспечения оптимальной численности населения. В начале 1930-х гг. вопросы демографии отошли на второй план и вновь стали предметом научной полемики после публикации Альвой и Гуннаром Мюрдалями книги «Кризис в вопросе народонаселения» (*Kris i befolkningsfrågan*, 1934). Выдвинутая ими программа контрастировала с предыдущими идеями и, опираясь на междисциплинарный научный подход.

Научные интересы Г. Мюрдаля лежали в сфере экономики, где он преимущественно занимался анализом классической экономической теории. В книге «Наука и политика в национальной экономике» (1930) он пишет о её чрезмерной перегруженности нормативными принципами, политическими оценками. Он особенно критиковал теорию стоимости, фритредерство, идею народного хозяйства, а также концепции естественного права и

утилитаризма. Мюрдаль высказал мысль о том, что полезность общества для отдельного индивида увеличится лишь тогда, когда финансовые потоки будут перераспределяться от самых богатых к менее обеспеченным гражданам.¹⁴⁸ Из этой идеи берёт начало экономическая платформа «государства всеобщего благосостояния», выстроенная им совместно с Э. Линдалем, Б. Улином и Э. Лундбергом. Другим научным фактором для развития концепции Мюрдаля стало изучение влияния демографических факторов на финансовое благополучие государства.

В этот же период А. Мюрдаль сконцентрировала свои усилия на изучение проблем эстетики, философии воспитания шотландских философов, использования психоанализа в педагогике и на отношениях школы и семьи. При этом «Сквозной проблемой жизни и творчества А. Мюрдаль, - отмечает Т.А. Тоштендаль-Салычева, - был вопрос об освобождении женщин. Она хотела их видеть образованными, равноправными, полноценными членами общества».¹⁴⁹ В совместном исследовании Мюрдалей отразился также и опыт поездки учёных в США, где они получили обширные познания о методах социологии и новых статистических методиках, а знакомство с философией архитектуры модернизма (Ле Корбюзье) придало их программе до некоторой степени облик практического действия. Известно, что Мюрдали уделяли огромное внимание разработке новых более комфортных жилищ для семей, и по их предложению в Швеции было инициировано широкомасштабное жилищное строительство, эта идея стала одной из ключевых в концепции народонаселения Мюрдалей.

Их теоретическая программа начиналась с критики демографических теорий, прежде всего, взглядов Т. Мальтуса. Исследуя причины падения рождаемости в Швеции, Мюрдали приходят к заключению, что желание людей иметь детей обычно связано с социально-экономической переменной развития общества, а не с биологической предпосылкой, как утверждал

¹⁴⁸ См. Gustafsson B. Ekonomporträttet: Gunnar Myrdal (1898–1987) // Ekonomisk Debatt. 1998. årg 26. № 8. s. 620

¹⁴⁹ Тоштендаль-Салычева Т. А., Дубовицкая М. О. Конференция «Вопросы Альвы Мюрдаль к нашему времени» // Северная Европа. Проблемы истории, М.: Наука, 2003. С. 323

Мальтус. «Распространение контроля над рождаемостью, - пишут Мюрдали, - находится в тесной взаимосвязи с постоянным стремлением у всех повысить условия жизни».¹⁵⁰ Перед большинством семей стояла дилемма либо заводить потомство, обрекая себя в итоге на скудное существование, либо поддерживать более высокий жизненный уровень, но без детей. Реальности нового мира, опирающиеся на промышленное производство и расширение городского населения, значительно изменили отношение граждан к деторождению. Не выдерживала всякой критики, по их убеждению, и теория оптимальной численности населения неомальтузианцев. Взяв за основу концепцию А. Йоханссона, Мюрдали доказывали, что когда рост промышленности привлечёт большее число сельских жителей, а знания о новых мерах контрацепции дойдут до необразованных бедных категорий населения, то сразу же последует всплеск падения рождаемости. Эта тенденция была чревата не только исчезновением шведов как нации, но и очевидными негативными экономическими последствиями, так как роль отдельного человека на производстве со времён индустриализации существенно увеличилась. Поэтому, по их мнению, любые демографические колебания отражаются на кривой спроса и предложения. В случае с дальнейшим падением рождаемости речь шла как о снижении материального благополучия граждан, так и о финансовых убытках для Швеции. При этом государство будет испытывать дополнительное давление, оказывая помощь увеличивающемуся числу людей пенсионного возраста в условиях нехватки трудоспособной молодёжи.

Мюрдали предлагали своё решение демографической проблемы и настаивали на необходимости проведения политики по улучшению условий жизни семей вместе с проведением политики выравнивания доходов между деревней и городом. «Существование семей с экономических позиций должно быть защищено, а в демографической политике первым условием должно стать создание и проведение экономической стратегии, которая

---

¹⁵⁰ Myrdal G., Myrdal A. Kris i befolkningsfrågan, Falun: Bokförlaget nya doxa, 1997. s. 118

обеспечила бы занятость и гарантировала бы даже крестьянам разумный и надёжный доход».¹⁵¹ Далее, по их мнению, необходима отмена законов, направленных против регулирования рождаемости, так как принадлежащие к высшему и среднему классу политики и священники широко используют средства контрацепции. Вместо этого стоит задуматься о половом воспитании детей и взрослых с тем, чтобы в будущем граждане сами решали вопрос о рождении детей. И если их выбор пал на обзаведение потомством, то необходимы качественная медицинская помощь женщины во время и после родов, а также бесплатное детское здравоохранение. Каждая новая жизнь признавалась желанна. При этом несмотря на признание равенства потомства с расово-биологической точки зрения, Мюрдали допускали и возможность стерилизации в целях получения качественного «человеческого материала».

Наконец, неотъемлемой частью их программы было решение жилищного вопроса. Тот факт, что многим шведским семьям приходилось ютиться на ограниченном пространстве, создавал неблагоприятную атмосферу в обществе, изобилующем психическими болезнями, проституцией и преступностью. Поэтому строительство лучшего и просторного жилья, для Мюрдалей, являлось первоочередной задачей. Новые дома должны иметь рационально-функциональный вид, а проживающим в них «семьям стоит стремиться к образу жизни, адаптированному к современным условиям».¹⁵² Под современными условиями подразумевалось, во-первых, изменение социально-экономической обстановки, а, во-вторых, увеличение числа женщин на рынке труда. Отстаивая права женщин на независимость, развитие и участие в общественной жизни, А. Мюрдаль, тем не менее, хотела сохранить ту любовь, теплоту и преданность, которые были присущи патриархальной шведской семье. Преследуя данную цель, она и её муж настойчиво призывали к большему участию общества в воспитании

---

¹⁵¹ Ibid, s. 175

¹⁵² Myrdal A. Kollektiv bostadsform // Tiden 1932. № 10. s. 603

детей, к расширению государственной помощи (налоговые льготы для мужчин и женщин с детьми, субсидии на оплату жилья семьям с детьми, бесплатные завтраки в школах). «То, о чём мечтала Альва Мюрдааль, – пишет И. Хирдман, – была семья, основанная на дружбе и уважении, семья, в которой мать и отец работали бы по восемь часов в день, а за детьми бы присматривали в детских оздоровительных центрах. Причём частная семейная жизнь сокращалась до минимума благодаря предлагаемым коллективным удобствам: семейным столовым, прачечным, химчисткам».¹⁵³

Особое место в программе Мюрдалей отводилось образованию. Цель школы состояла, по их мнению, не во возвращении людей, «вдохновлённых к работе только из узколобых индивидуалистических мотивов, а в том, чтобы она стала живой силой, пройдя через которую каждое новое поколение могло бы занять своё место в непрерывно меняющемся обществе».¹⁵⁴ Ребёнок, проходя первоначально через систему общественных дошкольных учреждений, а затем и саму школу должен адаптироваться к остальным членам общества, развивая способность работать в группе, решать задачи, умение планировать.

Концепция Альвы и Гуннара Мюрдалей была положительно воспринята социал-демократами, и в особенности она понравилась министру социальных дел Г. Мёллеру, так как сочетались с его планами по реализации всеобщего социального страхования в Швеции. Свою поддержку этой программе также высказали консерваторы, либералы и националисты. Однако работа созданной в 1935 г. Комиссии по народонаселению сопровождалась и критикой концепции. Так консерватор Элли Хекшер обвинил Мюрдалей в нападках на традиционную семью в попытках следовать демографической политике фашистской Германии. Неприятие вызвали особенно программа принудительной стерилизации, а также критическая отношение Мюрдалей к иммиграции из нескандинавских стран,

¹⁵³ Хирдман И. Женщины – от возможности к проблеме? Конфликт полов в «государстве всеобщего благоденствия» - шведская модель // Северная Европа. Проблемы истории, М.: Прогресс-Академия, 1995. С. С. 228

¹⁵⁴ Myrdal G., Myrdal A. Kris i befolkningsfrågan, Falun: Bokförlaget nya doxa, 1997. s. 262

которая ввиду трудности ассимиляции иммигрантов она представляла собой угрозу шведскому культурному наследию. Как подчёркивает А. Карлсон, «Мюрдали никогда не отрекались от своей приверженности демократии, но свою судьбу они связали с этноцентричным национализмом».¹⁵⁵ Однако, несмотря на столь серьёзные обвинения, деятельность данной комиссии достигла определённых успехов. В мае 1937 г. Риксдаг одобрил её предложение об оказании помощи беременным и реорганизации службы акушерской помощи. В следующем году были отменены поправки против регулирования рождаемости и введён новый закон об абортах, а в 1939 г. Риксдаг одобрил меры по социальной поддержке работающих матерей. Предложения комиссии оказались полезными и в ходе проведения социальной политики после Второй мировой войны. Так в первые послевоенные годы были введены пособия на квартплату многодетным семьям и ссуды молодожёнам. Два года спустя правительство запретило использование женского труда на тяжёлых работах. Но главное – то, что научный труд Мюрдалей инициировал процесс становления послевоенной семейной политики, ставившей своей основой не столько оказание помощи матерям и многодетным семьям, сколько привлечение мужского населения к уходу за детьми и их воспитанию.

Таким образом, был запущен процесс постепенного расширения возможностей женщин на рынке труда с одновременно большим участием мужчин в семейной жизни. Это в полной мере соответствовало идеологии А. Мюрдаль, которая оценивала вопрос народонаселения с позиции феминизма. В связи с этим стоит отметить, что параллельно формированию семейной политики в середине 1950-х годов были инициированы дебаты о роли женщины в обществе. И, судя по статье Х. Карлбек, хотя в это время взгляд на женщину как на домохозяйку уходил в прошлое, многие женщины по-прежнему относились скептически к своей одновременной роли матери и

---

¹⁵⁵ Карлсон А. Шведский эксперимент в демографической политике. Гуннар и Альва Мюрдали и межвоенный кризис народонаселения, М.: Мысль, 2009. С. 122

работницы и уж, тем более, к перспективе своей возможной роли кормильца семьи вместо мужчины.¹⁵⁶ Однако в последующие годы роль женщины во всех общественных сферах увеличивалась, и этот факт отражал не только наличие сильного феминистского движения в Швеции, но и государственную заинтересованность в привлечение женщин к труду. Таким способом социал-демократы хотели, с одной стороны, реализовать политику гендерного равенства, а, с другой обеспечить экономический рост для сохранения «шведской модели». Вполне вероятно, что и эта цель стояла за обсуждением и внедрением крупномасштабной семейной политики в 1950 – 1960-х гг. Поэтому программа социал-демократов была поддержана Левой партией–коммунисты и партией Центра. Требования, предъявлявшиеся к новой политике, по мнению А.Н. Павловой, сводились к следующему:¹⁵⁷

- общественно организованный оплачиваемый присмотр за детьми во время родительской занятости;
- семейный сервис;
- выплата пособия твёрдой ставки на детей без привязки к доходам;
- облегчение доступности образования и труда для женщин с упразднением всевозможных препятствий для женской самореализации в обществе;
- уничтожение половых стереотипов и гендерной дискриминации.

В итоге семейная политика на практике выразилась в введении всеобщего пособия на детей (barnbidrag), родительском страховании (föräldraförsäkring) и общественном уходе за детьми (barnomsorg). Принципиальные для шведского общества идеи Альвы и Гуннара Мюрдалей были сохранены и в следующие десятилетия, они задавали основной вектор проведения государством политики семьи и материнства. Даже когда социал-демократическое правительство отказалось от идеи коллективного сожительства и детских пособий, выплачиваемых в натуральной форме,

¹⁵⁶ См. Карлбек Х. Материнство и труд на производстве. Дебаты и решение проблем в Швеции и России // Северная Европа. Проблемы истории, М.: Наука, №6, 2007. С. 232

¹⁵⁷ См. Павлова А. Н. Семейная политика Швеции в 1960-70-е годы // Северная Европа. Проблемы истории, М.: Наука, № 4, 2003. С. 156

«шведская модель» по своей сути исходила из того, что было заложено этими учёными. В том, что касается политики равноправия полов, организации воспитания в детских садах, строительства нового жилья, оказания медицинской помощи беременным женщинам и детям до сих пор прослеживается влияние концепции Мюрдалей. Однако помимо этого Мюрдали указали и на новые тенденции в развитии института семьи, появившиеся со вступлением мира в индустриальную фазу развития. Они не были противниками супружеской жизни, но прекрасно осознавали, что старая патриархальная форма семьи, исключая признание права женщины на труд и личное развитие, влияет столь же негативно на благополучие граждан, сколь и отсутствие необходимой государственной помощи одиноким матерям и семьям с детьми. Инициировав публичный дискурс по проблемам демографии, Мюрдали придали социальному государству образ исторически обусловленной новой формы человеческого существования, открытой и общественно ориентированной. Шведским же социал-демократам данная позиция нравилась тем, что давала возможность пересмотреть свои взгляды на содержание одного из ключевых для них принципов – понятия социального равенства.

В заключение, отметим, что концепция социального государства в Швеции довоенного периода испытывала значительное влияние ряда теорий. Во-первых, заметную роль в появлении «шведской модели» сыграла социал-демократическая концепция «дома для народа». Она была поддержана учёными Стокгольмской школы, которые вслед за Дж. М. Кейнсом заявляли о том, что государство должно воздействовать на общую величину спроса, влиять на потребление за счёт соответствующей системы налогообложения и фиксирования нормы процента. Эти меры, по мнению создателей данной концепции, должны были противодействовать инфляции, одновременно снижая безработицу в стране, которая в это время достигла внушительных масштабов. Однако в «шведской модели» имеется и существенное отличие от кейнсианской модели: «важной причиной вмешательства государства в

экономику является достижение социального мира и стабильности, следствием чего и должна быть сбалансированная, смешанная экономика». ¹⁵⁸ За этим скрывается и определенная политическая философия, сформулированная Л.Штейном. По его мнению: «Внутреннее управление по своему формальному понятию представляет собой совокупность тех сторон государственной деятельности, которая доставляет отдельному человеку условия для его индивидуального развития, не достижимые его собственной энергией и усилиями. Идея внутреннего управления основывается на том, что, идеал человеческого развития есть совершенный человек». ¹⁵⁹ С этим пониманием связано формирование государством и органами местного самоуправления сектора общественных услуг, целью которого является обеспечение достойных условий жизни человека. «Скандинавская модель общества, экономики и государства предполагает одну общую константу, применяемую в разных социальных типах действия; сама модель достигает необходимого уровня обобщения и определяется как государство благоденствия с резко выраженными чертами институционализации всех сфер жизни человека. Человек при этом есть средство и цель». ¹⁶⁰

Между тем, существовали вопросы формирования адекватного социального страхования для пожилого населения и бедных вместо действовавшей тогда системы благотворительности, не отвечавшей идеям «Дома для народа». За теоретическое и практическое решение взялся Г. Мёллер. Его инициатива была дополнена концепцией народонаселения Мюрдалей. Несмотря на то, что Альва и Гуннар Мюрдали желали, прежде всего, улучшить демографическую ситуацию в Швеции, синтезируя позиции различных сторон (от неомальтузианцев до женского движения), их идеи органично вписались в формирующуюся «шведскую модель». Наконец, не следует забывать, что социал-демократическая политика «Дома для народа»

¹⁵⁸ Исаев М.А., Чеканский А.Н., Шишкин В.Н. Политическая система стран Скандинавии и Финляндии. М., РОССПЭН, 2001. С. 135

¹⁵⁹ Штейн Л. Учение об управлении и право управления. СПб., 1879. С. 49.

¹⁶⁰ Исаев М.А., Чеканский А.Н., Шишкин В.Н. Политическая система стран Скандинавии и Финляндии. М., РОССПЭН, 2001. С.135

не могла быть введена в действие без Сальтшёбаденского соглашения. Именно оно создало необходимую почву для возникновения универсалистского социального государства.

§ 3 Особенности «шведской модели» в послевоенный период.

В конце 1930-х гг. концепция «Дома для народа» приобрела четкие политические контуры. После знаменитой речи П. Ханссона в Риксдаге тема социальных преобразований стала основой для некоторых существенных изменений в пенсионном страховании, в политике поддержки семьи и материнства. Главное – был достигнут компромисс между трудом и капиталом, позволивший в будущем относительно бесконфликтно создавать условия для повышения благополучия и качества жизни шведов. Сальтшёбаденское соглашение содержало правила о коллективных переговорах и забастовках, угрожающих общественному интересу и увольнении, которые создавали условия для дальнейшей модернизации экономики и сохранения социальной стабильности. В послевоенной Швеции не торопились отказываться от преимуществ данной модели. «Программа рабочего движения» (1944), в создании которой принимали участие Г. Мюрдаль и Ё. Рен, предполагала использование планового хозяйствования в мирное время. Она ставила своей целью не только заложить основу всеобщей системы социального обеспечения, но и сделать более эффективным частное предпринимательство на случай возможной депрессии, аналогичной той, которая последовала после Первой мировой войны.¹⁶¹ Однако разруха в большинстве стран Западной Европы благоприятствовала шведской экспортной индустрии, специализировавшейся на производстве сырья, полуфабрикатов и инвестициях. Тем не менее, экономический подъем сменился в скором времени рецессией. «Экспортный бум вместе с высокими внутренними инвестициями и скрытым спросом на жильё и товары народного потребления, – пишет Л. Эриксон, – привели к перегреву шведской экономики второй половины 1940-х – начала 1950-х годов».¹⁶² Коалиционное правительство СДРПШ и Крестьянского союза было вынуждено начать поиск новых методов противодействия экономическому

¹⁶¹ См. Мелин Я., Юханссон А., Хеденборг С. История Швеции, М.: Издательство Весь Мир, 2002. С. 258

¹⁶² Erixon L. The Rehn-Meidner model in Sweden: its rise, challenges and survival, Stockholm, 2008. p. 10

спаду и, в первую очередь, безработице в стране. С целью координации действий в 1948 г. было образовано Национальное агентство по трудоустройству (Arbetsförmedlingen), а также Комитет по исследованию занятости (1950 års Arbetsförmedlingsutredningen) более известный как «Комитет Руббестада». Его основная задача состояла в оценке новой организации офисов по трудоустройству. Первый отчёт, появившийся спустя девять месяцев после начала работы, одобрял национализацию офисов по трудоустройству, но был критически настроен по отношению к экстенсивной политике на рынке труда. В частности подчёркивалось, что неоправданные затраты уходили для привлечения соискателей на краткосрочные рабочие места, составлявшие внушительную долю от всего объёма вакансий. Кроме этого, существование большого числа офисов вело, с одной стороны, к чрезмерной мобильности на рынке труда, а, с другой – делало их непривлекательными среди работодателей, поскольку постоянными их клиентами были безработные и инвалиды. Услуга для таких категорий граждан должна быть ограничена, в то время как предпочтение следует отдавать работающим гражданам, ищущим других вариантов трудоустройства. В перспективе этот шаг подразумевал уменьшение числа офисов с 251 до 208. Однако один из членов комитета, Аксель Руббестада, предложил произвести ещё большее сокращение системы.

В таком виде доклад поступил на рассмотрение в ЦОПШ. Его руководство и члены отказались поддерживать любую политику, которая могла бы привести к неудовлетворительному выполнению общественной службой по трудоустройству своих задач на рынке труда. К решению проблемы присоединились два экономиста от ЦОПШ, Рудольф Мейднер и Ёста Рен. Они использовали главный журнал шведских социал-демократов «Tiden» для начала дискуссии, которая закончится появлением модели Рена-Мейднера. Каждый из них опубликовал статью, где рассматривалась проблема инфляции, возникающая в ситуации полной занятости (Мейднер) и

экономическая политика во времена полной занятости (Рен).¹⁶³ А на конгрессе ЦОПШ (1951) результаты совместного исследования были представлены в докладе «Профсоюзное движение и полная занятость» (Fackföreningsrörelsen och Full Sysselsättning).

Оба политолога ставили своей целью достижение полной занятости, обеспечения низкой инфляции при высоком экономическом росте и равных доходах. В качестве эффективной меры Мейднер и Рен выдвигали рестриктивную экономическую политику, выражающуюся, преимущественно, в косвенном налогообложении. Ожидалось, что такая политика даст эффект сдерживания заработных плат как в кризисной обстановке, так и в среднесрочной перспективе, изменит распределение доходов в пользу трудящихся и увеличит государственные сбережения за счёт средств компаний. Данная мера будет способствовать реализации принципа «равной платы за равный труд», базирующегося на уже сложившейся системе переговорного процесса между ЦОПШ и ОРШ. Их сотрудничество, кроме того, приведёт к росту и структурным изменениям в экономике, так как окажет давление на слабые производства и отрасли промышленности. Возросшая вместе с тем безработица не будет спонтанным, но временным явлением. Благодаря активной политике на рынке труда в виде программы по переобучению и субсидий на мобильность трудовые ресурсы будут перенаправлены на поддержание наиболее устойчивых в период спада производств. При этом достигается равенство в отношении труда и заработной платы в разных отраслях промышленности. Много позже Ё. Рен выразил суть своей концепции в четырёх пунктах:

- Полная рестриктивная (запретительная) фискальная политика с целью противодействия инфляции. Общий объём спроса должен быть ограничен с тем, чтобы избежать перегрева экономики и быстрого увеличения стоимости продукции.

---

¹⁶³ См. Ekholm E. The Swedish model and the Rehn-Meidner model. A definition of the Swedish model and comparison to the Rehn-Meidner model, Jönköping, 2010. p. 18

- Селективная политика на рынке труда должна способствовать уменьшению безработицы. Задача состояла в том, чтобы облегчить положение граждан и регионов, которые оказались зажатыми рестриктивной антиинфляционной политикой.

- Активная политика на рынке труда, необходимая для стимулирования потенциальных работников к переходу на более перспективные и устойчивые рабочие места. Это была политика перемещения человеческих ресурсов в регионы, испытывающие недостаток рабочей силы, и без поддержки в период безработицы.

- Солидарная политика зарплат. Её смысл состоял не в одном только доходном равенстве, но и в оказании давления на нерентабельные предприятия с целью их последующей ликвидации.¹⁶⁴

Потребовалось много времени для того, чтобы правительство и Риксдаг одобрили все предложения экономистов ЦОПШ. Министр финансов, Пер Эдвин Шельд, во всём придерживавшийся политики Руббестада, с самого начала отнёсся негативно к задумке Мейднера и Рена. Другим препятствием стало присутствие в правительстве членов Аграрной партии, в которую входил сам А. Руббестада. Она не одобряла активной политики на рынке труда. Ситуация сменилась, когда на пост министра финансов пришёл Гуннар Стрэнг. Немаловажно и то, что в 1957 г. СДРПШ сформировала однопартийное правительство. Когда уровень безработицы вырос, заинтересованность в идеях Мейднера и Рена проявил также Бертиль Ольссон, директор Национального агентства по трудоустройству. В скором времени государством была инициирована экономическая перестройка, которую можно разделить на несколько этапов.

Первый этап характеризовался выравниванием заработных плат между отраслями промышленности и заводами как того требовала модель Рена-Мейднера. Начиналось постепенное увеличение государственного

---

¹⁶⁴ См. Eklund K. Gösta Rehn and the Swedish Model: Did we follow the Rehn-Meidner Model too little rather than too much? // Gösta Rehn, the Swedish Model and Labour Market Policies. International and national perspectives, Aldershot: Ashgate Publishing, 2001.p. 54

присутствия на рынке труда посредством уже действовавшего Национального агентства по трудоустройству. Исходя из принципа «равной оплаты за равный труд» были уравнены мужские и женские заработные платы. Однако первое серьёзное обсуждение по данной проблематике между ЦОПШ и ОРШ состоялось только в 1952 г., но координация не была постоянной характеристикой этих отношений вплоть до 1956 г. Существенно увеличились расходы на меры по стимулированию производственной и региональной мобильности. В 1961 г. был введён налог с продаж, заменённый к концу десятилетия налогом на добавленную стоимость.

На втором этапе целью правительства стало выравнивание уровня заработных плат внутри промышленности и заводов. В конце 1960-х гг. политика в этой сфере приняла более радикальные эгалитарные формы, отойдя от первоначального замысла выравнивания заработных плат среди работ сопоставимой трудности, риска и навыков в направлении «равной оплаты за весь труд». Решительным требованием профсоюзов стало улучшение относительных доходов низкооплачиваемых рабочих. В 1968 г. правительством совместно с ЦОПШ была принята «Программа активной экономической политики». Она предусматривала более эффективное посредничество государственных органов при трудоустройстве, увеличение ассигнований на переобучение рабочих, продление сроков выплаты пособий по безработице, включение периода безработицы в стаж. «Тем не менее, активная политическая программа на рынке труда была результатом неудачной кейнсианской политики «стой-иди»,¹⁶⁵ нежели чем строгое применение системы Рена-Мейднера».¹⁶⁶ Начиная с 1970-х годов, эта модель в определённой мере теряет влияние на экономическое развитие страны. Но отдельные её положения такие, как программа по переобучению, получили дальнейшее применение. Этого явно не хватало для преодоления кризиса середины десятилетия (1975 г.). Вновь проявившаяся инфляция и массовая

---

¹⁶⁵ Политика «стой-иди» - экономическая политика, при которой попеременно используются меры стимулирования и сдерживания экономического роста.

¹⁶⁶ Erixon L. The Rehn-Meidner model in Sweden: its rise, challenges and survival, Stockholm, 2008. p. 16

безработица, потребовали более радикальных экономических мер. Казалось бы, предложение Р. Мейднера насчёт создания фондов наёмных работников, должно придать иной вектор развития национальной экономике. На практике же третий этап закончился крахом всей системы переговорного процесса, а значит «шведской модели». «Фонды наёмных работников, – пишет И. Н. Викторов, – поставили под вопрос не только легитимность системы властных отношений, но и заставили ОРШ пересмотреть свои взгляды относительно совместного с ЦОПШ формирования заработных плат, поскольку смысл идеи фондов противоречил и капиталистическому укладу, и самому Сальтшёбаденскому соглашению».¹⁶⁷ «Дом для народа» в классическом варианте перестал существовать, а противоречия между официальным курсом и моделью Рена-Мейднера были очевидны.

Расхождения с экономической платформой «государства всеобщего благосостояния» были сформулированы Мейднером в статье «Почему провалилась Шведская модель?» (1993). В ней автор содержательно объясняет свою точку зрения о социально-политическом курсе Швеции. Его критика направлена, прежде всего, в адрес социалистического движения в этой стране: «Правда состоит в том, что первые шведские социал-демократы были марксистами, а их преемники сто лет спустя имели значительную слабость к рынку. Но марксистские элементы социал-демократической идеологии были исключены на раннем этапе, а идея национализации отброшена первым социал-демократическим правительством в 1920-х».¹⁶⁸ По его мнению, проявившаяся в последующем несостоятельность социально-политической модели Швеции является результатом отхода от идей социализма. В этой связи, Мейднер защищает основные его элементы – национализацию и уравнительную политику. Однако его трактовка этих элементов отличается принципиальной новизной. Например, его взгляды на уравнительную политику не шли дальше предложения о совместных

¹⁶⁷ Викторов И.Н. Борьба вокруг фондов наёмных работников в условиях кризиса шведской модели (1970-е - середина 1980-х гг.): Автореф. дис....канд. истор. наук. Екатеринбург, 2005. С. 3

¹⁶⁸ Meidner R. Why did the Swedish model fail? // Socialist Register: Real problems false solutions. 1993. Vol. 29. P. 211

действий ЦОПШ и ОРШ по стабилизации заработных плат на едином уровне. То есть государство неизбежно включается в данный процесс, однако знает пределы данного вмешательства.

Модель Рена-Мейднера с точки зрения её ориентации на идеал социализма была незавершённой. Её последним элементом становятся фонды наёмных работников. При этом не столько очередная экономическая рецессия послужила поводом для возросшего интереса к ним, сколько возникшие проблемы с решением вопроса о доходах трудящихся. На практике же в 1970-х наблюдалась ситуация, при которой работники малодоходных предприятий получали надбавку, в то время как сотрудники крупных компаний были вынуждены сдерживать требования повышения заработных плат. Это привело к тому, что прибыли наиболее рентабельных предприятий увеличивались и, следовательно, происходило наращивание капитала. Чтобы противодействовать данному явлению, Мейднер обратил внимание государственных чиновников и руководства ЦОПШ на необходимость внедрения новой меры в политике уравнивания заработных плат. Сама идея создания фондов была не новой. На Конгрессе ЦОПШ 1951 г. уже обращались к ней, но только двадцать пять лет спустя, она получила своё подробное описание в книге «Фонды наёмных работников. Подход к коллективному капиталообразованию». «Наши цели, - пишет Мейднер, - дополнить солидарную политику заработных плат, противодействовать концентрации активов, которые проистекают из самофинансирования и расширить влияние трудовых коллективов в промышленности».¹⁶⁹ В этом и состоит весь смысл фондов, куда, по мнению автора, должны поступать сверхприбыли от производств. На этом Мейднер не останавливается, и, по его мнению, средства фондов в дальнейшем должны были превращаться в акции предприятий, распределяемые среди простых людей. Таким образом, постепенно экономика переходит из рук частных собственников в

---

¹⁶⁹ Meidner R. Employee Investment Funds. An Approach to Collective Capital Formation, London: George Allen & Unwin, 1978. p. 41

коллективное владение. То есть, речь идёт о национализации не в привычном понимании, где общенародное государство, как это было в СССР, занимается экспроприацией земли, промышленных и финансовых предприятий. Напротив, «это был структурный реформизм, сфокусированный на условиях собственности и ставивший своей целью разрушение врождённого конфликта капиталистических имущественных отношений в принципиально ином виде, чем чистая национализация или жестокая революция».¹⁷⁰ Кроме того, Мейднер и Рен в отличие от идеологов «шведской модели» предлагали набор взаимосвязанных экономических мер, когда власть, работодатели и профсоюзы путем согласованных решений улучшают социальное положение граждан.

Безусловно, данная модель оказала влияние на изменение социально-политического курса Швеции, где до второй половины XX века государство придерживалась, так называемой, модели «фордистского» общества по образцу США, и только впоследствии проявились характеристики «шведской модели». В этом и состоит заслуга Р. Мейднера и Ё. Рена. Ставя перед собой цель противодействия инфляции и безработице, они пришли к принципиально новому пониманию экономических, политических и социальных процессов, отличному от изначальной парадигмы «Дома для народа». Модель Рена-Мейднера более социально-ориентирована. Это вариант социал-либерализма, где делается упор на реализации трёх моментов: стабилизации (сдерживании) доходов на едином уровне; изменении баланса сил между работодателем и трудящимся в пользу последнего и расширении государственного присутствия на рынке труда. Данная модель вписывается в логику социального рыночного хозяйства, сутью которой является принцип уравнивания: «Государство должно уравнивать требования экономической свободы, эффективности и роста, с одной стороны, и потребность в социальной справедливости при

---

¹⁷⁰ Sjöberg S. Collective Capital Formation for Economic Democracy; the Fordist History in Germany and Sweden and the Post-Fordist future, Gävle, 2007. p. 21

распределении доходов и богатства, с другой стороны».¹⁷¹ Меры учёных для предотвращения рецессии не были новаторскими, но, тем не менее, их можно назвать важным вкладом в макроэкономику. Единственным их недостатком было то, что они не имели целостности и системности. К моменту, когда решалась проблема внедрения фондов наёмных работников, от предыдущих разработок уже отказались. Этот факт, а также то, что по некоторым позициям – таким, как солидарная политика заработных плат и идея коллективных переговоров модель Рена-Мейднера повторяла заявленные СДРПШ на заре своего существования цели и сделала невозможным их достижение, что начало деструктивно сказываться на концепции «шведской модели». Многолетний политический курс шведских социал-демократов начал испытывать сложности уже к концу 1960-х гг. Проводившаяся политика выравнивания заработных плат не возымела должного эффекта. «Белые воротнички» (служащие, учителя, врачи) добились большего её повышения, чем рабочие, связанные многолетними коллективными договорами с предпринимателями. На региональном уровне СДРПШ также не удалось приравнять средний доход фермеров к среднему доходу работников фабрики.

Были, однако, проблемы и иного рода. Пытаясь осуществить в экономике один из пунктов программы Рена-Мейднера, согласно которому предпочтение в промышленности отдавалось наиболее рентабельным предприятиям при одновременной ликвидации малодоходных предприятий, социал-демократы столкнулись с проблемой безработицы. Согласно Ё. Рену и Р. Мейднеру это было временным явлением, обусловленным переходом рабочей силы из одного предприятия на другое, из одной отрасли в другую. Однако свои корректировки внёс кризис, увеличивший масштабы безработицы. Разумеется, всё это сказалось на отношении населения к политике правящей партии. «Рост неуверенности трудящихся в завтрашнем

---

¹⁷¹ Социальное рыночное хозяйство. Теория и этика экономического порядка в России и Германии. Под. В.С. Автономова. Спб., Высшая школа экономики, 1999. С.87.

дне, повышение цен и налогов, нерешённый жилищный вопрос были, – пишет А.С. Кан, – гораздо ощутимее, чем результаты растянутых на десятилетие социальных реформ».¹⁷² У некоторых на этой почве родилось желание вернуться в счастливое доиндустриальное прошлое. Другие же хотели разрушить существующий общественный порядок и создать нечто новое. А третьи всё ещё мечтали об экономическом чуде, несущем социальную справедливость и равенство в мир. Итоги выборов 1964 и 1966 годов стали одними из худших для СДРПШ.

Вдобавок ко всему, в эти годы в стране политически активизировалась молодёжь. Под впечатлением майских событий во Франции, «Волнения на 12-ой улице», выступлений Мартина Лютера Кинга и Вьетнамской войны шведское студенчество требовало равенства, свободы самовыражения, «мира во всём мире». Различные общественные движения, появившиеся в это время, имели разную идеологию (от правых до анархистских и марксистских). Требовались взвешенные политические меры и решительные политики, чтобы массовые демонстрации протеста не переросли в нечто более радикальное. В Швеции таким человеком стал Улоф Пальме, сменивший премьер-министра Т. Эрландера. За ним закрепилось звание «голубя мира». Он был действительно широко известен на внешнеполитической арене как борец с ядерной угрозой, сторонник активной роли развивающихся стран в урегулировании конфликтных ситуаций. Но при этом он обратил серьёзное внимание также и на вопросы образования. Будучи ранее руководителем шведского студенческого движения, он не понаслышке был знаком со всеми проблемами высшей школы. Ему были понятны требования шведских студентов тогда, когда они, по примеру своих французских единомышленников, попытались занять здание студенческой корпорации Стокгольмского университета в 1968 г. В то время У. Пальме был министром просвещения и культов и оперативно отреагировал на события. По его инициативе была образована Комиссия по образованию (U

---

¹⁷² Кан А.С. История Швеции, М.: Наука, 1974. С. 557.

68), ставившая своей целью создать систему, отвечающую потребностям студентов и требованиям партийной идеологии. «Хаотичная ситуация, в которой оказались учреждения высшего образования к концу 1960-х годов, – отмечает исследователь Профсоюза служащих Швеции (ТСО), С. Хольцер, – заставила принять решительные меры, чтобы противодействовать увеличивающемуся спросу на высшее образование в будущем».¹⁷³ В работе Комиссии преобладала позиция У. Пальме и своё видение реформы системы высшего образования он изложил в статье «Университеты и общество» (1968) в журнале «Tiden», где отмечал, что рост студенчества в стране за период с 1958 по 1968 гг. – положительное явление. При этом, понимая, что истинной причиной этого было введение государственного кредитования и некоторое улучшение общего и среднего образования, премьер-министр предостерегал от переоценки достигнутых успехов.¹⁷⁴ Ведь в вузах, как и ранее, наблюдалась нехватка преподавателей, помещений, оборудования, и, наконец, высшее образование было неструктурированным.

Но были и другие проблемы. Так Пальме не устраивала позиция университетов по отношению к современным общественно-экономическим изменениям. Тогда, как весь мир вступил на дорогу прогресса, расширения коммуникации, шведская академическая среда оставалась довольно ограниченной в своих контактах с окружающим миром. Он справедливо задавался вопросом о том, насколько организация вузов современна, и для Пальме «образование – не только метод адаптации к современным требованиям, но, прежде всего, – это путь к изменению общества в будущем, к его демократизации».¹⁷⁵ Университеты, по его мнению, не должны воспитывать привилегированную элиту, надо бороться с тем, чтобы высшее образование не создавало закрытую меритократическую систему и делать всё, чтобы оно удовлетворяло потребностям общества в квалифицированных кадрах. В этом позиция У. Пальме была неотделима от его идеи социальной

¹⁷³ Holzer S. The Expansion of Higher Education in Sweden and the Issue of Equality of Opportunity, Växjö, 2006. p. 5

¹⁷⁴ См. Palme O. Universiteten och samhället // Tiden. 1968. № 7. s. 397

¹⁷⁵ Ibid, s. 399

демократии. Он связывал будущее мира и Швеции, в том числе, с достижениями науки и техники. «Нужно дважды подумать, - говорит Пальме, - перед тем, как осуждать общество промышленного типа. Индустриализация дала нам возможности для улучшения экономических стандартов и социального благополучия, о чём предыдущие поколения не могли и мечтать. Индустриализация – форма усовершенствованной кооперации и разделения труда, которая всё ещё имеет большие возможности».¹⁷⁶ За забастовками рабочих, выступлениями молодёжи, разговорами о загрязнении окружающей среды и нехватке природных ресурсов он видел приметы кризиса капитализма. По его мнению, вместо того чтобы прибегнуть к политической мудрости и мобилизовать человеческий интеллект, либералы культивировали миф о свободном рынке как единственно верном пути достижения счастья для всех. Они разделили общество на отдельные сегменты, оставив каждого один на один со своими проблемами, а когда пропасть между требованиями людей и возможностями капиталистического мира приобрела кризисный характер в виде массовой безработицы, либеральные теоретики посеяли страх в умах и неуверенность в завтрашнем дне, заявив о необходимости возврата в доиндустриальное прошлое. Но, гораздо хуже было то, что «эгоистичный и высокомерный капитализм» позволил сконцентрировать власть и огромные финансовые ресурсы в руках небольшой группы лиц, что сделало его некомпетентным в деле построения «здорового экономического пространства». Чрезмерная «спекулятивность и персонифицированность» капитализма ни к чему хорошему, кроме как к разложению моральных основ общества и безработице не могла привести. Результатом же последней явились не только ощутимые экономические последствия, но и многие социальные проблемы: от разводов до повышения уровня преступности и увеличения смертности. По его мнению, люди осознали, что капитализм более не является главной

---

¹⁷⁶ Palme O. Democratic socialism means solidarity // Socialism, Peace and Solidarity. Selected Speeches of Olof Palme, New Delhi, 1990. p. 22

движущей силой экономического роста, и что он ставит под угрозу демократическое устройство, позволяя ограниченному числу лиц решать проблемы, касающиеся всех. «То, что нам нужно создать в индустриальных странах – это не старое общество, общество от которого мы с большими усилиями отошли. То, что мы должны создать – общество, в котором высокий технический уровень развития сочетается со столь же развитым чувством ответственности, сопереживания другим людям» - пишет У. Пальме.¹⁷⁷ На практике это означает, что во всех сферах жизнедеятельности общества, от образования до государственного аппарата, неперенным атрибутом должна была стать солидарность. В широком смысле это означает, что индивид должен быть в состоянии с другими гражданами контролировать своё собственное положение в обществе и своим мнением оказывать влияние на окружающую обстановку.

Прежний капитализм исходил из того, что каждый должен думать лишь о самом себе, а Пальме пишет о коллективизме: «Не думай только о том, что ты можешь сделать для самого себя. Думай также о том, что мы, люди, можем сделать друг для друга».¹⁷⁸ При этом в рамках политики солидарности существенно повышаются требования социальной защищённости со стороны населения. Так появляется понятие «демократического социализма», которое даёт жизнь иной форме хозяйствования – экономической демократии, призванной заменить капитализм. Отстаивая политику социального и экономического равенства, Пальме считал необходимым найти то основание, которое позволило бы создать более эффективное планирование в государстве и одновременно составить общие руководящие принципы для такой работы. Решения по наиболее важным экономическим вопросам должны были приниматься не ограниченным кругом лиц, а коллективным соучастием. Демократический социализм, таким образом, побуждает граждан, общественные организации, профсоюзы, предпринимательство и

---

¹⁷⁷ Palme O. Ett demokratiskt genombrott // Tiden. 1973. № 7. s. 392

¹⁷⁸ Ibid, s. 391

власть к совместной инициативе и соучастию в вопросах политики и экономики.

Новый взгляд на социально-политический курс Швеции получил практический характер, когда Пальме стал во главе страны. После тревожных для шведской социал-демократии 1960-х годов программа демократического социализма вдохновила не только политические круги Швеции, но и её граждан. За пятилетку были достигнуты значительные позитивные результаты. В соответствии с программой Пальме был преодолен зарплатный разрыв между рабочими и служащими, продолжились налоговые реформы, призванные снизить налог на лиц с низкими и средними доходами; медицинские услуги стали доступнее для всех категорий населения, возросла помощь инвалидам. Кроме того, были расширены гарантии трудоустройства; введена поддержка для работников пенсионного возраста; рабочее время сократилось до 40 часов в неделю; отменён § 32 устава ОРШ, провозглашавший право владельца компании единолично решать вопрос найма и увольнения рабочей силы; принят закон о представительстве рабочих и служащих в правлениях предприятий и новый закон об охране труда.

Казалось, эта политика должна была получить поддержку народа, однако в 1976 г. социал-демократы впервые с 1932 г. потерпели поражение на выборах. Стал вопрос: единичный ли это случай или же начинающееся разложение системы? У. Пальме довелось управлять в не лучшее для Швеции время системного кризиса, связанного с ростом влияния профсоюзов в экономике. Этот процесс был невыгоден крупным промышленникам и предпринимателям, так как ставил под угрозу само их существование. У. Пальме, учитывая политику партии, не мог противодействовать разрушению «государства всеобщего благосостояния», но, вероятно, если бы у него было время на осуществление всего набора идей, социал-демократам удалось бы уменьшить остроту противоречий в договорной системе. На Пальме, по существу, заканчивается социал-демократическая эра социального

государства, именуемого также «шведской моделью». В последующие десятилетия она будет находиться под воздействием глобальных экономических факторов, с одной стороны, и политики «нового общественного управления», с другой.

Делая общее заключение, следует обратиться к рассмотрению роли социал-демократии в политической культуре этой стране. Из рассмотрения предпосылок социального государства в Швеции становится ясно, что без её участия были невозможны прогрессивные изменения шведского общества на протяжении двадцатого столетия. Между тем, социал-демократия в Швеции, как и «шведская модель» в целом, представляет собой национальный феномен. Особенности шведской социал-демократии до некоторой степени отличались от других социал-демократических партий. Х. Берггрен обращает внимание на то обстоятельство, что деятельность западноевропейских социал-демократов была сконцентрирована на идеологических моментах, и особое значение для них имела полемика с коммунистами относительно смысла и содержания социализма. Европейская социал-демократия тех времён во многом исходила из этого конфликта, усвоив всё теоретизирование, лозунги и повторение одних и тех же социал-демократических истин. Но проблема, по его замечанию была не столько в этом, сколько в том, что никто из них не пытался существенным образом модифицировать марксизм иначе, чем это было предложено Каутским и Бернштейном, тем самым поставив себя в проигрышное положение как перед коммунизмом, так и национал-социализмом.¹⁷⁹ В целом социал-демократы в странах Западной Европы не развивались в своей практике и не имели ясных представлений об устройстве социального государства.

Напротив, СДРПШ осуществляла теоретизирование и обращалась к политической риторике лишь постольку, поскольку оно позволяло её лидерам укрепить свои позиции в государстве. Уже в её ранних программах

---

¹⁷⁹ См.: Долгошева А. Просто нормальная страна [Электронный ресурс] // Санкт-Петербургские Ведомости. 2013. № 17. URL: http://www.spbvedomosti.ru/article.htm?id=10295974@SV_Articles (дата обращения: 4.02.2013))

содержались замечания следующего характера: «...социализм не должен быть только теорией, предположением относительно вероятной организации общества будущего, но он должен быть живой реальностью, он сам по себе должен соотноситься с реальными усилиями рабочего класса, с его текущими нуждами, повседневными противостояниями с теми, кто монополизировал общественный капитал».¹⁸⁰ Как только у партии появились реальные возможности для воздействия на общественное мнение, она кардинально поменяла свою политическую риторику, адаптируясь к требованиям времени. И здесь проявилась такая шведская национальная черта характера, как нелюбовь излишнего теоретизирования. Шведы никогда не были большими новаторами в философии, но им всегда удавалось адаптировать те или иные достижения в этой области под свои нужды.¹⁸¹ Подобное можно сказать и о политике социал-демократии в этой стране. 1920-30-е гг. были временем упадка экономики, роста безработицы и демографического кризиса. П.А. Ханссон, решая эти проблемы, предложил концепт «Дома для народа», в котором базовые социал-демократические принципы подверглись ревизии. Так, например, принцип «братства» по истечении времени был заменён принципом «солидарности», изменения коснулись и генерального курса партии. Поэтому идеи Г. Мёллера, Мюрдалей, У. Пальме, Ё. Рена и Р. Мейднера вызывали интерес тем, что позволяли социал-демократам модернизировать их политику. Эти идеи оказали большое влияние на «шведскую модель»; программы, несмотря на различия, были объединены социалистическим идеалом построения более справедливого общества. Однако и эти программы подверглись пересмотру и доработкам. Так из концепции всеобщего страхования Г. Мёллера в «шведскую модель» вошла идея универсальности и децентрализованной манеры управления, возлагавшейся на местные и коммунальные органы власти или на профсоюзное самоуправление. А желание Мёллера подогнать все типы

---

¹⁸⁰ The Program of Swedish Social Democracy. 1882. [Электронный ресурс] / Marxists Internet Archive Library. URL: <http://www.marxists.org/history/international/social-democracy/sweden/program.htm> (дата обращения: 15.05.2013)

¹⁸¹ См. Мысливченко А. Г. Философская мысль в Швеции. М.: Наука, 1972. 264 с.

социального страхования под форму общей тарифной ставки не получило развития.

Аналогичная ситуация произошла и с демографической программой Альвы и Гуннара Мюрдалей. От предложенной ими коллективного сожительства и выплаты пособия на ребёнка в натуральной форме правительство отказалось. Но оно, тем не менее, стало уделять огромное внимание вопросу демографии и проблемам семьи: строить жильё для семей, детские сады; выплачивать пособия на ребёнка, давать ссуды молодожёнам; признало равноправие мужчины и женщины. Все эти меры способствовали не только материальному благополучию граждан, но и имели важное значение для экономики страны. С 1930-х годов социалисты следовали кейнсианской программе, и Швеция напоминала «фордистское» общество США с той лишь разницей, что под конец десятилетия был достигнут консенсус между рабочими и капиталистами. «В рамках скандинавской модели в соответствии с кейнсианской моделью происходит «балансирование экономики, а не бюджета»¹⁸². Уникальные черты «шведской модели» проявились только после Второй мировой войны в связи с реализацией модели Рена-Мейднера. Государство, прежде находившееся в стороне от процесса регулирования рынка труда, в 1960-е гг. начинает принимать активное участие в этом, отстаивая политику полной занятости. Увеличивается также и влияние профсоюзов в процессе управления предприятиями. Необходимо добавить, что со вступлением У. Пальме в должность премьер-министра это влияние было расширено и даже распространилось на остальные сферы жизнедеятельности общества, выражаясь в политике «демократического социализма» и «солидарности».

В итоге, можно выделить ряд моментов, характеризующих «шведскую модель»:

---

¹⁸² Исаев М.А., Чеканский А.Н., Шишкин В.Н. Политическая система стран Скандинавии и Финляндии. М., РОССПЭН, 2001. С. 129

- система переговорного процесса между властью, капиталом и трудом на основе поиска компромиссных решений в экономике и политике на рынке труда;

- участие коллективов рабочих в управлении предприятиями и фирмами (модель Рена-Мейднера);

- модель непрерывного экономического роста Рена-Мейднера;

- активная государственная политика на рынке труда (модель Рена-Мейднера);

- курс на полную занятость (модель Рена-Мейднера);

- солидарная политика заработных плат, подразумевающая выравнивание доходов не только между работами сопоставимой сложности, но и между предприятиями, отраслями промышленности, городским и деревенским населением, между отдельными территориальными единицами (модель Рена-Мейднера);

- универсальная и всеохватная социальная политика, направленная на удовлетворение потребностей отдельного индивида (политическая программа Г. Мёллера);

- акцент на демографических показателях и проблемах семьи (концепция Альвы и Гуннара Мюрдалей);

- стремление к децентрализованному управлению в вопросах социального обеспечения, опирающиеся на органы местного самоуправления (политическая программа Г. Мёллера);

- эгалитаризм в качестве руководящего принципа социальной политики;

- курс на самообновление в политике СДРПШ

Ни один из этих пунктов не подвергался сомнению и пересмотру до периода нарушения баланса сил и переговорного процесса в середине 1980-х годов. К новому тысячелетию концепция шведского социального государства претерпела некоторые изменения, а в научной среде всё больше внимания уделялось рассмотрению феномена «шведской модели».

3. Концепция социального государства в современной политологии Швеции.

§ 1. Концепции кризиса «шведской модели».

Первые симптомы кризиса «шведской модели» проявились в 1976 г., когда правящая социал-демократическая партия проиграла выборы коалиции «либеральных партий». И хотя спустя шесть лет ей удалось вернуться к власти, тем не менее, уместно говорить о приближающемся конце социально-политического курса развития Швеции. И, вероятно, политический застой произошёл бы уже тогда, если бы не активная деятельность У. Пальме в сочетании с его новым видением построения социальной политики. Именно это позволило концепту «Дома для народа» просуществовать ещё некоторое время. Но, если с точки зрения выработки идеологии в стране наблюдалась относительная стабильность, то этого нельзя было сказать о других сферах жизни. Поскольку вместе с назревающей стагнацией власти разрушалась и ключевая для «шведской модели» система переговорного процесса. Социал-демократическая установка на солидарность в области заработных плат, желание расширить влияние трудовых коллективов методом организации фондов наёмных работников и, в целом, антиинфляционная политика по плану Ё. Рена и Р. Мейднера не нашли понимания у работодателей. Кроме того, значение промышленников и предпринимателей в процессе принятия государственных решений уменьшился, и они почувствовали угрозу собственным интересам. Поэтому неудивительно, что к середине 1980 г. Организация работодателей Швеции инициировала процесс выведения своих представителей из структур близких к политике на рынке труда и обсуждению вопросов по начислению заработных плат. «Дебаты об общественных фондах, – замечают Рябиченко А. В. и Шендерюк М. Г., – привели к развёрнутой Шведским объединением работодателей и буржуазным центром общественного мнения «Тимбру» информационной

кампании против СДРПШ».¹⁸³ Таким образом, с «духом Сальтшёбадена» было покончено, что существенно ударило по имиджу социал-демократов, а экономическая рецессия следующего десятилетия фактически уничтожила классическую «шведскую модель».

В 1990-х гг. Швеция пережила самый тяжёлый макроэкономический кризис, сравнимый с Великой депрессией в США. Занятость сократилась более чем на полмиллиона человек, что равнялось 13% от всей рабочей силы. Безработица выросла почти до 9% и, одновременно с этим, наблюдалось увеличение числа лиц, охваченных мерами активной социальной политики на рынке труда.¹⁸⁴ Рост ВВП был отрицательным три года подряд. Экономический кризис самым негативным образом отразился как на простых гражданах (молодёжь, матери-одиночки и иммигранты), так и на государственных расходах, приведя к ускоренному бюджетному дефициту.

В дополнение, Швеция столкнулась с ростом иммиграции. Если ранее это были в массе своей трудовые иммигранты, то с 1990-х гг. в Швецию приехали беженцы из зон военных конфликтов (Югославия, Кавказ). Их было сложнее социально адаптировать, а в условиях низкой трудовой конъюнктуры, когда возможности влиться в рынок рабочей силы были предельно ограничены, содержание беженцев становилось бременем для бюджета государства. Пополняя ряды безработных, создавая этнические анклав и, зачастую требуя права на свой язык и культуру, иммигранты всё чаще вызывали антипатию у коренного населения. Вскоре межнациональные конфликты привели к осквернению еврейских кладбищ, подрыву центров по размещению иммигрантов и сожжению мечети в городе Трольхэттане (1990). Возможная сегрегация и обострение отношений между коренным населением и вынужденными переселенцами серьёзно озадачили шведских политиков. Но, главное, от этого всего пострадал национальный (гомогенный) характер шведского государства всеобщего благосостояния.

¹⁸³ Рябиченко А. В., Шендерюк М. Г. Трансформация партийно-политической системы Швеции в конце XX – начале XXI века // Балтийский регион, 2013, № 3 (17). С. 147

¹⁸⁴ Данные по: Palme J., Bergmark Å., Bäckman O. Welfare trends in Sweden: balancing the books for the 1990s // Journal of European Social Policy, London, Thousand Oaks and New Delhi. 2002. Vol. 12 (4). p. 329

Эти проблемы не получили адекватного решения в правительстве И. Карлссона. Политически СДРПШ была, как никогда ранее, ослаблена, её политическая и идеологическая активность исчерпала свой ресурс. Предвыборная борьба 1991 г. велась вяло, настроения рядовых членов партии были пораженческими. Симпатии избирателей, согласно опросам, были не на стороне социал-демократов. В итоге кабинет социал-демократического меньшинства заменило четырёх-партийное буржуазное правительство (Умеренная коалиционная партия, Народная партия, Партия центра, Христианский демократический союз). Возглавляемое лидером Умеренной коалиционной партии (Moderata samlingspartiet), К. Бильдтом, правительство начало воплощать в жизнь политику нового типа. В качестве примера можно привести подготовку новой пенсионной реформы, когда решение принималось не на основе привлечения заинтересованных групп (ЦОПШ, ОРШ), а «группой скромных парламентариев». Кризис «шведской модели», следствием которого стал переход от эгалитарно-универсалистского государства всеобщего благосостояния к политике либерализации в экономике и сфере социального обеспечения, вызвал интерес многих шведских исследователей. Стоит отметить, что изучение проблематики кризиса социального государства выходило далеко за пределы Швеции, охватывая все социально ориентированные страны, пострадавшие в ходе кризиса начала 1990-х годов. До этого периода научные работы, посвященные социальному государству, носили другой характер. Раннее учёных интересовало изучение типов социального государства, предпринимались попытки их классификации по определённым критериям. Этим занимались Р. Титмусс и Ё. Эспинг-Андерсен, и выдвинутая датским социологом концепция вызвала интерес в научной среде и побудила других учёных (Кангас, Раджин, Петруцелло, Хемерийк) на создание собственных типологий социального государства. Но, поскольку к концу XX века в большинстве социально ориентированных стран наблюдался замедленный экономический рост, а глобализация и мультикультурализм угрожали их

национальному виду, прежние теории потеряли свою актуальность. Учёные переключили всё внимание с изучения процесса распространения государства всеобщего благосостояния и его разновидностей на анализ особенностей его регресса, политики сокращения расходов на социальные программы в контексте процессов глобализации, постиндустриализма и гендерной революции. Швеция в этом отношении находилась в русле общей тенденции трансформации развитых государств, при этом местные учёные и политики считали первостепенной задачей найти объяснение причин эрозии стабильного социал-демократического концепта «Дома для народа».

В 1991 г. появляется книга Свена Отто Литторина, шведского политика от Умеренной партии, с характерным названием «Расцвет и упадок государства благосостояния в Швеции». В ней автор в довольно критичной форме и не без доли популизма отзывается о «шведской модели». Литторин увязывал тогдашний кризис в Швеции с длительным и деструктивным господством социал-демократов. По его мнению, многолетнее следование концепту «Дома для народа» лишило общество необходимости критически мыслить в отношении социальных вопросов и усыпило бдительность оппозиционных партий. «Социал-демократы, – замечает Литторин, – продемонстрировали выдающиеся способности в изучении общественного мнения и использовали его в своих интересах».¹⁸⁵ Отсюда формируется общественная несвобода, которая в сочетании с корпоративизмом и государственной монополией на средства массовой информации сделала индивида податливым к идеологии. В свою очередь, задуманная СДРПШ «социальная инженерия» обернулась появлением власти групп людей, давно и хорошо знакомых между собой, а также рядом системных ошибок. К ним относится осязаемое влияние профсоюзов. Политическая установка на выравнивание заработных плат и передачу активов крупных предприятий в руки профсоюзных лидеров привели к таким перекосам в экономике, как

---

¹⁸⁵ Литторин С. О. Крушение социалистического мифа. Расцвет и упадок государства благосостояния в Швеции. М.: Фонд «Референдум», 1991. С. 27

избыточный спрос на рабочие руки или непомерный рост заработных плат, который был непропорционален государственным доходам от налогообложения. Проблема, по его мнению, усугублялась и кризисом в здравоохранении, где помощь оказывалась в первую очередь молодым и трудоспособным членам общества или людям, близким к медицине, властным структурам. То, что рядовые граждане были вынуждены простаивать в очередях, говорит, по его мнению, о проблемах системы. Многие из рядовых граждан, если не умирали, то переходили на государственное пенсионное обеспечение по болезни, чем вызывали нагрузку на разлаженную экономику Швеции. Подобные просчёты автор наблюдает и в других социальных сферах. В итоге, Литторин приходит к выводу: «Проблема Швеции заключается в отсутствии политической силы, способной перестроить шведскую модель, а саму страну настигли худшие последствия монополии на принятие решений».¹⁸⁶

Более взвешенный взгляд на проблемы «шведской модели» сформулирован профессором политологии университета Гётеборга Бу Ротштайн. В своём труде «Подъём и падение шведской модели» (1998) он увязывает политические изменения в Швеции конца XX века с кризисом доверия в государстве. Его анализ строится на рассмотрении психологии общества, и он полагает, что за время существования системы переговорного процесса между профсоюзами, промышленниками и государством выработался определённый тип доверительных отношений, пронизывавший всю систему: от простых рабочих до представителей власти. «Это было что-то, – заявляет Б. Ротштайн, – чему (заинтересованные) стороны научились в тех многих государственных учреждениях корпоративных административных органов, которые возникли с начала века (двадцатого) в Швеции».¹⁸⁷ Тем не менее, прежде чем шведы пришли к необходимости коллективного взаимодействия во имя общего блага, их общественная жизнь

---

¹⁸⁶ Там же, С. 46

¹⁸⁷ Rothstein B. Den svenska modellens uppgång och fall – en essä // Statsvetenskaplig Tidskrift. 1998. årg 101. № 1. s. 43

характеризовалась, так называемой, «социальной западнёй». Все граждане осознавали преимущества сотрудничества, но не обладали достаточной уверенностью в желании совместного действия между собой, что заставляло их держаться опосредованно. Проблема была преодолена, когда СДРПШ выдвинула своё предложение о реформировании социально-политического курса. По мере осуществления концепта «Дома для народа» укреплялись и доверительные отношения между различными институтами, организациями и рядовыми гражданами. Однако деятельность социал-демократов, направленная на совершенствование социальной политики, оказала и разрушающее воздействие на данный процесс, и в данном случае речь идёт об экономической теории игр, к которой прибегло правительство с целью поддержания показателей роста и социального обеспечения на должном уровне. Эта концепция исходит из того, что руководство должно использовать меры поощрения и наказания, заставляющие самих индивидов действовать в интересах компании или же в интересах государства.

Ротштайн убеждён в недееспособности данной методики. Проблема, главным образом, состоит, по его мнению, в том, что руководство не может обладать достаточной информацией для эффективного функционирования такой системы, и более того – оно зависимо от предоставляемой сотрудниками информации о рабочем процессе. Если же они, в свою очередь, решат, что руководство будет использовать информацию для повышения темпов работ, то никогда не будут давать корректную информацию. Напротив, они будут в любом состоянии стремиться манипулировать данными. Вывод Б. Ротштайна: «шведская модель» подверглась процессу разложения в ходе управленческого кризиса, когда, на первый взгляд, успешные политические манёвры СДРПШ обернулись кризисом переговорной системы.

С взглядами Б. Ротштайна не согласен профессор политологии Лундского университета Йоханнес Линдвалль. В своём исследовании «Политика реформ и отмена корпоративизма в Швеции» (2005), он

убедительно показывает, что доверительные отношения в шведской системе управления трансформировались. Проведя анализ активной политики на рынке труда, пенсионной и иммиграционной сфер, он заключает, что «не только формальные рамки административного корпоративизма изменились, но также его нормы, и практики».¹⁸⁸ Если говорить точнее, то, по его мнению, выработка совместной политики в данный момент идёт на более неформальном уровне, чем это было во времена расцвета «шведской модели». А это может означать, что государство благосостояния в Швеции выжило даже после экономического и политического кризисов начала 1990-х годов.

Примечательно, что в 2006 г. Б. Ротштайн и Й. Линдвалль публикуют совместную статью «Швеция: падение сильного государства», которая развивает и дополняет их взгляды.¹⁸⁹ В исследовании анализируются широкомасштабные политические изменения, произошедшие в Швеции за последние три десятилетия. Авторами проводится параллель между социально-политическим курсом Швеции до 1990-х годов и после того, как социал-демократы потеряли свои властные позиции. При этом особое внимание уделяется исследованию стиля политического управления, и Швеция времён расцвета социал-демократической идеологии описывается как страна с чётко отлаженной системой управления. В этот период ведущие политические деятели на национальном уровне ставили общие цели политики в ходе сотрудничества с лидерами крупных заинтересованных сторон (ЦОПШ, ОРШ...). Далее назначались специальные исследовательские правительственные комиссии, подключавшие сторонних экспертов, которые должны были обобщить всю имеющуюся информацию по запрашиваемой тематике и провести экспертизу. На основании предоставленных ими отчётов и рекомендаций формулировались политически, технически и административно целесообразные предложения, которые могли бы быть

---

¹⁸⁸ Lindvall J., Sebring J. Policy Reform and the Decline of Corporatism in Sweden // West European Politics. 2005. Vol. 28. No. 5. p. 1070

¹⁸⁹ См. Lindvall J., Rothstein B. Sweden: The Fall of the Strong State // Scandinavian Political Studies. 2006. Vol. 29. № 1. P. 47 – 63

законодательно оформлены. На последнем этапе государственные департаменты наделялись ответственностью за реализацию данной политики, а муниципалитеты и другие местные органы власти претворяли её в жизнь. В рамках этой рационалистической модели шведское социальное обеспечение строилось на особом сочетании двух разных систем управления. С одной стороны – это была, так называемая, «реформистская бюрократия» (Совет по жилищному вопросу, строительству и планированию, например), наделённая обязанностями управления и осуществления социальных реформ. С другой стороны – подразумевалось наличие муниципальных административных организаций, ответственных за проведение социальной политики. Обе системы пытались примирить классический конфликт между локальной автономией и требованиями общенационального равенства, чего и достигали через функционирование разного рода консультативных советов.

Однако, согласно Линдваллю и Ротштайну, «не столько рационально-функциональное планирование с отлаженным механизмом трансформации гражданских требований имело значение в классической «шведской модели», сколько то, что политическая культура основывалась на консенсусе, когда выработка политики осуществлялась при участии широкого политического большинства, неизменно поддерживаемого заинтересованными организациями и группами».¹⁹⁰ Поэтому социал-демократический «Дом для народа» следует понимать как «сильное государство», в котором присутствовало взаимопонимание между властью и различными группами интересов, а граждане обеспечивались достаточно ясным представлением о том, как была выработана государственная стратегия (или должна быть выработана) и реализована. В связи с упадком социал-демократии, разработанного её стиля управления и курса в политике все эти связи нарушились, что, само по себе, имело тревожные последствия для функционирования демократии.

---

¹⁹⁰ Ibid, p. 49

Авторы статьи также единодушны в том, что в последнее десятилетие XX века убеждение в возможности изменения общества и управления социальными проблемами посредством централизованных и рациональных реформ и процесса планирования стало проблематичным. Из приведённого ими исторического экскурса становится ясно, что данные изменения проходили крайне неравномерно, и в некоторых сферах ослабление центральных административных институтов стало ощутимой потерей для государства. В других же сферах государства эти изменения проходили постепенно и, как в случае с Национальным советом по вопросам здравоохранения и социального обеспечения, негативно отражались на взаимоотношениях между департаментами и местными самоуправлениями.

Однако помимо этого существовала и другая тенденция изменений, которая касалась идеологического аспекта «шведской модели». Б. Ротштайн и Й. Линдвалль указывают на то обстоятельство, что при социал-демократах существовала сильная и стабильная идеология, формулируемая как СДРПШ, так и профсоюзами, и шведскими предпринимателями. Этот фактор являлся дополнительным условием для поддержания универсального социального государства в Швеции. Однако после кризиса начала 1990-х г. идеологическая составляющая социальной политики ослабла, что указывает, по мнению исследователей, на трансформацию «шведской модели».¹⁹¹

Этот факт подтверждает и исследование Кристины Бергквист и Андерса Линдбума «Шведское государство благосостояния: неолиберальный вызов и устойчивость государства всеобщего благосостояния» (2003).¹⁹² Их целью было, с одной стороны, проанализировать характеристики реструктуризации шведского государства всеобщего благосостояния, а, с другой – ответить на вопрос о том, была ли демонтирована прежняя социал-демократическая модель. Обратившись к результатам анализа Ё. Эспинг-Андерсена по восемнадцати странам и сравнив их со шведскими показателями, они

---

¹⁹¹ См. Ibid, p. 52

¹⁹² См. Bergqvist C., Lindbom A. The Swedish Welfare State: Neo-liberal. Challenge and Welfare State Resilience // Österreichische Zeitschrift für Politikwissenschaft. 2003. № 4. P. 389-400

заклучили, что «изменения в Швеции имели дополнительный, а не фундаментальный характер».¹⁹³ Хотя «шведская модель» и была, по их мнению, демонтирована, однако нельзя с полной уверенностью заявлять о либерализации государства благосостояния. Напротив, в условиях рынка социальная сфера стала более щедрой, а универсализм, квинтэссенция «шведской модели», в действительности был усилен в некоторых из основных программ социального страхования и в сфере ухода за детьми.

Несколько другой, хотя и в целом близкой позиции этих учёных, выглядит точка зрения шведского политолога Маурисио Рохаса. По его мнению, падение государства всеобщего благосостояния в Швеции связано ни с чем иным, как с переходом к новой системе экономических отношений. Классическая «шведская модель» – типичная индустриальная система, появившаяся на волне промышленного переворота. «Это было время машин, а, следовательно, появления механических утопий индустриального общества. Век машин также совпал с золотым веком национальных государств – чётко определённых островов суверенитета с передовой бюрократией, которая всем своим видом подражала машинному идеалу, эгоцентричному типу структуры, который, с его чёткой линией демаркации, определяет эксклюзивное внутренне пространство с его правами и обязанностями, конфликтами и лояльностями, культурой и идентичностью, обществом, сохраняющим ядро национального государства как в контейнере».¹⁹⁴ Из этого можно сделать логичный вывод о том, что концепция «Дома для народа», с одной стороны, утопична, поскольку ориентировалась на марксистскую теорию, а, с другой стороны, имела национальный контекст. По Рохасу она опиралась на четыре решающие исторические предпосылки: этнически однородное население; сильное национальное государство; экспансию индустриальной экономики и

---

¹⁹³ Ibid, p. 400

¹⁹⁴ Rojas M. Beyond the Welfare State. Sweden and the Quest for a Post-Industrial Welfare Model, Stockholm: Timbro, 2001. p. 46

технологическое и организационное развитие.¹⁹⁵ По мере наступления века информационных технологий (IT-революции) модель всё больше и больше превращалась в анахронизм. Информационно-технологическая революция развивалась параллельно новым методам организации работы и объединению производственных ресурсов. Все эти изменения лежат в основе появления новых форм экономического партнёрства, нового типа предприятий, основанного на принципах, которые являются чистой противоположностью предприятиям промышленного общества. К этому следует, по его мнению, добавить и глобализационные процессы в мире. В Швеции этот переход ознаменовался, в первую очередь, экономическим кризисом, корни которого уходят в 1970-е гг. Проблемы в экономике вызвали потерю доверия к государству всеобщего благосостояния. До переломных 1990-х годов шведы верили, что государство неизменно будет держать свои обещания в социальной политике, но, когда в связи с массовой безработицей люди обратились за помощью к государству, оказалось, что универсализм социального обеспечения был во многом притворством, и в период масштабных экономических проблем система социальной политики не работала. Тем не менее, экономический кризис и кризис доверия не привели бы к глубоким и постоянным изменениям, если бы не совпали с масштабными преобразованиями в шведском обществе. «Предложения государства всеобщего благосостояния о лучшем образовании, здравоохранении, жилищной и социальной политике в обмен на отсутствие свободы выбора, – пишет М. Рожас, – были приняты обществом, которое ещё только делало первые шаги к социальному государству. Но когда партийные обещания были выполнены, стало всё более трудно мириться с крайними формами монополии и патернализма в шведском государстве всеобщего благосостояния».¹⁹⁶ То есть шведы устали от проводимой социал-демократами политики и выступили против неё на выборах 1991 года. А. В.

---

¹⁹⁵ См. Rojas M. Sweden after the Swedish Model. From Tutorial State to Enabling State, Stockholm: Timbro, 2005. p. 50

¹⁹⁶ Ibid, p. 64

Сергачёв охарактеризовал эту ситуацию следующим образом: «Улучшая жизненные условия оно (социальное государство) поддерживало в людях чувство ожиданий и растущее недовольство низким уровнем услуг, которые способно было им предоставить».¹⁹⁷

Политолог Магнус Рюнер идёт дальше в объяснении причин провала политического курса социал-демократов. Он согласен с М. Рохасом в оценке изменений экономических процессов в мире, отразившихся на функционировании шведского государства всеобщего благосостояния. Однако при этом Рюнер не ограничивается этим и в статье «Неолиберальная глобализация и кризис шведской социал-демократии» (1999)¹⁹⁸ делает упор на анализе различных внутренних и глобальных политико-экономических сил, которые подкрепляли и подрывали «шведскую модель». В отличие от Рохаса, М. Рюнер полагает, что «шведская модель» - продукт послевоенного либерального мирового порядка, и процесс перехода к «неолиберальной глобализации» является центральным для объяснения её проблем. Пытаясь осмыслить данный процесс, Рюнер даёт своё объяснение «фордистского» «встроенного» либерального порядка. «Встроенный либерализм, - пишет Рюнер, - основывался на политике производительности, обычно ведомой силами, связанными с промышленным капиталом, профсоюзами и реформистскими технократами. Он обеспечивал право коллективных переговоров, низкий уровень безработицы и высокие зарплаты рабочим в обмен на признание управления и мирных трудовых отношений».¹⁹⁹ Но главное – это наличие когерентного интенсивного режима накопления, протекающего на фоне увеличившейся производительности труда, интегрированных норм заработной платы и кейнсианской экономической политики. В дальнейшем вследствие стагфляции 1970-х гг. и рецессии произошло изменение производственных отношений, то есть стало очевидно,

---

¹⁹⁷ Сергачёв А. В. Новые подходы к изучению концепции государства всеобщего благосостояния в конце XX века // Россия в глобальном мире. – 2013. - № 1 (24). С. 153

¹⁹⁸ См. Ryner M. Neoliberal Globalization and the Crisis of Swedish Social Democracy // Economic and Industrial Democracy. 1999. Vol. 20. p. 39-79

¹⁹⁹ Ibid, p. 41

что фордистская система производства капитала оказалась в ситуации кризиса. Замедление роста прибыли в сочетании с феноменом массовой безработицы подвели черту под тейлористской моделью управления, характерной для кейнсианства. Разложение системы дало импульс к зарождению новой формы накопления капитала, составляющей экономическое ядро «неолиберальной глобализации». Переход был ускорен появлением новых технологий, облегчающих оптимизацию распределения решений и повышающих производительность. Рюнер вслед за Рохасом повторяет, что технология радикально изменила условия организации трудового процесса, да и всего мира. «Эти новые условия для корпоративной стратегии сделали более неоднозначной связь между охватом экономики и её масштабом. Как результат, производительный капитал стал менее зависимым от национально генерируемого народного потребления».²⁰⁰ Естественно, Рюнер также как и Рохас признавал трансформацию мирового порядка в качестве одной из причин упадка классической «шведской модели». Однако, по его мнению, в том, что к 1990 гг. социально-политический курс социал-демократов пришёл к кризису, повинна, прежде всего, сама СДРПШ. По убеждению Рюнера, социальные противоречия фордизма проявились в стране ещё в 60-х гг. XX века. И две характеристики фордистского экономического развития особенно важны в провоцировании кризиса: уравнивание заработных плат и рационализация трудового процесса. Они создали проблему для существующей корпоративистской системы в контексте правильного выражения трудовых отношений, поскольку в них стали неправильно воспроизводиться представления о том, что законно, а что незаконно. С одной стороны, это объяснялось пересмотром трудовых отношений и включением гендерного равенства и индустриальной демократии. С другой же существовали сложности в поддержании скоординированной системы переговоров о заработных платах в 1960-х гг. Наконец, тейлористское разделение труда сообразно человеческим

---

²⁰⁰ Ibid, p. 41

способностям в совокупности с экспансией государства всеобщего благосостояния привели к образованию большой прослойки «белых воротничков». В результате шведской дифференциации профсоюзного движения на ЦОПШ («голубые воротнички») и КПС (Шведская конфедерация профессиональных служащих), а также Профсоюз работников с высшим образованием возникло разделение процесса ведения переговоров по условиям заработной платы. В 1960-х гг. это начало создавать серьёзные проблемы, которые усложнялись тем, что представители «белых воротничков» не поддержали в начале 1970-х гг. принцип политики солидарных заработных плат. Зато это сделали феминистские организации, отстаивавшие не только принцип уравнивания доходов между мужчиной и женщиной, но и политику большей интеграции женщин в трудовой сфере.

Правительство отреагировало на эти требования, но меры не оказались функционально совместимыми с изменением экономических условий. К концу 1970-х гг. шведское общество оказалось в ситуации кризиса накопления капитала, который негативно повлиял на корпоративистскую систему страны. Хотя в дальнейшем ОПШ предприняла меры по выходу из переговорного процесса, но важно не это, а то, что вместо использования государственного аппарата для противодействия структурной власти капитала, социал-демократическая политика намеренно усиливала эту власть. И по Рюнеру, у социал-демократов не было иного выхода, как идти по такому пути. Сильная инфляция в сочетании с низкими процентными ставками разрушили институциональный потенциал Центробанка по нормированию выдачи кредитов и контролю денежных потоков. В результате образовался избыточный спрос на долги. Так появился «серый» кредитный рынок за пределами системы банковского регулирования в конце 1970-х годов. Дальнейшие финансовые инновации ещё больше усугубили ситуацию, и правительство обратилось к международным процентным ставкам по кредитам и соблюдению финансовой дисциплины через ограничение платежей.

Исследование о причинах упадка социал-демократического концепта «Дома для народа» также было проведено в 2011 г. профессором Лундского университета Андерсом Бергом. В отличие от предыдущих исследователей он фокусирует внимание на институциональном развитии страны, чьё процветание, экономические успехи и эгалитаризм следует, по его мнению, связывать с хорошо функционирующими капиталистическими институтами. Что касается кризиса «шведской модели», то здесь он полагает, что существовали как экономические, так и политические причины этого, и в отличие от Рюнера он не склонен списывать проблемы Швеции только лишь на противоречия «фордистского общества». «Напротив, слишком много акторов, – согласно Бергу, – осуществляло ошибочные действия в шведской экономике».²⁰¹ Это, например, касается значительно чрезмерных затрат на проведение политики на рынке труда, чем это мог позволить рост производительности. Или же политики высоких предельных налогов, обернувшейся неэффективностью ввиду появления неплательщиков.

Однако, по мнению Берга, и некоторые политические институты также внесли свой вклад в кризис «шведской модели». Он допускает, что уменьшение срока пребывания правительства у власти до трёх лет в 1970-х годах способствовало нестабильности в политике, так как каждое правительство в своей деятельности было осложнено либо своим недавним назначением, либо предстоящими скорыми выборами. Ко всему прочему, по его мнению, у местных политиков снизился стимул к реализации политических программ из-за отсутствия должного внимания к политической обстановке на местах. Увеличение мест в парламенте до 350 человек косвенно также оказало влияние на политику, из-за того, что на выборах 1973 г. места в нём были поделены поровну между двумя оппозиционными блоками, решения принимались по жребию. То есть, от политики предсказуемости и рационализма шведская политика перешла к чехарде в

---

²⁰¹ Bergh A. The Rise, Fall and Revival of the Swedish Welfare State: What are the Policy Lessons from Sweden?, Stockholm, 2011. p. 15

принятии решений. В целом для А. Берга неспособность Швеции поддерживать себя на должном социально-экономическом уровне не является чем-то удивительным. «Для страны, – пишет Берг, – тяжело поддерживать высокие темпы экономического роста, когда это одна из богатейших стран мира. Страны беднее могут имитировать технологии более благополучных, учиться на ошибках других и пропускать некоторые технологические фазы».²⁰²

В заключение отметим, что ни один из анализируемых нами исследователей не подвергает сомнению сам факт изменения шведского социально-политического курса к концу XX столетия, и, обобщая их мнение, можно сделать вывод о том, что причины кризиса «шведской модели» неоднозначны. Отечественными учёными данный факт кризиса часто объясняется структурными проблемами развития экономики и факторами глобализации (Евдокимов, Кхалед; Мартынов; Плевако)²⁰³, а в отдельных случаях (Антюшина) наличие кризиса вообще игнорируется.²⁰⁴ Так в книге «Северная Европа. Регион нового развития» реформирование политической системы связывается с такими причинами, как усиление «бегства» шведского капитала за границу, предстоящее присоединение Швеции к ЕС, дефицит государственного бюджета, замедление темпов экономического развития, рост безработицы, снижение конкурентоспособности некоторых компаний.²⁰⁵ Таким образом, шведский вариант государства благосостояния в России понимается как неизменно развивающаяся модель, которая в начале 1990-х гг. преодолела масштабный экономический кризис и адаптировалась к новым реальностям.

---

²⁰² Ibid, p. 15

²⁰³ См. Евдокимов А. И., Кхалед Ю. Швеция в системе мирового хозяйства: Структура и тенденции развития национальной экономики, модернизация модели "всеобщего благосостояния" и внешние экономические связи, СПб.: 2007. 133 с.; Мартынов В. А. Шведская модель современного постиндустриального развития: новые проблемы и характеристики социального развития, М.: ИМЭМО, 2006. 80 с.; Плевако Н.С. Шведская социал-демократия и вызовы времени // Социал-демократия в современном мире, М.: Ключ-С, 2010, С. 164-171.

²⁰⁴ См. Антюшина Н.М. Шведская модель: из прошлого в будущее, М.: Рус. сувенир, 2008. 132 с.

²⁰⁵ Северная Европа. Регион нового развития. Под ред. Ю.С. Дерябина, Н.М. Антюшиной. М.: Весь Мир, 2008. С. 246.

В действительности же, ситуация выглядит иной. Сейчас уже трудно говорить о правильном функционировании «шведской модели». Правлению социал-демократов была присуща определённая логика, выработанная в ходе переосмысления таких понятий как равенство, социал-демократия или концепция переговорного процесса, которая в той или иной форме существовала и в других развитых западноевропейских странах. На почве этой логики строилась национальная модель управления, которая время от времени проверялась на прочность рецессиями. Поэтому очередной спад в экономике не был чем-то непривычным для шведской политической элиты. Другое дело, что события начала 1990-х г. указывали на системный кризис, корни которого уходили, с одной стороны, в несовершенство «фордистского общества», с другой стороны, в неправильные политические решения СДРПШ. Б. Ротштайн, А. Берг и М. Рюнер указывают на разные партийные просчёты, которые и определили судьбу «шведской модели». Желание руководства страны неизменно поддерживать высокий экономический рост, полную занятость и универсальный характер социального государства обернулось нарушением доверия внутри системы переговорного процесса и игнорированием глобальных экономических изменений. Как показывает практика, социал-демократам следовало идти навстречу этому процессу, а не искать способы удержания социального благополучия в стране. Впоследствии неолиберальная глобализация проявилась и без вмешательства СДРПШ, но в более зримом и жестком виде, чему местные политики не могли препятствовать ввиду отсутствия новых идей и по той причине, что проводимая ими политика разрушила переговорный процесс между всеми заинтересованными сторонами. То есть, социал-демократы не имели ни перспективной политической программы, ни способов её реализации. В дополнение к этому, шведское общество устало от однообразия предлагаемых государством социальных программ.

Таким образом, кризис «шведской модели» необходимо связывать с политическими ошибками власти. Именно в этом кроются причины столь

сложных для Швеции последствий экономического кризиса и глобализации. С другой стороны, как показано шведскими учёными, кризис в обществе всё же был преодолен ценой потери концепцией социального государства универсалистской версии данной концепции, но при сохранении теоретического и практического духа данной концепции.

§ 2 Теория «нового общественного управления» в Швеции.

К началу 2000 года социал-демократическое универсальное государство всеобщего благосостояния – «шведская модель» пришло в упадок в отношении эффективности организации корпоративистской системы управления и сохранения гегемонии СДРПШ в политической жизни на протяжении ряда десятилетий. При этом, как отмечалось выше, некоторые шведские исследователи (Б. Ротштайн, Й. Линдвалль, К. Бергквист и др.) говорят о необходимости качественного изменения концепции социального государства в Швеции под влиянием новой экономической реальности и процессов глобализации. Действительно, усиление интеграционных процессов по всему миру отразилось на функциональных особенностях различных типов государств благосостояния. Глобализация, предполагавшая не только экономическую, но и политическую, а также и культурную интеграцию, осложнила политическую ситуацию национальных государств появлением таких феноменов как международное разделение труда, международный финансовый рынок, интернационализация бизнеса и капитала. «Свобода капитала и товаров для передвижения через национальные границы, – подчёркивает Т. Свенссон, – означает разрушение мощи национального руководства и угрозу автономии национальной политики».²⁰⁶ Суть глобализации сводится к гомогенизации и универсализации, связанной с коренными и глобальными реформами международных отношений, стратегией всемирного развития и планами по созданию наднациональных политических, экономических и культурных институтов.²⁰⁷

Принципиально важным в этой связи является обращение к анализу исторического контекста данных процессов. Отечественные исследователи выделяют, по крайней мере, два главных этапа становления современного

---

²⁰⁶ Svensson T. Globalisation, Marketization and Power -the Swedish case of Institutional Change // Scandinavian Political Studies. 2002. Vol. 25. Issue 3. p. 198

²⁰⁷ См. Ачкасов В. А., Гуторов В. А. Политология, М.: Юрайт, 2009. С. 283

мирового порядка. Первый из них, согласно С. А. Ланцову, сопровождался переходом к индустриальному обществу в середине XIX века и мог быть охарактеризован в связи с расширением свободы валютной конвертации, передвижения товаров и капиталов, рабочей силы. При этом ранние глобализационные тенденции были основаны на развивающейся либеральной идеологии и марксистском принципе. Обе они различным образом обосновывают необходимость международной интеграции как в экономике, так и в политике. Однако Первая мировая война приостановила на некоторое время данные тенденции, межвоенное время – скорее, период глобальной дезинтеграции, когда усложнялись контакты, в том числе и идеологические, в международных отношениях. Новая волна глобализации началась на рубеже 1950-1960-х гг.²⁰⁸ В. Д. Иванов выделяет три релевантные (существенные) тенденции.²⁰⁹ Первая из них – интенсификация товарных и финансовых потоков, идущих через границы национальных государств. При этом произошёл их резкий скачкообразный рост, завершившийся появлением транснациональной экономики со всеми присущими ей атрибутами: международным разделением труда, транснациональными компаниями, мировым рынком сырья, капитала и рабочей силы. Но это только экономическая часть глобализации, наряду с которой формировалась и область транснациональной политики. Данная тенденция проявилась в «революции международной бюрократии», которая была неотъемлемой частью тех многих межправительственных и неправительственных международных организаций, которые появились в середине XX века. Наконец, третья тенденция глобализации связана с процессами культуры и стала следствием идеологического противостояния капиталистических и коммунистических блоков. «Именно столкновение идеологий, - пишет В. Д. Иванов, - отторгающих ценности, символы и поведенческие образы иных культур, стимулировало революцию планетарных СМИ. Столкновение

---

²⁰⁸ См. Ланцов С. А. Экономические и политические аспекты глобализации // ПОЛИТЭКС: Политическая экспертиза. 2006. Т. 2. № 4. С. 77

²⁰⁹ См. Иванов В. Д. Эволюция концепции глобализации // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2002. № 4. С. 3-14

идеологий вовлекло изолированные культуры в процесс конфронтационного, но интенсивного взаимодействия и тем самым расчистило путь для масштабной экспансии ценностей, символов и поведенческих образцов возобладавшей культуры, которой к концу «холодной войны» оказалась культура Северной Америки и Западной Европы».²¹⁰

Применительно к Швеции, где государство всеобщего благосостояния имело свои национальные характеристики, и которая на протяжении двух столетий старалась держаться в стороне от мировых войн, вовлечённость в мировую экономическую интеграцию означала кардинальный разрыв с политической традицией и привела к изменению внешнеполитического курса. И социал-демократическое правительство в 1980-х инициировало процесс финансовой дерегуляции с отменой ограничений для деятельности банков и финансовых корпораций, которые отныне могли свободно предоставлять кредиты любому желающему без установленных государством ограничений. Вслед за этим был снят контроль за валютным рынком, страна, таким образом, превратилась в конкурента за привлечение инвестиций, а представители работодателей Швеции получили стимул для борьбы с корпоративизмом, который со времён Ё. Рена и Р. Мейднера всё больше угрожал их интересам.

Вместе с тем в науке велись дискуссии о «шведской модели» в связи с внедрением так называемого «нового общественного управления» (*new public management*) в сфере социальных услуг, которое по своей сути не является скандинавской идеей. Его истоки имеют отношение к общему изменению в политических взглядах американских и английских бизнес-сообществ в 1960 – 1970-х гг. По убеждению Т. Свенссона, «неолибералы в США (Р. Рейган) и Великобритании (М. Тэтчер) рассматривали также новый тип администрирования в качестве идеологического ключа для радикального изменения социальной политики, для демонтажа государства всеобщего

---

²¹⁰ Там же, С. 4

благосостояния».²¹¹ Однако, по описанию Л. Муберг, «суть новой политики может быть сведена к инкорпорированию (включению) в социальное государство принципа маркетизации и к стремлению в укреплении прав граждан и потребительского участия через конкурсную основу предоставления услуг и провайдерского плюрализма».²¹² П. Блумквист добавляет к этому, что ««новое общественное управление» свободно удерживает множество идей, которые стремятся трансформировать государство путём введения в него организационных и управленческих практик из мира бизнеса».²¹³ Оно выступает за отказ государственной бюрократии от иерархических и направляемых правилами способов управления в пользу децентрализованной власти, давая возможность единицам на более низком уровне решать проблемы в независимой манере. Наиболее распространёнными элементами данного типа администрирования являются: договор подряда, конкуренция, потребительский выбор и использование рыночных методов управления в государственном секторе. В этой связи среди политиков, экспертов и чиновников в мире в 1980 – 1990-х годах распространились идеи «нового общественного управления», и Швеция в этом отношении не стала исключением.

Предпосылки дискуссий о новом стиле управления в Швеции исходили от партий правого толка. В начале 1980-х гг. они удерживали власть, но в условиях тотального доминирования социал-демократических идеалов их политическая доктрина не пользовалась перманентным успехом у избирателей. Во главе государства они находились весьма непродолжительное время (начиная с 1976 г.) и уже в 1982 г. вновь уступили свои позиции политическим оппонентам. Уйдя в оппозицию, наиболее могущественная из «либеральных партий» – Консервативная (Умеренная) партия (Moderaterna), вместе с представителями ОРШ начала открыто критиковать существовавшую тогда систему социального обеспечения и

---

²¹¹ Svensson T. Globalisation, Marketization and Power -the Swedish case of Institutional Change // Scandinavian Political Studies. 2002. Vol. 25. Issue 3. p. 198

²¹² Moberg L. Universalism, choice systems and social citizenship in the Swedish welfare state, Uppsala, 2012. p. 7

²¹³ Blomqvist P. The Turn to Privatization in Swedish Welfare Services: A Matter of Ideas? Uppsala, 2005. p. 8

требовать её серьезного реформирования. И основной мишенью политической критики стала сфера социальных услуг. Повторяя неолиберальные идеи «нового общественного управления», популярные в США и Великобритании, политическая оппозиция и предприниматели оценивали сектор социальных услуг как расточительный, чрезмерно бюрократизированный и, главное, лишаящий шведов права свободного выбора разных типов услуг. К середине десятилетия две центристские партии – Народная партия и Партия центра – присоединились к Консервативной партии в их борьбе за приватизацию сферы услуг и потребительский выбор, создав впервые в послевоенной шведской истории объединённую оппозицию, направленную против социал-демократической линии благосостояния. Правительственные выборы 1985 г. стали, по сути, референдумом, определявшим будущее социальной политики в Швеции, и избиратели тогда поддержали социал-демократов. Интересно то, что в 1980-х гг. внутренняя политика СДРПШ в трактовке концепции социального государства максимально приблизилась к требованиям, выдвигавшимся оппозицией. В сущности, шведские социал-демократы уже давно ставили перед собой те же задачи, что и либералы. Стоит здесь напомнить, что политика Г. Мёллера, стоявшего у истоков системы универсального социального обеспечения в Швеции, строилась на создании системы децентрализованного управления всеми направлениями социальной политики. Децентрализация имела важное значение также и при реализации планов по созданию «нового общественного управления», но Мёллер также отстаивал и профессиональное администрирование при возможности решения вопросов обеспечения на подуровнях (на уровнях больничных касс, муниципалитетов и др.). В дальнейшем эти идеи более широко были переосмыслены У. Пальме, который исходил из идеала «демократического социализма» и расширения гражданского участия в принятии решений. Таким образом, ещё до возникновения «нового общественного управления», властвующие политические круги Швеции предпринимали некоторые шаги

для реализации выдвинутых в 1980-х гг. «либеральными партиями» мер. Единственное отличие состоит в том, что социал-демократы от Мёллера и до Пальме всегда понимали само социальное обеспечение и особенности управления им в категориях пролонгирования сальдшёбаденских договорённостей и обеспечения социального равенства.

Для прояснения сути изменения политических целей СДРПШ уместно обратиться к точке зрения шведского политолога М. Рюнера. Объясняя причины этого изменения, он заявляет, что два наиболее распространённых утилитарных тезиса: «тезис склероза» и тезис «электоральной дилеммы», которые обычно связывают с либерализацией социал-демократической идеологии, на самом деле вводят в заблуждение. Первый из них гласит о том, что усилившаяся в 1980-х годах конкуренция на глобальном рынке под влиянием технологических изменений предъявила соответствующие требования к рынку труда. По мнению Рюнера, пример со Швецией не может быть отнесён к данному тезису, так как макрозарплата гибкость облегчалась централизованными скоординированными переговорами по модели Рена-Мейднера.

Согласно второму тезису для обеспечения политического доминирования социал-демократической партии необходимо было выходить за рамки своего основного контингента избирателей из числа рабочего класса и обращаться к голосам представителей среднего класса. Такая переориентация ставила под угрозу избирательную мобилизацию той части населения, которая традиционно поддерживает идеологию СДРПШ. Поэтому политика после 1985 г. может объясняться как рациональная стратегия партии в погоне за голосами. Но, по убеждению М. Рюнера, «это игнорирует тот факт, что институты государства всеобщего благосостояния были разработаны для смягчения любых подобных дилемм».²¹⁴ Политолог обращается к тезисам о транснационализации финансовых рынков и

---

²¹⁴ Ryner M. Neo-liberalization of Social Democracy: The Swedish Case // Comparative European Politics. 2004. № 2. p. 103

мобилизации шведского бизнеса вокруг неолиберального проекта как к более убедительным объяснениям. Таким образом, можно сделать вывод о том, что макроструктурные изменения усложнили перспективы социал-демократии и её институциональный потенциал, включавший модель Рена-Мейднера. «Структурирование глобальной экономики, – пишет М. Рюнер, – имеет решающее значение для понимания неолиберализации шведской социал-демократии. Однако такая оценка сама по себе могла быть адекватной, если бы можно было каким-либо способом продемонстрировать, что социал-демократические элиты преследовали некую «оптимальную стратегию» для повышения социал-демократических целей в пределах новых структурных ограничений, и если бы могло быть показано, что не существовало альтернатив».²¹⁵

Но, с другой стороны, такие альтернативы были, говорит Рюнер. Можно было, например, провести активную стратегию займа, которая бы стабилизировала шведскую кредитную процентную ставку по отношению к динамике мировых финансовых процессов. Поэтому данное утверждение не может объяснить связь между глобализацией и эрозией «шведской модели». Остаётся, правда, тезис о неолиберальной мобилизации шведского общества, который утверждает, что к середине 1970-х гг. баланс социально-политической силы сместился в Швеции от труда к капиталу, что предопределило и дальнейшую государственную политику. Таким образом, к структурной власти транснационального мобильного капитала прибавилась мобилизация капиталистической социально-политической силы в стране. И эта мобилизация становилась тем сильнее, чем решительней социал-демократы в альянсе с профсоюзами продвигали идею создания фондов наёмных работников. ОРШ сумела оказать противодействие в этом вопросе и тем самым объединила блок «либеральных партий» с их «врождённым расколом и нерешительностью». От оборонительной политики работодатели перешли к атаке, что выразилось в транснационализации экономики в

---

²¹⁵ Ibid, p. 104

Швеции. «Однако, – заявляет Рюнер, – это не объясняет, почему шведские социал-демократы, несмотря на свою доминирующую позицию, даже не пытались серьёзно противостоять наступлению ОРШ и продвигать альтернативную стратегию».²¹⁶ В общем, с его точки зрения, ни одно из четырёх данных объяснений не даёт ответа на вопрос о том, почему произошёл социал-демократический сдвиг в сторону неолиберализма. И он предлагает другое объяснение: необходимо лишь рассматривать идеи не как «онтологически примитивные причинные факторы, но как созданные реляционно в дискурсивных образованиях».

Поэтому Рюнер для объяснения сложившейся ситуации обращается к учению об эпистемах М. Фуко. Политолог идентифицирует три эпистемологических «сдвига» в экономической политике Швеции, начиная с 1930-х годов: классово-стратегическая эпистема (марксистско-институциональный синтез); инструментально-технократическая институциональная эпистема и утилитарная эпистема.

Классово-стратегическая эпистема сформировалась с одной стороны под влиянием идей вдохновлённых марксизмом политических деятелей таких, как Г. Мёллер и Э. Вигфорсс, а, с другой стороны – политэкономией Г. Мюрдаля и Стокгольмской школы. Тогда политика соединяла марксистский принцип понимания социально-политической реальности с «проблемно-решающей теорией» наполненной мюрдалевскими нормативно-институциональными идеями.

Однако во второй фазе марксизм уступил своё место инструментально-технократической эпистеме (с 1950-х по середину 1960-х годов). В итоге сформировался консенсус на основе модели Рена-Мейднера. Марксистская концепция австрийского теоретика О. Бауэра была заменена на позицию К. Поппера, для которого социальный мир – лаборатория для социальной инженерии.²¹⁷ Рюнер заявляет, что первоначально этот сдвиг не оказывал

---

²¹⁶ Ibid, p. 107

²¹⁷ См. Ibid, p. 109

существенного влияния на политику, но всё изменилось, когда появилось новое поколение государственных управленцев таких, как Чель Улоф Фельдт и Ассар Линдбек.

С их идей начинается третья – утилитарная эпистема, когда, по Рюнеру, произошёл неолиберальный «сдвиг» в политических идеях, который заметно уменьшил расстояние, необходимое социал-демократическим управленцам для перехода от кейнсианства к монетаризму. Новому поколению шведских управленцев идеи экономистов ЦОПШ казались опасно-рациональными, и они обратились к неолиберализму и практике иностранных заимствований с целью корректировки курса экономики. Однако при всех этих метаморфозах, ключевым моментом для политики СДРПШ в ходе внедрения многих социальных программ оставалось налаживание связей с местными самоуправлениями.

С. Монтин и И. Элендер выделяют три фазы построения отношений государства с местными самоуправлениями. Первая фаза (с конца 1940-х до середины 1970-х гг.) связана с повышением эффективности политики муниципалитетов и коммунальных образований. В частности, была образована профессиональная бюрократия на местах. Вторая фаза развития местных самоуправлений началась с середины 1970-х гг., когда правительство инициировало появление локальных консультативных советов, субкоммунальных советов с наделением их властными полномочиями для реализации социальной политики. Были также разработаны реформы для поддержки деятельности окружных партийных организаций, поощрения гражданского участия в принятии решений.

Третий этап (с середины 1980-х гг.) – время воплощение идей «нового общественного управления».²¹⁸ На данной стадии социал-демократическое правительство передало некоторые государственные функции на уровень коммун по методу принятия ряда дискреционных законов: Акт о социальных

---

²¹⁸ См. Montin S., Eländer I. Citizenship, Consumerism and Local Government in Sweden // Scandinavian Political Studies. 1995. Vol. 18. № 1. p. 28

услугах (1983 г.); Акт о здоровье и медицинском уходе и Акт о планировании и строительстве (оба – 1987 г.). Вместе с проведённым в 1970-х гг. разделением, а в ряде случаев и укрупнением локальных исполнительных органов, все эти меры имели отношение к политике децентрализации. В свою очередь, эта политика создала почву для ревизии взаимоотношений между политическим центром и периферией. Дерегуляция, сопровождавшая введение дискреционных законов, обернулась появлением идеи «менеджмента по целям». Её смысл заключен в том, что отныне политики должны были в большей степени заботиться о разработке и реализации целей социальной политики в соответствии с человеческими потребностями и систематической оценкой результатов производства социальных услуг. Однако практика показала недееспособность «менеджмента по целям», поскольку зачастую цели были расплывчаты и давали возможность для произвола. Кроме того, коммуны не обладали достаточной культурой оценивания. Поэтому было принято решение обратиться к модели покупателя/поставщика в условиях универсалистского государства всеобщего благосостояния. То есть, правительство допускало, что услуги будут оказываться частным образом притом, что государство через муниципальные образования и советы возьмёт на себя роль заказчика, но оплата заказов будет происходить пропорционально объёму получателей. В дополнение к этому, социал-демократы хотели, чтобы политические мероприятия были отделены от исполнения, а сами исполняющие организации не были подвержены повседневному контролю.

Такая позиция стала первым шагом на пути к частичной приватизации и реализации принципа свободы выбора в социальной политике. Приватизация никогда не рассматривалась представителями СДРПШ в качестве важнейшего политического вопроса в дискуссиях о новой административной политике. Применительно к сфере социального обеспечения она давала возможность для её модернизации и обеспечения разнообразия за счёт появления естественной конкуренции между различными провайдерами.

Наконец, граждане могли сами оказывать влияние на производство услуг, выбирать между различными их видами, к чему также стремились тогдашние политические руководители. Неудивительно, что к концу 1980-х гг. министр финансов Чель Улоф Фельдт заявлял о более реалистичном подходе к капитализму, чем это обычно выражалось идеологами СДРПШ. Очевидно, что риторика социал-демократов в те времена немногим отличалась от заявлений оппозиционных правых партий. Об этом, в частности, говорят и шведские исследователи. С. Монтин и И. Элендер, например, по этому поводу пишут следующее: «Действительно, существовала заметная разница между социалистической и несоциалистической партиями о том, как концептуализировать гражданство, но в создании политических рекомендаций в отношении текущей коммунальной политики в Швеции они, тем не менее, сблизилась друг с другом».²¹⁹ В то же время П. Блумквист указывает на то, что «идеи «нового общественного управления» предоставили платформу для совместного пересмотра левыми и правыми политиками характера и значения системы социального обеспечения в стране».²²⁰ Какие бы доводы не приводились в пользу такого явного сближения идеологий противостоящих политических блоков, более важно то, что коалиционное правительство К. Бильдта, сформировавшееся после правительственных выборов 1991 г., продолжило и усилило курс на либерализацию и маркетизацию шведского государства всеобщего благосостояния.

И происходило это на фоне ухудшения экономической обстановки в стране и в процессе вступления в Европейский Союз. В начале последнего десятилетия XX века Швеция находилась в глубокой экономической рецессии. Экономический рост до середины 1990-х имел отрицательные показатели, серьёзный экономический спад сопровождался банкротством компаний и радикальной перестройкой бизнеса. От политики полной

---

²¹⁹ Ibid, p. 45

²²⁰ Blomqvist P. The Turn to Privatization in Swedish Welfare Services: A Matter of Ideas? Uppsala, 2005. p. 20

занятости, типичной для универсалистского государства всеобщего благосостояния, правительство перешло к политике удержания инфляции на низком уровне, что даёт повод для разговоров об отходе от одного из ключевых принципов всеохватывающей «шведской модели». В политических кругах существовал консенсус в отношении того, что данная политика должна быть поддержана приверженностью фиксированному обменному курсу шведской кроны, но эта уверенность исчезла, когда Риксбанк в декабре 1992 г. всё же сдался, пустив национальную валюту в свободный дрейф. Правительству, таким образом, ничего не оставалось, как обратиться к политике сокращений социальных выплат. Так называемый «первый кризисный пакет», принятый осенью того же года, встретил мало разногласий среди политических оппонентов относительно того, какие социальные группы должны были нести бремя данных сокращений. По глубокому убеждению К. Дальстрёма, «консенсус был достигнут благодаря посредничеству ключевых должностных лиц, предотвративших потенциальный политический конфликт».²²¹ Однако должностные лица и тогдашние либеральные политики не смогли избежать безработицы. Не столько кризис, сколько глобализация повлияла на понижение уровня занятости в стране. Согласно приводимым многими исследователями данным, уровень безработицы возрос до чуть более 8% и балансировал вокруг этого показателя вплоть до конца столетия.²²² Но и после этого, в 2000-х, эта цифра была выше отметки предкризисного времени. Последовательная интеграция Швеции в международную экономику также привела к серьёзным различиям в уровне жизни высококвалифицированных кадров и всех остальных работников, что породило феномен «социальной изоляции» и укрепило неравенство в доходах, с которым прежняя «шведская модель» пыталась бороться.

---

²²¹ Dahlström C. Big Cuts, Little Time: Welfare State Retrenchment in Sweden, Göteborg, 2005. p. 2

²²² См. напр.

Особенно сильно от разделения на инсайдеров и аутсайдеров пострадали молодёжь без опыта работы, люди предпенсионного возраста, матери-одиночки и иммигранты. Эта проблема стала бурно обсуждаемой в научной среде. Так, статьи известного политолога Йоакима Пальме посвящены изучению различных аспектов доходного неравенства в современной Швеции. Его главной целью было осмыслить последствия экономического кризиса по отношению к благосостоянию отдельных граждан и понять, что произошло со «шведской моделью» с точки зрения разбалансировки доходов. Пальме не оспаривает тот факт, что распространённые изменения в возрастной структуре доходов и экономических ресурсов происходили в 1990-х гг. Если раньше всё большее число граждан, в том числе уязвимые группы (молодёжь, матери-одиночки, иммигранты), обладало денежным запасом, то в настоящем наблюдается его недостаток или полное отсутствие среди них. Доступные индивидам и семьям ресурсы пострадали от макроэкономического кризиса, и аналогичное суждение уместно и в отношении программ социальной политики, что, в свою очередь, имело серьёзные последствия для широкого набора пособий и услуг. Условия жизни семей с детьми ухудшились, а доходы оказались скудными. В сфере занятости широко распространились психологически напряжённые виды работ, в то время как среди многих работников наблюдались стрессы: страхи, волнения и тревоги. Повысилась и так называемая жилищная сегрегация. «Это, – пишет Й. Пальме, – представляет более благодатную почву для действий, основанных на восприятии собственных интересов и отношений, построенных на стереотипах и предрассудках».²²³

О жилищной сегрегации, но в ключе возросшей иммиграции и проблемах иммигрантов, пишет и Маурисио Рохас. В принципе иммиграция была не новым явлением для Швеции, и уже после Второй мировой войны это скандинавское государство столкнулось с её массово-бесконтрольным

---

²²³ Palme J., Fritzell J., Bergmark Å End of Equality? The Welfare State Model Beyond the Crisis // Framtider, Stockholm: Federativ Tryckeri AB. 2008. p. 8

характером. И тогда это были трудовые мигранты, не испытывавшие сложностей с трудоустройством на новом месте пребывания. Стране, сумевшей сохранить свой промышленный потенциал, в послевоенное время требовалось огромное количество рабочих рук, которых явно не хватало. Поэтому шведские работодатели зачастую ориентировались на такие страны, как Италия, Югославия или Греция для привлечения рабочей силы. В 1954 г. был подписан договор о создании общего рынка труда между странами Скандинавии и Финляндией, что способствовало притоку в Швецию датчан, норвежцев и финнов. Однако кризис конца 1960-х гг. заставил центральные органы власти сосредоточиться на решении проблемы массовой и, в большинстве случаев, неконтролируемой трудовой миграции. Социал-демократическое правительство в тесном сотрудничестве с ЦОПШ приняло закон об иммиграции, дающий разрешение на работу. В этом шаге прослеживалось две явные цели. Во-первых, защитить членов профсоюзных организаций от конкуренции со стороны дешёвой иностранной рабочей силы, а, во-вторых, избежать столкновений на национальной почве.

Через несколько лет иммиграционная политика изменилась. Правительство У. Пальме, находившееся под негативным впечатлением от студенческих выступлений, которые ставили проблему обеспечения социального равенства, преодоления дискриминации на этнической почве, обеспечения прав этнических меньшинств, изменило в 1975 г. иммиграционное законодательство. Новая политика заключалась в наделении иммигрантов равными с коренным шведским населением социальными и трудовыми правами. Гарантировалась интеграция иммигрантов в шведское общество без принуждения их к культурной ассимиляции. Политика, получившая широкую поддержку в Риксдаге и среди представителей ЦОПШ и ОРШ, была разработана для объединения всех социальных групп, включая иностранных рабочих, в общую систему благосостояния и регулируемый рынок труда. В то же время данная реформа

была направлена на предоставление мигрантам доступа к активному гражданству.

Однако в действительности положение иммигрантов в 1970-х гг. стало таким, что социолог Карл-Ульрих Шируп называет «субординированным включением».²²⁴ То есть, возник этнически сегрегированный рынок труда с участием иностранных рабочих в наименее привлекательных сегментах промышленности и в сфере обслуживания. Дискриминация на рынке труда блокировала профессиональную мобильность и часто препятствовала иммигрантам трудоустроиться в соответствие с их квалификацией и образованием. К середине 1980-х к этой проблеме добавились и межнациональные противоречия. Кабинет министров сделал борьбу против ксенофобии и расизма своей главной целью. В 1986 г. для более планомерной работы по вопросам этнической дискриминации был назначен омбудсман. Для противодействия негативным эффектам от иммиграции правительство прибегло к политике равномерного распределения беженцев и трудовых иммигрантов по всей территории Швеции. В течение этого периода 90% приезжих было поселено пропорционально и лишь 10% селилось самостоятельно.²²⁵

К концу двадцатого столетия в условиях глубокого экономического спада отношения между коренным населением и приезжими ещё больше ухудшилось. Весной 1990 г. было взорвано несколько центров по их расселению. В ряде городов подверглись осквернению еврейские кладбища, а в городе Трольхэттане была сожжена мечеть. Это время стало моментом триумфа партии «Новой демократии» (Ny Demokrati). Партия, образованная за полгода до парламентских выборов 1991 г. Я. Вахтмейстером и Б. Карлссоном, провела успешную избирательную кампанию и получила 6,7%

---

²²⁴ См. Schierup C.-U. "Diversity" and Social Exclusion in Third Way Sweden. The "Swedish Model" in Transition, 1975 – 2005, Norrköping: Isv-Remeso, 2010. p. 14

²²⁵ См. Hedberg C. «Every Soul is Needed!» Processes of Immigration and Demographic Consequences for Swedish Rural Areas, Stockholm, 2010. p. 6

голосов, заняв 24 места в Риксдаге.²²⁶ Хотя к её политической программе и относились не без доли иронии, тенденция была такова, что в последующие годы влияние праворадикальных партий внутри страны возрастало. Но стоит отметить, что их появление было реакцией на невиданные в предыдущие времена потоки иммигрантов, преимущественно беженцев, из «стран третьего мира» и зон боевых конфликтов (Югославия, Кавказ). Шведские исследователи, в частности Ч. Вестин, фиксируют изменение в соотношении трудовых мигрантов и беженцев в 1990-х гг.²²⁷

Данная тенденция усилилась и после вступления Швеции в ЕС, приезжие из других стран из-за невозможности трудоустройства в связи с низкой конъюнктурой на рынке труда, незнания языка, вели крайне обособленное существование в пределах Швеции. Именно ситуация, при которой страну охватили волны немотивированных беженцев, пополнявших ряды безработных и группировавшихся в анклавов, и стала предметом исследований для М. Рохаса. На основе рассмотрения жилищной политики до и после 1990 г., анализе отчёта Комитета по большим городам и статистических данных им критически характеризуется социальная реальность Швеции после крушения «шведской модели». «Новая бедность, социальная изоляция и отчуждение, – пишет Рохас, – сегодня являются ощутимыми элементами социальной реальности, характеризующей все наши малые и большие города».²²⁸ По мнению учёного новое жилищное строительство в пригородах крупных шведских городов (Стокгольм, Гётеборг, Мальмё) в соответствие с некогда выдвинутыми Альвой и Гуннаром Мюрдалями идеями обернулось появлением целых районов, содержащихся за счёт социальных пособий. Экономический кризис конца XX века превратил их в очаги бедности, изобилующие безработицей, высоким уровнем распада семей и преступностью. Более половины

---

²²⁶ См. Rydgren J. Radical Right-wing Populism in Denmark and Sweden: Explaining Party System Change and Stability // SAIS Review. 2010. Vol. 30. № 1. p. 58

²²⁷ См. Westin C. The effectiveness of settlement and integration policies towards immigrants and their descendants in Sweden, Geneva, 2000. p. 7

²²⁸ Rojas M. Beyond the Welfare State. Sweden and the Quest for a Post-Industrial Welfare Model, Stockholm: Timbro, 2001. p. 98

резидентов таких мест составляли выходцы из других стран, но там также проживали молодёжь и пожилые граждане. И все они относились к наиболее обездоленным категориям населения, живущим за счёт «подачек» от государства.

Во избежание будущего, полного социальных конфликтов, М. Рохас призывал отказаться от «социальной системы, идущей не в ногу со временем» и настаивал на необходимости глубоких социальных реформ, которые «утвердят многообразие нового века и откроют творческие возможности для всех».²²⁹ Однако, как показывают события, шведское общество, напротив, стремилось соответствовать духу нового времени, о чём свидетельствует продолжение политического курса на либерализацию государства благосостояния. Но ранее коалиционное правительство К. Бильдта уже задумалось о вступлении в Европейский Союз как о другом, наряду с сокращениями иммиграции, возможном варианте выхода из данной затруднительной социально-экономической ситуации. Выдвинутое предложение подразумевало радикальный поворот во внешнеполитическом курсе страны. Шведское общество на протяжении веков придерживалось политики самостоятельности в своём развитии, поддерживая европейские ценности в контексте собственного мировосприятия, и при этом экономически успешно развивалось вместе с другими наиболее развитыми государствами Европы. Между тем, новая экономическая реальность конца XX века, прекращение «холодной войны» и работа нового коалиционного правительства К. Бильдта изменили главный вектор шведской внешней политики. Более двухсот лет Швеция следовала формуле «свобода от союзов в мирное время с целью сохранить нейтралитет во время войны», которая не мешала сотрудничеству с Европейской ассоциацией свободной торговли (ЕАСТ). А в 1991 г. либеральное правительство инициировало обсуждение возможного вступления Швеции в ЕС с одновременным ходатайством об

---

²²⁹ Ibid, p. 106

этом, официально мотивируя этот шаг окончанием холодной войны, а на самом деле желая привлечь финансовые инвестиции в свою экономику.

Дискуссия по этой проблеме поляризовала общественное мнение. Некоторые партии, в том числе и СДРПШ, скептически относились к членству в ЕС, однако ни это, ни то, что чуть менее 50 % граждан проголосовало против данного решения, не воспрепятствовало вступлению Швеции в ЕС в 1995 г.²³⁰ По мнению Й. Пальме, это не повлияло существенно на систему социального обеспечения, на государство всеобщего благосостояния и на внутреннюю политику Швеции.²³¹ И действительно, либеральное правительство, как и ранее социал-демократы, следовало идее «нового общественного управления». В сфере здравоохранения это выражалось в передаче распорядительных функций муниципалитетам и окружным советам, что открыло для них возможности экспериментировать с новыми организационными формами предоставления услуг и заключениями контрактов на регулярные медицинские услуги с негосударственными организациями. Реформа в сфере первичной медицинской помощи 1992 г. допускала ведение частной врачебной практики и получение прибыли с неё на равных с деятельностью врачей общественных медицинских учреждений. Пациенты могли сами выбирать своего лечащего врача, и в рамках вторичной медицинской помощи права пациентов также расширились.

По аналогии со здравоохранением, государство сделало открытой и систему начального и высшего образования для деятельности коммерческих структур. Ключевой реформой в школьном образовании стало введение ваучеров (1992). Данная реформа, которая основывалась на американском опыте, уравнивала частные школы с государственными в конкуренции за учеников. Образовательные ваучеры резко улучшили условия для частных школ в Швеции и обернулись быстрой экспансией негосударственных учебных учреждений.

---

²³⁰ См. Вахрушева К. В. Политика нейтралитета и членство Швеции в Европейском союзе // Северная Европа. Проблемы истории, М.: «Наука», 2003. С. 142

²³¹ См. Palme J. The Swedish Welfare Model and 15 years of EU-Membership, Uppsala, 2011, 25 p.

Радикальным изменениям подвергся и сектор по уходу за пожилыми шведами. Так, большинство муниципалитетов отказалось от предыдущей системы прямого административного контроля в этой области и прибегло к использованию модели покупатель/поставщик. По этому примеру полному пересмотру подверглась в целом вся сфера оказания социальных услуг, что на фоне спада экономики, бюджетного дефицита и безработицы прошло незаметно.

В 1994 г. социал-демократы вновь возглавили правительство и удерживали власть в течение трёх последующих сроков. Им удалось уравновесить бюджет, стабилизировать занятость в государственном секторе и повысить её в частном. Но главное то, что они начали следовать общеевропейской тенденции на примирение стратегии коммунитарного общества с конкурентоспособной экономикой. Коммунитаризм – это учение, выдвигающее на первый план социальную обусловленность личности общественными нормами и ценностями в противовес ничем не ограниченной свободе и асоциальному индивидуализму либеральной концепции. Его главный идеолог Амитаи Этциони, полагал, что люди должны считать своей первейшей обязанностью самостоятельное решение личных проблем, оказывая помощь тем своим членам, возможности самопомощи которых исчерпаны.²³² В этом случае новые формы децентрализованного гражданского влияния и локального партнёрства между государством, бизнесом и гражданским обществом должны быть разработаны таким образом, чтобы повысить эффективность и конкурентоспособность, стимулировать трудовую этику и предпринимательство.

Политика шведского правительства на протяжении 1980-1990-х гг. во многом не соответствовала данному учению, и лишь за редким исключением, по утверждению С. Монтина, коммунитарные ценности принимались во внимание при планировании. Исследователь упоминает всего несколько

---

²³² См. Волкова Т. П. Либералы и коммунитаристы: дискуссия о социальной справедливости продолжается // Вестник МГТУ. 2004. Т. 7. № 2. С. 203

таких случаев, в их числе уход за детьми, субкоммунальные подразделения некоторых органов местного самоуправления, в которых просматривался растущий интерес к коллективному участию, отличавшемуся как от локальной партийной политики, так и от индивидуального консюмеризма.²³³

Напротив, в середине 1990-х гг. коммунитарная система управления становится приоритетом децентрализованной организации местного, регионального и транснационального партнёрства с целью дальнейшего развития Швеции. Согласно К.-У. Ширупу, о тогдашнем социально-политическом курсе можно было говорить как о частном варианте общей трансформации капитализма от национального государства благосостояния в неолиберально регулируемый, так называемый, «постнациональный режим общественных работ». Социал-демократы ставили своей целью создание дифференцированной и «дружелюбной» в отношении бизнеса политики, которая мобилизовала бы человеческий капитал и максимизировала бы региональные сравнительные преимущества. Произошёл сдвиг между трудом и благосостоянием, выразившийся в четырёх пунктах:

- Соотношение трудоустройства – безработицы зависело, в первую очередь, от квалификации человека, а не привязывалось к наличию ряда программ переобучения на рынке труда.

- С целью создания более гибкого рынка труда подчёркивался приоритет экономики над социальной сферой. Социальные расходы, таким образом, рассматривались как себестоимость продукции, а не средство распространения.

- Меры социальной политики всё меньше определялись как средство защиты общества и граждан от недостатков и разрушительных сил нерегулируемой рыночной экономики, а как инструмент для контроля за поведением индивидов

---

²³³ См. Montin S., Eländer I. Citizenship, Consumerism and Local Government in Sweden // Scandinavian Political Studies. 1995. Vol. 18. № 1. p. 46

- Трансферты для поддержания уровня доходов были ограничены до минимума для стимулирования людей к труду и налаживанию «предпринимательского духа»

В целом же, вышеизложенный план социал-демократов дал положительные результаты в виде стабилизации экономического роста. Но уже в новом тысячелетии проблемы безработицы и зарплатного неравенства вернулись в центр политического дискурса. В частности, набирала обороты тема инсайдеров и аутсайдеров на рынке труда. «Разделение между авторитетной частью и менее авторитетной, – пишут Т. Корпи и М. Толин, – всё чаще воспринималась как резкое и трудно преодолимое».²³⁴ Данная проблема была поставлена консерваторами при подготовке к очередным выборам в 2006 г. К этому моменту в главной правоцентристской партии страны сменилось руководство, и новый партийный лидер Ф. Рейнфельдт, сменил большую часть руководящего партийного состава. Партийная идеология сместилась к центру, а сама партия стала характеризоваться как «новая рабочая партия», перед руководством которой стояло две задачи:

1. Переработать формулировки основных социально-экономических проблем таких, как социальная отчуждённость некоторых категорий граждан;
2. Позиционировать «новых умеренных» партией, способной решить проблемы наиболее уязвимых групп населения.

То есть по сути «умеренные» занялись тем же, чем занимались и социал-демократы раньше – отстаиванием интересов наиболее обездоленного рабочего класса.

Между тем, социал-демократическое правительство в ответ на критику своих политических оппонентов утверждало, что кризис в занятости населения и проблемы маргинальных групп (студенты, иммигранты, люди предпенсионного возраста, матери-одиночки) являлись циклической, а не

---

²³⁴ Korpi T., Tåhlin M. Changing work-life inequality in Sweden: Globalization and other causes, Stockholm, 2010. p. 10

структурной проблемой, а потому нет необходимости в реформировании рынка труда. Данная позиция была оценена обществом как пассивная и неправильная, и в результате социал-демократы проиграли выборы.

Правительство Рейнфельдта, принявшее руководство на волне благоприятной экономической обстановки, направило все свои усилия на повышение занятости. Новая политика включала три компонента:

1. Сборы на страхование по случаю безработицы были значительно подняты;
2. Правила, касающиеся долгосрочного отсутствия по болезни и раннего выхода на пенсию, были ужесточены;
3. Был введён налоговый кредит на прибыль, снижавший ставку налога для всех наёмных работников.

Едва вступив в силу, новая политика на рынке труда, опиравшаяся не на систему переговоров между профсоюзами и работодателями и не на достижение полной занятости, подверглась испытанию из-за очередного финансового кризиса. Как и в начале 1990-х гг. Швеция столкнулась с падением спроса на рабочую силу и увеличением уровня безработицы в стране. По состоянию на 2009 г. она составляла 8,3 %, что было более чем на два процента выше показателей годом ранее.²³⁵ Эти показатели были далеки от тех, которые наблюдались даже в период упадка «шведской модели». Таким образом, концепция государства всеобщего благосостояния в Швеции претерпела фундаментальные преобразования за последние двадцать лет.

Для определения масштабов этой трансформации следует обратиться к шведским источникам. Торстен Свенссон, профессор кафедры управления Уппсальского университета, в своей работе «Глобализация, маркетизация и власть – шведский случай индустриального изменения» исследует видимые изменения в сторону развития рынка в Швеции, и то, каковы последствия маркетизации с точки зрения политико-административного управления. Для этого он рассматривает реформы в социальном секторе в их сравнении с

---

²³⁵ См. Borrelli M. Globalization and the Swedish labour market, Lund, 2010. p. 30

такими важными областями как кредитный рынок, рынок труда и инфраструктурная политика. При этом изучение каждого из этих направлений проводится в четырёх измерениях – частная собственность, автономия, плюрализм и частное финансирование – в пределах от политических решений до рыночных. Это, так называемая, «концепция маркетизации», объединяющая разные и невзаимосвязанные теоретические и эмпирические концепции по либерализации государства благосостояния.²³⁶ По его мнению, по сравнению с 1980-ми произошло существенное увеличение степени автономии индивидуальных предпринимателей при тотальном доминировании частной собственности. Одновременно с этим кардинальные изменения претерпела также и система социального страхования, которая стала менее щедрой. Сравнение пенсионной системы, медицинского и родительского страхований показывают общий уровень снижения за 1980 и 1998 гг.

Иного подхода в решении вопроса о трансформации «шведской модели» придерживаются К. Бергквист и А. Линдбум. Их исследование опирается на работу Ё. Эспинг-Андерсена «Три мира социального капитализма», где сравниваются восемнадцать наиболее развитых экономик по состоянию на 1980-е гг. Критикуя данные, полученные датским учёным для этих стран, они ставят задачу проанализировать характер реструктуризации «шведской модели». В этой связи вопрос ставится следующим образом: можно ли в настоящее время рассматривать «шведскую модель» в контексте социал-демократической политики или же стоит говорить о полной её либерализации? Бергквист и Линдбум выходят за рамки подхода Эспинг-Андерсена по двум позициям. Во-первых, учёные полагают, что измерение универсальности общества должно быть дополнено, а, во-вторых, в отличие от Эспинг-Андерсена, который делал анализ только социальных трансфертов, Бергквист и Линдбум делают акцент на социальных услугах. На

---

²³⁶ См. Svensson T. Globalisation, Marketization and Power -the Swedish case of Institutional Change // Scandinavian Political Studies. 2002. Vol. 25. Issue 3. p. 10

основе статистического сравнения они делают заключение, что, например, произошло расширение процента частных пенсий по сравнению с государственными (1980 года – 5,5%, а 1998 – 12.1%).²³⁷ В частном здравоохранении также прослеживается отчётливая тенденция к либерализации. Интересно, что эти показатели оказались значительно ниже средних значений для 18 стран по состоянию на 1980 г. Данное обстоятельство говорит, по их мнению, о том, что Швеция не получила атрибутов либерального государства благосостояния в отношении социального страхования.

Как же глобализация повлияла на показатели замещения пособий по безработице и универсализм? В первом случае шведские показатели оказались выше, чем средний объём для 18 стран. Более того, - отмечают исследователи, - текущая тенденция такова, что показатели замещения пособий по безработице поднялись значительно с 1998 по 2002 гг. Итог их анализа сводится к тому, что ни исторический анализ социальной политики Швеции, ни её сравнение с другими странами не показывает, что шведское государство благосостояния стало менее «щедрым».

Бергквист и Линдбум также исследуют универсальный характер пенсий и пособий по болезни. По их мнению, в целом, к 2002 г. данный универсализм приобрёл большие масштабы, согласно приведённым в исследовании данным, чем во времена расцвета «шведской модели». Но при этом также показано, что универсальность шведского государства всеобщего благосостояния возрастает согласно одному индикатору и уменьшается согласно другому. В целом же, авторы утверждают, что шведское государство благосостояния не было универсальным в строгом смысле этого слова, и в нём изначально присутствовала несогласованность между политическим дискурсом и политическими программами. То есть, многие социальные пособия требовали предыдущего участия человека в трудовой

---

²³⁷ См. Bergqvist C., Lindbom A. The Swedish Welfare State: Neo-liberal. Challenge and Welfare State Resilience // Österreichische Zeitschrift für Politikwissenschaft. 2003. № 4. p. 392

деятельности, в то время как новые граждане страны ввиду отсутствия данного участия не могли претендовать на получение пособия. Следовательно, иммигранты и молодёжь, в период безработицы оказывались за пределами политики государственного социального обеспечения, и эта её особенность перешла и в настоящую модель социального государства в Швеции. На том основании делается заключение: в стране остаётся относительная универсальность социального обеспечения.

Однако существует и противоположная позиция в оценке универсализма в современном шведском государстве благосостояния, которая сформулирована Й. Пальме. Он заявлял, что «принципу универсализма социальной политики угрожает географическое разделение, связанное с местами проживания богатых и бедных, мигрантов и местных жителей».²³⁸ Жилищная сегрегация, следовательно, может рассматриваться как пространственное выражение социального неравенства, но ведь именно равенство во всех своих проявлениях является одним из элементов универсализма.

Завершая параграф, укажем на изменившийся характер социального государства в современной Швеции. Разрушение классической «шведской модели» было спровоцировано не только и не столько глобализацией, сколько позицией самой СДРПШ в отношении дальнейшего социально-политического курса. Исследование шведского политолога М. Рюнера как нельзя лучше подтверждает тот факт, что шведские социал-демократы сознательно выбрали путь неолиберализма, несмотря на возможности использования альтернативных вариантов, каковыми были модель Рена-Мейднера и концепция введения фондов наёмных работников. А. В. Рябиченко и М. Г. Шендерюк, опираясь на исследование политолога Т. Мёллера, придерживаются аналогичной точки зрения.²³⁹ Рюнер, однако, не вполне точен в своих суждениях, и у него не прослеживается чёткой

---

²³⁸ Palme J., Fritzell J., Bergmark Å End of Equality? The Welfare State Model Beyond the Crisis // Framtider, Stockholm: Federativ Tryckeri AB. 2008. p. 8

²³⁹ См. Рябиченко А. В., Шендерюк М. Г. Трансформация партийно-политической системы Швеции в конце XX – начале XXI века // Балтийский регион, 2013, № 3 (17). С. 147

взаимосвязи между предложенными им эпистемами в качестве нового подхода в определении причин либерализации социал-демократической идеологии. И вероятно, недостающим звеном здесь может быть то, что сами социал-демократы, от Г. Мёллера и Э. Вигфорсса и до У. Пальме и Ч. У. Фельдта сознательно приближались к идеалу «нового общественного управления», пытаясь проводить реформы не на чистых социал-демократических принципах, а сообразно практической необходимости. Во всяком случае, в свете такого предположения становится более понятной критика Р. Мейднера, который как раз обвинял социал-демократов в том, что они уже в послевоенное время отбросили марксистские идеи, чего, по его мнению, не стоило делать в интересах жизнеспособности «шведской модели». Но поколение социал-демократов 1980-х гг. вообще не особо беспокоил уклон к либерализму в условиях, когда ещё действовала система переговорного процесса. Стиль управления, базировавшийся на многосторонних переговорах и договорённостях, позволял сочетать новые идеи с универсалистским государством всеобщего благосостояния. И проблемы начались тогда, когда на волне экономической глобализации шведский бизнес и, прежде всего, ОРШ почувствовали свободу от воздействия государственного регулирования. Дерегуляция финансового и кредитного рынков дала им возможность для открытой критики партийной линии СДРПШ, что также укрепило оппозиционный блок либеральных партий. Всё закончилось сначала расстройством переговорной системы, что стало ударом для «шведской модели», поскольку у руководящей элиты уже не было возможностей для политического манёвра. Необходимо было следовать политике «нового общественного управления», однако социал-демократы и в этом не преуспели. Вся реализация этой политики легла на плечи коалиционного четырёхпартийного правительства К. Бильдта. Из этого следует и новая концепция социального государства в Швеции, после 1990-х гг. сфера социальных услуг характеризовалась наличием квазирынка* и

---

* квазирынок - результат искусственного навязывания рыночных отношений в сфере, в которой

конкуренцией, чего не было ранее. При этом, по мнению многих шведских исследователей, этот факт не отразился негативно на политике универсализма (К. Бергквист, А. Линдбум и др.) и даже, напротив, расширил её, как и разнообразил программы по отдельным направлениям социального обеспечения ввиду возникновения конкуренции между оказывающими услуги частными провайдерами. Однако «шведская модель» – это не только реализация принципа универсализма, она была нацелена на достижение высокого экономического роста, подразумевающего полную занятость, и равенства в доходах, гендерного равенства, равенства возможностей.

Проведённый в данном параграфе анализ исследований шведских учёных показывает, что после 1990 г. и экономического кризиса кардинальным образом изменился характер двух выше обозначенных компонентов «шведской модели». Так от политики экономического роста Швеция перешла к удержанию инфляции на низком уровне. Шведский рынок труда в настоящее время характеризуется очевидной дифференциацией на высокооплачиваемых квалифицированных работников и тех, которых можно обозначить термином «аутсайдеры». Это, например, молодёжь, люди предпенсионного возраста, матери-одиночки и иммигранты. Все эти социальные группы характеризует «социальная изоляция», а их доходы несопоставимы с теми, которые получают люди высшей категории. Наконец, среди них много безработных, живущих за счёт социальных пособий.

Ещё одним примером нетипичного для «шведской модели» явления является то, что благодаря существующей в модели Рена-Мейднера установке на перемещение рабочей силы из неблагополучных и малоэффективных секторов экономики и предприятий в более рентабельные и высокодоходные СДРПШ удавалось сдерживать безработицу на очень низком уровне. И хотя сейчас безработица по-прежнему относительно

невелика, но она в любом случае выше показателей, характерных для «шведской модели».

Заключение.

В диссертационной работе уделяется внимание анализу идейных и культурно-исторических истоков шведского социального государства, а также решается и вопрос о концептуальном различии социал-демократического варианта шведского социального государства и его современной неолиберальной формы. «Шведская модель» представляет собой разновидность социального государства, теоретические основания которого развиты главным образом в работах Л. фон Штейна. Идеи социального государства развивались в европейской социально-политической философии XIX-начала XX вв. под влиянием идей социал-консерватизма, социализма, социал-либерализма а также в ходе практической реализации конкретных мер по улучшению жизни индивида. Концепция социального государства в различных странах получила свою социально-политическую специфику; в её основе в Швеции лежат, с одной стороны, культурно-исторические предпосылки развития шведского общества с выработанными в нём идеалами социального равенства и взаимопомощи и прагматизма. С другой стороны, активная политическая деятельность социал-демократии, которая была нацелена на практическое решение общественных проблем и проблем рабочего класса (обеспечение права на труд, пенсионное страхование, страхование от производственных травм) в первую очередь.

Из этих целей следует и программа «Дома для народа». Её политическую платформу можно охарактеризовать следующим образом. Во-первых, в практическом отношении она базировалась на соглашении между рабочими и работодателями с участием государства как гаранта этого соглашения, что дало возможность Швеции реализовывать универсальную социальную политику. Во-вторых, на неё повлияли концепции, сформировавшие основные векторы данной политики. Так, идеи Г. Мёллера придали «шведской модели» универсальные характеристики. Концепция

народонаселения Альвы и Гуннара Мюрдалей открыла шведским социал-демократам путь к наиболее эффективному решению демографической проблемы в стране. Ё. Рен и Р. Мейднер заложили теоретические основы экономического прогресса шведского социального государства, предложив свой вариант достижения полной занятости и снижения инфляционных показателей. У. Пальме удалось развить социал-демократический вариант социального государства Швеции путём обращения к идеологии «демократического социализма», подразумевавшего более активное участие граждан в решении насущных государственных проблем. В итоге «шведская модель» эпохи правления СДРПШ отличалась выраженной нацеленностью на достижение социального равенства, универсальным характером социальной поддержки и политикой достижения полной занятости. Но существовала и определённая политическая культура, в рамках которой социальная политика инициировалась тремя заинтересованными сторонами – государством, работодателями и профсоюзами.

В определённой мере этот процесс завершился в 1990-х гг., когда на смену правлению СДРПШ пришли либеральные партии, что вызвало полемику о будущем социального государства в Швеции. Некоторые, как Б. Ротштайн и Й. Линдвалль видели в упадке «шведской модели» признаки расстройства присущего социал-демократии стиля управления и отказа от идеологического компонента, в то время как М. Рохас, М. Рюнер и А. Берг настаивали на политических ошибках правительства СДРПШ. Желание этой партии неизменно поддерживать высокий экономический рост, полную занятость и универсальный характер социального государства обернулось в итоге подрывом доверия в системе переговорного процесса. Среди шведских авторов также преобладает точка зрения, согласно которой сущностные характеристики «шведской модели» в конце XX века во многом стали напоминать политику «нового общественного управления» США и Великобритании на фоне нарастающей глобализации. Кризис «шведской модели», таким образом, был спровоцирован не только и не столько

глобализацией, сколько позицией самой СДРПШ в отношении дальнейшего социально-политического курса. Исследование шведского политолога М. Рюнера подтверждает тот факт, что шведские социал-демократы сознательно выбрали путь неолиберализма, несмотря на возможности использования альтернативных вариантов, каковыми были модель Рена-Мейднера и фонды наёмных работников. В связи с этим произошли значительные институционально-политические изменения, смена приоритетов с политики гарантирования полной занятости на политику сохранения низкого уровня инфляции в экономике. Сфера социальных услуг потеряла свой универсальный характер, и от политики экономического роста Швеция перешла к политике удержания инфляции на низком уровне. Шведский рынок труда в настоящее время характеризуется выраженной дифференциацией на категории высокооплачиваемых квалифицированных работников и тех, которые в значительной степени исключены из рынка труда: молодёжь, люди предпенсионного возраста, матери-одиночки и иммигранты, положение которых с точки зрения шведских авторов характеризуется «социальной изоляцией», и недостаточными доходами. Среди этой категории также много безработных, живущих за счёт социальных пособий.

Таким образом, «шведская модель», являющаяся результатом идейного и практического синтеза социал-демократических, социал-консервативных (Л.Штейн) и социал-либеральных (Д.М.Кейнс) идей, эволюционировала от концепции универсалистского социального государства к теории социального государства с либеральной спецификой.

Список использованной литературы

1. Аксенов С. М. Трансформирование шведской модели социально-экономического развития в современных условиях: Автореф. дис....канд. эконом. наук. М.: 2006. 23 с.
2. Андросова Т.В. Европейский интеграционный процесс и «государство всеобщего благоденствия» // Единая Европа: идея и практика. М.: ИВИ РАН, 1994. С. 205 - 237
3. Антюшина Н. М. Шведская модель: из прошлого в будущее, М.: Рус. сувенир, 2008. 132 с.
4. Ачкасов В. А. Массовая иммиграция: «бич нашего времени» или...? // ПОЛИТЭКС: Политическая экспертиза. 2005. № 5. С. 124 - 140
5. Ачкасов В. А., Гуторов В. А. Политология, СПб.: Питер, 2005. 560 с.
6. Борисов В.А. Социально-экономические и геополитические аспекты «шведской модели» экономики: Автореф. дис....канд. геогр. наук. Краснодар: 2002. 19 с.
7. Борзова Е.П., Бурдукова И.И. Политические и избирательные системы государств мирового сообщества. СПб., Изд-во СПбГУКИ 2004.484 с.
8. Вахрушева К. В. Политика нейтралитета и членство Швеции в Европейском союзе // Северная Европа. Проблемы истории, М.: Наука, 2003, С. 141 – 150
9. Вейбуль Й. Краткая история Швеции. Стокгольм. Шведский институт. 1994. 190 с.
10. Вейт-Уилсон Дж. Государство благосостояния: проблема в самом понятии // Pro et Contra. 2001. Т. 6. № 3, С. 128 – 157
11. Веттенберг Г. Новое общество. О возможностях общественного сектора. М.: Ad Marginem, 1999. 304 с.
12. Викторов И.Н. Борьба вокруг фондов наёмных работников в условиях кризиса шведской модели (1970-е - середина 1980-х гг.): Автореф. дис....канд. истор. наук. Екатеринбург, 2005. 26 с.

13. Волков А. М. Особенности шведской модели // Северная Европа. Проблемы истории, М.: Наука, 1999. С. 250 – 265
14. Волков А. М. Швеция: социально-экономическая модель. М.: Мысль, 1991. 189 с.
15. Волкова Т. П. Либералы и коммунитаристы: дискуссия о социальной справедливости продолжается // Вестник МГТУ. 2004. Т. 7. № 2. С. 200 – 207
16. Вольский В. Шведская модель – тупиковый путь [Электронный ресурс] / Библиотека Svenska Palmen. URL: http://www.sweden4rus.nu/rus/publicist/tupikovyj_put.asp
17. Горохова К. Г. «Государство благосостояния» шведская модель. М.: Знание, 1989. 64 с.
18. Государственная политика и управление. Уровни, технологии, зарубежный опыт государственной политики и управления. Учебник в двух частях. Ч. II. Под ред. Л.В. Сморгунова. М., РОССПЭН, 2007. 495 с.
19. Гришин В. В. Конституционно-правовая модель местного самоуправления в Швеции: Автореф. дис...канд. юридич. наук. М., 2008. 18 с.
20. Гришин И. В. Шведская модель общественного развития // Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 10. С. 76 – 87, № 11 – с. 86 – 95
21. Грушко К. С. Социально сбалансированная модель рыночного хозяйства: (на примере Швеции и России): Автореф. дис...канд. социол. наук. М., 2001. 29 с.
22. Густафссон Б. Современный опыт Швеции в области международной миграции: проблемы и исследования // Журнал исследований социальной политики. 2003. Т. 1. № 2. С. 185-211
23. Густафссон Б. Социальная помощь в Швеции // Международный опыт организации системы социальной помощи, М.: МОТ, 2004. С. 31-57

24. Гуторов В. А. Политическая культура и политическая власть в эпоху глобализации // ПОЛИТЭКС: Политическая экспертиза. Альманах. 2006. Т. 2. № 4. С. 63 – 74
25. Гуторов В.А. Политология. Наука. Философия. Образование. СПб., Изд-во СПбГУ. 2011. 516 с.
26. Дашкевич В. В. Развитие идеи «социального государства» // Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 4. С. 204-210
27. Дерябина Ю. С. Антюшина Н.М. Северная Европа. Регион нового развития, М.: Весь Мир, 2008. 512 с.
28. Доктрины правового государства и верховенства права в современном мире. Под ред. В.Д.Зорькина, П.Д. Баренбойма. М., Изд-во «Лум». 2013. 560 с.
29. Долгошева А. Просто нормальная страна [Электронный ресурс] // Санкт-Петербургские Ведомости. 2013. № 17. URL: http://www.spbvedomosti.ru/article.htm?id=10295974@SV_Articles (дата обращения: 4.02.2013)
30. Евдокимов А. И., Кхалед Ю. Швеция в системе мирового хозяйства: Структура и тенденции развития национальной экономики, модернизация модели "всеобщего благосостояния" и внешние экономические связи, СПб.: 2007. 133 с.
31. Иванов В. Д. Теоретические модели глобализации // Вестн. С.-Петербургского ун-та. Сер. 6: Философия, Политология. 2007. № 4. С. 52 - 60
32. Иванов В. Д. Эволюция концепции глобализации // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2002. № 4. С. 3 – 14.
33. Исаев М.А., Чеканский А.Н., Шишкин В.Н. Политическая система стран Скандинавии и Финляндии. М.: РОССПЭН, МГИМО, 2001. 279 с.

34. Кагалова М. В. Социальное государство – неотъемлемая часть современной цивилизации // Социальное государство: концепция и сущность, М.: Огни, 2004. С. 13-18
35. Калашников С. В. Природа социального государства и его исторический генезис // Социальное государство: концепция и сущность, М.: Огни, 2004. С. 18-32
36. Кан А.С. История Швеции, М.: Наука, 1974. 719 с.
37. Кант И. Метафизика нравов //Кант. Соч в шести томах. Т. 4. Ч. 2. М., 1965. С. 107-438.
38. Карлбек Х. Материнство и труд на производстве. Дебаты и решение проблем в Швеции и России // Северная Европа. Проблемы истории, М.: Наука, №6, 2007. С. 228 – 237
39. Карлсен А. В. Противоречия неореформизма. Критика теории и практики народных социалистов в современной Скандинавии. М.: Наука, 1986. 150 с.
40. Карлсон А. Шведский эксперимент в демографической политике. Гуннар и Альва Мюрдали и межвоенный кризис народонаселения. М.: ИРИСЭН, 2009. 312 с.
41. Каутский К. Диктатура пролетариата. От демократии к государственному рабству. Большевизм в тупике, М.: Антидор, 2002. 157 с.
42. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег, М.: Гелиос АРВ, 2002, 352 с.
43. Коллонтай В.М. Мирохозяйственные аспекты шведской модели // Шведская модель современного постиндустриального развития: Новые проблемы и характеристики социального развития: материалы теоретического семинара, М.: ИМЭМО, 2006. С. 57–74
44. Кочеткова Л. Н. Социальное государство: консервативный проект Лоренца фон Штейна // Россия: путь к социальному государству /

- Материалы Всероссийской научной конференции, М.: Научный эксперт, 2008. С. 349 - 358
45. Кочеткова Л. Н. Философский дискурс о социальном государстве // Ценности и смыслы. 2009. № 3. С. 6 - 15
46. Кулябина Л. Н. Швеция в современном мире, М.: Научная книга, 2005. 173 с.
47. Курочкин А. В. Новые формы регионального управления в условиях становления сетевого общества: опыт Финляндии и Швеции // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2012. № 3. Сер. 6. С. 57 – 63
48. Кхалед Ю. Особенности социально-экономического развития современной Швеции: Автореф. дис...канд. эконом. наук. СПб., 2008 г. 19 с.
49. Ланцов С. А. Экономические и политические аспекты глобализации // ПОЛИТЭКС: Политическая экспертиза. 2006. Т. 2. № 4. С. 75 - 81
50. Лассинантти Г. Шведская модель – третий путь? // Северная Европа: Проблемы истории, М.: Наука, 2003. С. 126 – 141
51. Лащев А. М. Шведская школа экономического роста // Вестн. С. – Петерб. ун-та. Сер. 5: Экономика. 2007. Вып. 2. С. 90 – 97
52. Лебедев А. С. Истоки социального государства в Швеции // Вестн. Ленинград. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. Сер. 4: История. 2012. № 4. С. 104 – 113
53. Лебедев А. С. Культурно-исторические особенности шведского национализма // Научно-технические ведомости СПбГПУ, СПб.: Издательство Политехнического университета, 2012, № 1. С. 204 – 208
54. Лебедев А. С. Модель Рена-Мейднера в контексте трансформации шведского «государства всеобщего благосостояния» // Вестн. Ленинград. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. Сер. 6: Экономика. 2012. № 4. С. 180-188
55. Линдбек А. Шведский эксперимент // Очерки о мировой экономике / под ред. Ослунда А., Малевой Т. – М.: Гендальф, 2002. С. 69 – 145

56. Литгорин С. О. Крушение социалистического мифа. Расцвет и упадок государства благосостояния в Швеции. М.: Фонд «Референдум», 1991. 78 с.
57. Ляйбольд Ш. Религиозные корни государства всеобщего благосостояния // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер. «Социальные науки». 2012. № 1 (25). С. 65-71
58. Мальтус Т.-Р. Опыт закона о народонаселении, М.: Директмедиа Паблицинг, 2008. 462 с.
59. Мартынов В. А. Шведская модель современного постиндустриального развития: новые проблемы и характеристики социального развития, М.: ИМЭМО, 2006. 80 с
60. Маршалл Т. Х. Ценностные проблемы welfare-капитализма // Журнал исследований социальной политики. 2010. Т. 8. № 4. С. 439 – 458
61. Матвеевская А.С. Погодин С.Н. Социальная адаптация иммигрантов в Швеции: Региональная специфика. СПб. Изд-во Политехнического университета. 2012. 176 с.
62. Мелин Я., Юханссон А., Хеденборг С. История Швеции, М.: Весь Мир, 2002. 400 с.
63. Могунова М. А. Скандинавский парламентаризм. Теория и практика, М.: Издательство РГГУ, 2000. 350 с.
64. Морозов В. Е. Идеология шведской социал-демократии: европейская интеграция, СПб.: Вирд, 1998. 111 с.
65. Мусаев В.И. Современные конфессиональные проблемы региона специализации. Религия и церковь в странах Северной Европы. СП., Изд-во Политехнического университета. 2012. 288 с.
66. Мысливченко А. Г. Философская мысль в Швеции. М.: Наука, 1972. 264 с.
67. Мысливченко А.Г. Шведская модель общественного развития // Западная социал-демократия: поиск обновления в условиях кризиса, М.: Ифран. 1998. С. 70 - 79

68. Мюрдаль Г. Швеция и Западная Европа. М.: Прогресс, 1964. 170 с.
69. Новикова И. Н., Толстова Е. В. Партийная система Швеции в свете парламентских выборов 2010 года // ПОЛИТЭКС: Политическая экспертиза. 2011. Т. 7. № 3. С. 165 – 181
70. Норберг Ю. В защиту глобального капитализма. М.: Новое издательство, 2007. 272 с.
71. О свободе. Антология западно-европейской классической либеральной мысли. Под ред. М.А.Абрамова. М, Наука, 1995. 463 с.
72. Павлова А. Н. Семейная политика Швеции в 1960-70-е годы // Северная Европа. Проблемы истории, М.: Наука, № 4, 2003. С. 150 – 170
73. Павлова О. К., Погодин С. Н. Страны Северной Европы (Региональный аспект). СПб.: Нестор, 2006. 191 с.
74. Панкратов С., Кононов Н. Тупик коммунизма // Итоги, 2006, с. 32 – 36
75. Петерсон О. Шведская система правления и политика, М.: Московская школа политических исследований, 2008. 208 с.
76. Плевако Н. С. Государство благосостояния в Швеции // Северная Европа: Проблемы истории, М.: Наука, 2005, С. 154 – 166
77. Плевако Н. С. О шведском «государстве благосостояния» // Социальное государство: концепция и сущность, М.: Огни, 2004, С. 88-98
78. Плевако Н. С. Российский интерес к шведской модели // Северная Европа. Проблемы истории, М.: Наука, 2003, С. 278-284
79. Плевако Н. С. Шведская социал-демократия и вызовы времени // Социал-демократия в современном мире, М.: Ключ-С, 2010, С. 164-171
80. Плевако Н. С. Швеция: реформизм против реформы? К проблемам «экономической демократии» в 60-80 гг, М.: Наука, 1990. 111 с.
81. Похлебкин В. В. Улоф Пальме // Вопросы истории. 1990. № 7. С. 45-74.

82. Ракитская И. А. Формы парламентского контроля в Скандинавских странах и Финляндии: Автореф. дис....канд. юридич. наук. М., 2001, 28 с.
83. Рышко Е. П. Улоф Пальме: жизнь и трагическая гибель // Новая и новейшая история / Российская академия наук, М.: №1, 2006. с. 90-101
84. Рябиченко А. В. Исторический обзор развития пенсионной системы Швеции // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Вып. 12. 2011. С. 63 – 66.
85. Рябиченко А. В., Шендерюк М. Г. Трансформация партийно-политической системы Швеции в конце XX – начале XXI века // Балтийский регион, 2013, № 3 (17). С. 146 - 159
86. Сванидзе А. А. Вера и приходская церковь в средневековой Швеции // Северная Европа, М.: Наука, 2007. С. 5-41
87. Северная Европа. Регион нового развития. Под. Ред. Ю.С.Дерябина, Н.М. Антюшиной. М., Весь Мир. М., 2008.-512 с.
88. Северная Европа. Проблемы новейшей истории / под общ. ред. О. В. Чернышёвой, А. А. Комарова. - М.: Наука, 1988. 319 с.
89. Сергачёв А. В. Новые подходы к изучению концепции государства всеобщего благосостояния в конце XX века // Россия в глобальном мире. – 2013. - № 1 (24). – С. 147 – 156
90. Сергачев А.В. Возвращение структурных теорий анализа государства всеобщего благосостояния в XXI веке // Россия в глобальном мире. - 2013-№1 (24). –С. 1566-164
91. Сидорина Т. Ю. Институты самоорганизации граждан и развитие теории государства всеобщего благосостояния // Общественные науки и современность. 2010. № 5. С. 87-100
92. «Скандинавская модель» общественного развития. Реф. Сб. Отв. ред и сост. К.Г.Горохова. М., ИНИОН, 1988-156 с.

93. Сморгунов Л. В. Сценарии политического управления в глобализирующемся мире // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2006. № 3. С. 42 - 47
94. Сорокина Е. А. Современное шведское общество и семья: векторы движения // Северная Европа. Проблемы истории, М.: Наука 2007. С. 237 – 254
95. Социал-демократия в Европе на пороге XXI века: проблемно-тематический сборник / под ред. Т. Г. Пархалиной, Б. С. Орлова [и др.] – М.: ИНИОН РАН, 1998. 259 с.
96. Стенвалль К. Швеция и шведы. М., Риппол Классик 2013. 320 с.
97. Стребков А. И. Социальная политика: теория и практика, СПб.: Издательство Санкт-Петербургского философского общества, 2000. 204 с.
98. Тоштендаль-Салычева Т. А., Дубовицкая М. О. Конференция «Вопросы Альвы Мюрдаль к нашему времени» // Северная Европа. Проблемы истории, М.: Наука, 2003. С. 319-331
99. Уландер А.- С. Незаметное дитя? Борьба вокруг политики социал-демократии в области семьи // Создавая социальную демократию. Сто лет Социал-демократической рабочей партии Швеции / под ред. К. Мисгельда, К. Молина, К. Омарка. – М.: Весь мир, 2001. С. 279 - 305
100. Фокина В.В. Стратегия и концепция региональной интеграции стран Северной Европы // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы 8-ой Международной научной конференции, СПб, 2007. С. 453 – 457
101. Хеггрут С., Крунваль К., Рибердаль К., Рюдбек К. Местное самоуправление в Швеции. Традиции и реформы. М.: Шведский институт, 1996. 118 с.
102. Химанен П., Кастельс М. Информационное общество и государство благосостояния: финская модель. М.: Логос, 2002.

103. Хирдман И. Женщины – от возможности к проблеме? Конфликт полов в «государстве всеобщего благоденствия» - шведская модель // Северная Европа. Проблемы истории, М.: Прогресс-Академия, 1995. С. 217-248
104. Цитрин П. С. Шведская модель реформистского социализма. Научно-аналитический обзор, М.: ИНИОН АН СССР, 1978. 69 с.
105. Челлен Р. Государство как форма жизни. М., РОССПЭН. 2008.- 319 с.
106. Чернышева О.В. Социальная политика современной Шведской церкви. // Скандинавский сборник, Таллин, 1988. Вып. 32. С. 34-49.
107. Чернышева О.В. Шведы и русские. Образ соседа. М., Наука. 2004. 254 с.
108. Чернышева О.В., Комаров Ю.Д. Церковь в Скандинавских странах. М.. Наука, 1988. 176 с.
109. Чеснокова Т.А. Россия-Швеция. Диалог культур. М., РГГУ., 2004. 182 с.
110. Шведская модель современного постиндустриального развития: новые проблемы и характеристики социального развития / под общ. ред. В. А. Мартынова. – М.: ИМЭМО, 2006. 80 с.
111. Шведы. Сущность и метаморфозы идентичности / под ред. Т.А. Тоштендаль-Салычевой. М.: РГГУ, 2008. 536 с.
112. Швеция и Европейское сообщество. Реф. сб. Отв. ред. и сост. К.Г. Горохова. М.: ИНИОН, 1992. 72 с.
113. Штейн Л. Учение об управлении и право управления с сравнением литературы и законодательств Франции, Англии и Германии, СПб.: Издание А. С. Гиероглифова. 1874, 594 с.
114. Эклунд К. Наша экономика. Введение в макроэкономику. М.: Школа политических исследований, 2004. 528 с.
115. Эклунд К. Эффективная экономика – шведская модель. М.: Экономика, 1991. 349 с.

116. Эспинг-Андерсен Ё. Создание социал-демократического государства благосостояния // Создавая социальную демократию. Сто лет Социал-демократической рабочей партии Швеции / Под ред. К. Мисгельда, К. Молина, К. Омарка. М.: Весь мир, 2001. С. 71-111
117. Юханссон А. Л. Анализ шведской модели // Северная Европа. Проблемы истории, М.: Прогресс-Академия, 1995. С. 310-349.
118. Якобсон Р., Альфредсон К., Равноценные. Положение мужчин и женщин в Швеции. Стокгольм. Шведский институт, 1997. 96 с.
119. Alestalo M., Hort S., Kuhnle S. The Nordic Model: Conditions, Origins, Outcomes, Lessons // The Nordic Welfare State - a Basic reader. Shanghai: Fudan University Press, 2010. P. 74-129
120. Anxo D., Niklasson H. The Swedish Model in Turbulent Times: Decline or Renaissance // International Labour Review. 2006. Vol. 145. Issue 4. P. 339-371
121. Bäckström A. New Conditions in the Labour Market // Gösta Rehn, the Swedish Model and Labour Market Policies. International and national perspectives, Aldershot: Ashgate Publishing, 2001. P. 73-79
122. Berggren H., Trägårdh L. Är svensken människa? Gemenskap och oberoende i det moderna Sverige, Stockholm: Norstedts, 2006. 439 s.
123. Bergh A. Blev den svenska välfärdsstaten mer eller mindre universell under 1990-talet och vad spelar det i så fall för roll? // Ekonomisk Debatt. 2004. № 2. S. 30-43
124. Bergh A. Från DDR-Sverige till den kapitalistiska välfärdsstaten 2030, Östersund, 2012. 33 p.
125. Bergh A. The Middle Class and the Swedish Welfare State. How Not to Measure Redistribution // The Independent Review. 2007. v. XI. № 4. P. 533– 546
126. Bergh A. The Rise, Fall and Revival of the Swedish Welfare State: What are the Policy Lessons from Sweden?, Stockholm, 2011. 29 p.

127. Bergh A. The Universal Welfare State: Theory and the Case of Sweden // *Political studies*. 2004. vol. 52. P. 745–766
128. Bergmark Å, Minas R. Rescaling Social Welfare Policies in Sweden, Stockholm, 2006. 43 p.
129. Bergqvist C., Lindbom A. The Swedish Welfare State: Neo-liberal. Challenge and Welfare State Resilience // *Österreichische Zeitschrift für Politikwissenschaft*. 2003. № 4. P. 389-400
130. Björklund A., Aronsson T. Ny kris i befolkningsfrågan?, Stockholm: SNS Förlag, 2001. 121 s.
131. Blom-Hansen J. Still Corporatism in Scandinavia? A Survey of Recent Empirical Findings // *Scandinavian Political Studies*. 2000. Vol. 23. № 2. P. 157-181
132. Blomqvist P. The Turn to Privatization in Swedish Welfare Services: A Matter of Ideas? Uppsala, 2005. 24 p.
133. Borrelli M. Globalization and the Swedish labour market, Lund, 2010. 65 p.
134. Branting H. Hållet första gången på inbjudan af gefle arbetareklubb den 24 okt. 1886 [Электронный ресурс] / Marxists Internet Archive. URL: <http://www.marxists.org/archive/branting/1886/workers-movement.htm>
135. Carlsson I., Lindgren A-M. What is Social Democracy?, Stockholm: Sjuhäradsbygdens Tryckeri AB, 2007. 110 p.
136. Dahlström C. Big Cuts, Little Time: Welfare State Retrenchment in Sweden, Göteborg, 2003. 33 p.
137. Dahlström C. The Rhetoric and Practice of Institutional Reform. Modern Immigrant Policy in Sweden, Göteborg, 2006. 41 p.
138. Edebalk P.G. Emergence of a Welfare State – Social Insurance in Sweden in the 1910s // *Journal of Social Policy*. 2000. Vol. 29. № 4. P. 537-551
139. Edebalk P.G. From poor relief to universal rights – On the development of Swedish old-age care 1900-1950, Lund, 2009. 12 p.

140. Edebalk P.G. Gustav Möller och åldringarna, Lund: Socialhögskolan, 2011. 40 p.
141. Edebalk P.G. Möllermodellen. Svensk socialförsäkring 1944-51 // Socialvetenskaplig tidskrift. 1994. № 1. S. 21-44
142. Ekholm E. The Swedish model and the Rehn-Meidner model. A definition of the Swedish model and comparison to the Rehn-Meidner model, Jönköping, 2010. 43 p.
143. Eklund K. Gösta Rehn and the Swedish Model: Did we follow the Rehn-Meidner Model too little rather than too much? // Gösta Rehn, the Swedish Model and Labour Market Policies. International and national perspectives, Aldershot: Ashgate Publishing, 2001. P. 53-73
144. Eliasson G. Is the Swedish Welfare State in Trouble? A New Policy Model // Scandinavian-Canadian Studies. 1986. Vol. 2. P. 167-189
145. Emilsson E. Ö. Before 'the European Miracles'. Four Essays on Swedish Preconditions for Conquest, Growth and Voice, Kungälv: Grafikerna Livréna, 2005. 299 p.
146. Emilsson E.Ö. Recasting Swedish Historical Identity // Cultural Identities and National Borders: Proceedings from the CERGU Conference Held at the Faculty of Arts, University of Gothenburg 7-8 June 2007, Göteborg, 2009. P. 191-198
147. Erixon L. A Swedish Economic Policy – The Rehn-Meidner Model's Theory, Application and Validity // Gösta Rehn, the Swedish Model and Labour Market Policies. International and national perspectives, Aldershot: Ashgate Publishing, 2001. P. 13-53
148. Erixon L. The Rehn-Meidner model in Sweden: its rise, challenges and survival, Stockholm, 2008. 76 p.
149. Esping-Andersen G. The Three Worlds of Welfare Capitalism. Cambridge: PRINCETON University Press, 1990. 248 p.
150. Filimonova I. Nordic Identity and European Identity: Conflict or Coexistence? The Case of Sweden, Groningen, 2009. 51 p

151. Från anföranden, som Tage Erlander och Olof Palme höll vid Möllers begravning ”Till minnet av Gustav Möller” // Tiden. 1970. № 8. S. 455-459
152. Gårdlund T. Kriget och de sociala reformerna // Tiden. 1940. № 1. S. 1-8
153. Gustafsson B. Ekonomporträttet: Gunnar Myrdal (1898–1987) // Ekonomisk Debatt. 1998. årg 26. № 8. S. 617-627
154. Hamlin A. The Idea of Welfare and the Welfare State // Public Finance and Management. 2008. Vol. 8. № 2. P. 108 - 140
155. Hedberg C. «Every Soul is Needed!» Processes of Immigration and Demographic Consequences for Swedish Rural Areas, Stockholm, 2010. 34 p.
156. Hemerijck A. The self-transformation of the European social model(s) // International Politik und Gesellschaft, Bonn. 2002. № 2. P. 39 – 66
157. Holzer S. The Expansion of Higher Education in Sweden and the Issue of Equality of Opportunity, Växjö, 2006. 41 p.
158. Huntford R. The New Totalitarians, London: Allen Lane, 1971. 354 p.
159. Karlson N. Dignity and the Burden of the Welfare State, Stockholm, 2004. 23 p.
160. Korpi T., Tählén M. Changing work-life inequality in Sweden: Globalization and other causes, Stockholm, 2010. 35 p.
161. Korpi W., Palme J. New Politics and Class Politics in the Context of Austerity and Globalization: Welfare State Regress in 18 Countries, 1975–95 // American Political Science Review. 2003. Vol. 97. No. 3. P. 425-446
162. Kumlin S., Rothstein B. Making and Breaking Social Capital: The Impact of Welfare State Institutions, Göteborg. 40 p.
163. Lennart E. A ‘third way’ in economic policy: a reappraisal of the Rehn–Meidner model in the light of modern economics // Neo-Liberal Economic Policy. Critical Essays, Bodmin, Cornwall, 2004. P. 71-116

164. Lindbeck A. *The Welfare State – Background, Achievements, Problems*, Stockholm, 2006. 21 p.
165. Lindbom A. *Dismantling the Social Democratic Welfare Model? Has the Swedish Welfare State Lost Its Defining Characteristics?* // *Scandinavian Political Studies*. 2001. Vol. 24. No. 3. P. 171 – 193
166. Lindbom A. *The Swedish Conservative Party and the Welfare State. Institutional Change and Adapting Preferences*, Uppsala, Sweden, 2006. 30 p.
167. Lindvall J. *The Political Consequences of The Crisis* // *Statsvetenskaplig tidskrift*. 2010. № 1. P. 79 – 83
168. Lindvall J., Rothstein B. *Sweden: The Fall of the Strong State* // *Scandinavian Political Studies*. 2006. Vol. 29. № 1. P. 47-63
169. Lindvall J., Sebring J. *Policy Reform and the Decline of Corporatism in Sweden* // *West European Politics*. 2005. Vol. 28. No. 5. P. 1057 – 1074
170. Lundberg U. *Social Democracy Lost - The Social Democratic Party in Sweden and the Politics of Pension Reform, 1978-1998*, 2005. 44 p.
171. Magnusson L. *The Swedish Labour Market Model in a Globalised World* // *Nordic Countries*. 2007. № 1. P. 1 – 8
172. Malmberg B., Lindh T. *Swedish post-war economic development. The role of age structure in a welfare state*, Stockholm, 2002. 23 p.
173. Meidner R. *Employee Investment Funds. An Approach to Collective Capital Formation*, London: George Allen & Unwin, 1978. 132 p.
174. Meidner R. *Why did the Swedish model fail?* // *Socialist Register: Real problems false solutions*. 1993. Vol. 29. P. 211 – 229
175. Milner H. *Gösta Rehn, Civic Literacy, and the Swedish Model* // *Gösta Rehn, the Swedish Model and Labour Market Policies. International and national perspectives*, Aldershot: Ashgate Publishing, 2001. P. 79 – 101
176. Milner H. *Sweden. Social Democracy in Practice*, Oxford: Oxford Academ, 1990. 280 p.

177. Moberg L. Universalism, choice systems and social citizenship in the Swedish welfare state, Uppsala, 2012. 31 p.
178. Möller G. Den stora socialiseringsmotionen// Tiden. 1917. № 2. S. 50 – 61
179. Möller G. I socialiserings frågan // Tiden. 1919. № 4. s. 188 - 192
180. Möller G. Socialiseringsproblemen. Föredrag av Gustav Möller vid Skandinaviska arbetarekongressen i Köpenhamn den 21 januari 1920 // Tiden. 1920. № 3. S. 97 – 105
181. Montin S., Eländer I. Citizenship, Consumerism and Local Government in Sweden // Scandinavian Political Studies. 1995. Vol. 18. № 1. P. 25 – 48
182. Myles J., Quadagno J. Political Theories of the Welfare State // Social Service Review. 2002. Vol. 76. № 1. P. 34 – 57
183. Myrdal A. Kollektiv bostadsform // Tiden 1932. № 10. S. 601 – 608
184. Myrdal G., Myrdal A. Kris i befolkningsfrågan, Falun: Bokförlaget nya doxa, 1997. 332 s.
185. Nielsen A. The disputed demarcations of the welfare state. Dilemmas of citizenship and migration policy controversy in contemporary Sweden, Reykjavik, 25-27/8 2011. 18 p.
186. Olsson S. Social Polisy and the Welfare State in Sweden. 1990
187. Østergård U. Nordic identity between "Norden" and Europe // European Peripheries in Interaction. The Nordic Countries and the Iberian Peninsula, Universidad de Alcalá: Servicio de Publicaciones, 2002, P. 151 – 202
188. Palm A. Speech at Hotel Stockholm, Malmö, 6 November 1881 [Электронный ресурс] / Marxists Internet Archive Library. URL: <http://www.marxists.org/archive/palm-august/1881/speech.htm>
189. Palme J. Income distribution in Sweden // The Japanese Journal of Social Security Policy. 2006. Vol.5. No.1. P. 16 – 26

190. Palme J. Nordic Model and the Modernization of Social Protection in Europe. Copenhagen. 1991.
191. Palme J. The Swedish Welfare Model and 15 years of EU-Membership, Uppsala. 25 p.
192. Palme J., Bergmark Å., Bäckman O. Welfare trends in Sweden: balancing the books for the 1990s // Journal of European Social Policy, London, Thousand Oaks and New Delhi. 2002. Vol. 12 (4). P. 329 – 346
193. Palme J., Fritzell J., Bergmark Å End of Equality? The Welfare State Model Beyond the Crisis // Framtider, Stockholm: Federativ Tryckeri AB. 2008. P. 4 – 13
194. Palme O. Democratic socialism means solidarity // Socialism, Peace and Solidarity. Selected Speeches of Olof Palme, New Delhi, 1990. P. 14 - 28
195. Palme O. Ett demokratiskt genombrott // Tiden. 1973. № 7. S. 388 – 398
196. Palme O. Universiteten och samhället // Tiden. 1968. № 7. S. 145 – 155
197. Pierson P. The New Politics of The Welfare State // World Politic 48.2, 1996, P. 143 – 179
198. Rojas M. Beyond the Welfare State. Sweden and the Quest for a Post-Industrial Welfare Model, Stockholm: Timbro, 2001. 135 p.
199. Rojas M. Sweden after the Swedish Model. From Tutorial State to Enabling State, Stockholm: Timbro, 2005. 93 p.
200. Rönnblom M. “The best place for women to be?” A study of the constructions of gender equality and gender mainstreaming in regional policies, in Sweden and the European Union, Umeå, 2004. 26 p.
201. Rothstein B. Creating a Sustainable Solidaristic Society: A Manual, Gothenburg, 2011. 20 p.
202. Rothstein B. Den svenska modellens uppgång och fall – en essä // Statsvetenskaplig Tidskrift. 1998. årg 101. № 1. S. 41-49

203. Rothstein B. Happiness and the Welfare State // Social research. 2010. Vol. 77. № 2. P. 1 – 28
204. Rothstein B. Managing the Welfare State: Lessons from Gustav Möller // Scandinavian Political Studies. 1985. Vol. 8. № 3. P. 151-170
205. Rothstein B. Political Legitimacy and the Welfare State: Five Basic Models, Göteborg, 2008, 26 p.
206. Rothstein B. The State and Social Capital: An Institutional Theory of Generalized Trust // Comparative Politics. 2008. Vol. 40. № 4. P. 441-459
207. Rothstein B. The Universal Welfare State as a Social Dilemma, Göteborg, 1998. 23 p.
208. Rydgren J. Radical Right-wing Populism in Denmark and Sweden: Explaining Party System Change and Stability // SAIS Review. 2010. Vol. 30. № 1. P. 57 - 71
209. Ryner M. Neoliberal Globalization and the Crisis of Swedish Social Democracy // Economic and Industrial Democracy. 1999. Vol. 20. P. 39-79
210. Ryner M. Neo-liberalization of Social Democracy: The Swedish Case // Comparative European Politics. 2004. № 2. P. 97-119
211. Saxonberg S. Attitudes toward Welfare Policy in Sweden Revisited // Statsvetenskaplig Tidskrift. 2003/04. årg 106. № 1. S. 1-31
212. Schierup C.-U. "Diversity" and Social Exclusion in Third Way Sweden. The "Swedish Model" in Transition, 1975 – 2005, Norrköping: Isv-Remeso, 2010. 48 p.
213. Sjöberg S. Collective Capital Formation for Economic Democracy; the Fordist History in Germany and Sweden and the Post-Fordist future, Gävle, 2007. 28 p.
214. Steinmo S. Globalization and Taxation: Challenges to the Swedish Welfare State // Comparative Political Studies. 2002. Vol. 35. № 7. P. 839 – 862
215. Steinmo S. The Evolution of Modern States: Sweden, Japan, and the United States, Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 201 p.

216. Svensson L. The Rise and Fall of the Restricted Swedish Model. A Rational Choice Approach to Institutional Change in the Swedish Labour Market 1920-2000, Lund, 2010. 42 p.
217. Svensson T. Globalisation, Marketization and Power -the Swedish case of Institutional Change // Scandinavian Political Studies. 2002. Vol. 25. Issue 3. P. 197-229
218. The Program of Swedish Social Democracy. 1882. [Электронный ресурс] / Marxists Internet Archive Library. URL: <http://www.marxists.org/history/international/social-democracy/sweden/program.htm>
219. Tsarouhas D. Social Democracy in Sweden. The Threat from a Globalized World, London: Tauris Academic Studies, 2008. 288 p.
220. Urban K., Åmark K. Social Rights and Social Security: The Swedish Welfare State // Scandinavian Journal of History. 2001. Vol. 26. № 3. P. 157 – 176
221. Wadensjö E. The Labour Market Policy – Rehn or Rubbestad // Gösta Rehn, the Swedish Model and Labour Market Policies. International and national perspectives, Aldershot: Ashgate Publishing, 2001. P. 3 – 13
222. Westin C. The effectiveness of settlement and integration policies towards immigrants and their descendants in Sweden, Geneva, 2000. 72 p.